

Министерство науки и высшего образования РФ
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
Межрегиональная общественная организация
"Русское общество истории и философии науки"

The Digital Scholar: **Philosopher's lab**

Vol. 6. • no 3.

Цифровой ученый: **лаборатория философа**

Т. 6. • №3.

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2023

Цифровой ученый: лаборатория философа **2023. Т. 6. №3.**

Ежеквартальный научно-теоретический журнал

Главный редактор: И.Т. Касавин (Институт философии РАН, Москва, Россия;
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия)

Зам. главного редактора: А.Н. Ткачев (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Ответственный секретарь: С.В. Шибаршина (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

А.М. Бекарев (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород), Ю.К. Волков (Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского), А. Гельферт (Берлинский технический университет, Берлин, Германия), И.Н. Грифцова (МПГУ, Москва), А.М. Дорожкин (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород), Е.В. Масланов (Институт философии РАН, Москва), М.А. Можейко (БГУКИ, Минск, Республика Беларусь), И.Д. Невважай (СГЮА, Саратов), О.А. Останина (ВятГУ, Киров), К.А. Очеретяный (СПбГУ, Санкт-Петербург), О.В. Париков (Приволжский филиал РГУП, Нижний Новгород), В.С. Пронских (Национальная Ускорительная Лаборатория им. Э. Ферми, Батавия, США; ОИЯИ, Дубна), В.М. Розин (Институт философии РАН, Москва), Н.С. Розов (НГУ, Новосибирск), Руане Луис Паулу (Федеральный университет Сан-Жуан-дел-Рей, Бразилия), А. Рузер (Университет Агдера, Кристиансанн, Норвегия), В.В. Савчук (СПбГУ, Санкт-Петербург), Х. Чанг (Кембриджский университет, Кембридж, Великобритания), Е.Э. Чеботарева (СПбГУ, Санкт-Петербург), Л.В. Шиповалова (СПбГУ, Санкт-Петербург), А.Ф. Яковлева (ИМЭМО РАН, ГАУГН, Москва).

Редакционный совет:

В.А. Бажанов (УлГУ, Ульяновск),

М.Дж. Веллер (Открытый Университет, Милтон-Кинс, Великобритания),

В.А. Лекторский (Институт философии РАН, Москва), В.Н. Порус (НИУ ВШЭ, Москва),

С.У. Фуллер (Университет Уорика, Ковентри, Великобритания),

Чувильдеев В.Н. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

Журнал включен в ERIH PLUS, Ulrichs Periodicals Directory, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цифровой идентификатор объекта (DOI) присваивается через НЭИКОН.

Высшая аттестационная комиссия РФ (ВАК) включила журнал в список рецензируемых научных журналов, в которых должны публиковаться результаты кандидатских и докторских диссертаций:

09.00.01 - Онтология и теория познания, 09.00.08 - Философия науки и техники,

09.00.11 - Социальная философия, 09.00.13 - Философская антропология, философия культуры.

Учредители: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Межрегиональная общественная организация "Русское общество истории и философии науки".

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 — 72454 от 05.03.2018

Периодичность: 4 раза в год. Выходит с 2018 г.

Адрес редакции: 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23, корп. 3.

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кафедра философии.

Официальный сайт журнала: <http://www.digital-scholar.unn.ru>

Подписной индекс в Объединенном каталоге "Пресса России" — 39461

The Digital Scholar: Philosopher's lab

2023. Vol. 6. No 3.

Quarterly peer-reviewed journal

Editor-in-chief: Ilya Kasavin (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

Editorial Assistants: Andrey Tkachev (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia); Svetlana Shibarshina (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

Editorial Board:

Adrian Bekarev (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia), Hasok Chang (University of Cambridge, Cambridge, England, United Kingdom), Elena Chebotareva (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia), Aleksandr Dorozhkin (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia), Axel Gelfert (Technische Universität Berlin, Germany), Irina Gritsova (Moscow State University of Education, Moscow, Russia), Evgeny Maslanov (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Marina Mozheyko (Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus), Igor Nevazhay (Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia), Konstantin Ocheretyany (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia), Olga Ostanina (Vyatsky State University, Kirov, Russia), Oleg Parilov (Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russia), Vitaly Pronskikh (Fermi National Accelerator Laboratory, Batavia, USA; Joint Institute for Nuclear Research, Dubna, Russia), Vadim Rozin (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Nikolay Rozov (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia), Luiz Paulo Rouanet (Universidade Federal de São João Del-Rei, Brasil), Alexander Ruser (University of Agder, Kristiansand, Norway), Valery Savchuk (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia), Lada Shipovalova (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia), Yuri Volkov (Arzamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia), Alexandra Yakovleva (IMEMO RAS, GAUGN, Moscow, Russia).

Editorial Council:

Valentin Bazhanov (Ulyanovsk State University, Russia), Martin Weller (The Open University, Milton Keynes, England, United Kingdom), Vladislav Lectorsky (Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), Vladimir Porus (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia), Steve Fuller (University of Warwick, Coventry, England, United Kingdom), Vladimir Chuvildeev (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia).

Abstracting and indexing:

ERIH PLUS,
Ulrichs Periodicals Directory, Russian Index of Science Citation (RISC).
DOI assignment by NEICON.

The Russian Certification Committee (VAK) has included the Journal into their list of the peer-reviewed scholarly journals.

Publisher: Nizhny Novgorod State University Press, Russian Society for History and Philosophy of Science.

The Mass Media Registration Certificate: No. FS77-72454 on 05.03.2018

Frequency: 4 times per year. First issue: 2018.

Place of publication: 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod, 603950, Russia

Official website: <http://www.digital-scholar.unn.ru>

Subscription index in the integrated catalogue «The Press of Russia» is 39461.

СОДЕРЖАНИЕ

УНИВЕРСИТЕТ

<i>Жарова Е.Ю.</i> Лаборатория и кабинет: естественные науки в университетах Российской Империи в XIX в.....	6
<i>Шапошникова Ю.В.</i> Университет в основных чертах, или О сущности университетского образования.....	19

КОНЦЕПЦИЯ

<i>Д-р Раджан.</i> В поисках чистой научной культуры: нормативная критика сциентизма и диспозиции Карла Поппера и Томаса Куна.....	37
<i>Асташова Н.Д.</i> Цифровая онтология: поиск новых смыслов	57
<i>Масланов Е.В.</i> Техногенная цивилизация и символический капитал науки.....	70
<i>Олешкова А.М.</i> Современный новояз как связующий элемент между онлайн- и офлайн-коммуникацией.....	83
<i>Трубина Н.А.</i> Homo urbanus в модальном дискурсе бытия: проблема части и целого.....	105

CASE STUDIES

<i>Баталин Р.А.</i> Просвещённый патриотизм Латинской Америки и Карибского бассейна в условиях глобализации.....	118
<i>Ковалев А.А.</i> Ментальная безопасность и национальная идентичность: способы взаимодействия, проблемы и решения.....	128

ПАНОРАМА

<i>Кеосиди И.И., Кеосиди Ю.И.</i> Автоматизированное принятие решений в социальной сфере: проблема вынужденного доверия	145
---	-----

TABLE OF CONTENTS

UNIVERSITY

<i>Ekaterina Yu. Zharova. Laboratory and cabinet: natural sciences in the universities of the Russian Empire in the 19th century.....</i>	6
<i>Yulia V. Shaposhnikova. The university in its main features, or The essence of university education.....</i>	19

VIEWPOINTS

<i>Dr. Rajan. In search of purely scientific culture: a normative critique of scientism, Karl Popper, and Thomas Kuhn's dispositions.....</i>	37
<i>Nadezhda D. Astashova. Digital ontology: the search for new meanings.....</i>	57
<i>Evgeniy V. Maslanov. Technogenic civilization and symbolic capital of science.....</i>	70
<i>Anna M. Oleshkova. Modern newspeak as a connecting element between online and offline communications.....</i>	83
<i>Natalya A. Trubina. Homo urbanus in the modal discourse of being: the problem of part and whole.....</i>	105

CASE STUDIES

<i>Ruslan A. Batalin. Enlightened patriotism of Latin America and the Caribbean in the context of globalization.....</i>	118
<i>Andrey A. Kovalev. Mental security and national identity: ways of interaction, problems and solutions.....</i>	128

VISTA

<i>Igor I. Keosidi, Yuri I. Keosidi. Algorithmic decision-making in the social sphere: the problem of forced trust.....</i>	145
---	-----

УНИВЕРСИТЕТ

УДК 167

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-6-21

ЛАБОРАТОРИЯ И КАБИНЕТ: ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.

Жарова Екатерина Юрьевна

– кандидат биологических наук, научный сотрудник.

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естество-

знания и техники

им. С.И. Вавилова РАН. Рос-
сийская Федерация, 199034,
г. Санкт-Петербург, Универси-
тетская наб., д. 5, лит. Б;

e-mail:

zharova_ekaterina@bk.ru;

ORCID: 0000-0003-3404-0759

Статья посвящена анализу распространения естественно-научных лабораторий и кабинетов в университетах Российской империи XIX в. Университетские уставы 1803-1804 гг. предусматривали только химическую лабораторию, остальным естественным наукам были положены кабинеты. Заложенные, этимологически разные смыслы двух похожих явлений нашли отражение и в разнице функций лабораторий и кабинетов. Лаборатория понималась как место работы, поэтому первые практические занятия, проводившиеся на регулярной основе, были связаны именно с химическими лабораториями. При этом достаточное для этого оснащение лаборатории получили преимущественно к 1840-м гг. К этому же времени относится и более регулярное проведение практических занятий с некоторыми студентами. Несмотря на то, что основоположник лабораторно-ориентированного образования Юстус Либих и его лаборатория были хорошо известны в России, распространение эта модель получила лишь в начале 1860-х гг. Тогда же Министерство народного просвещения попыталось внедрить лаборатории для других естественных наук, однако это внедрение оказалось половинчатым и, в соответствии с уставом 1863 г., лаборатории оказались присоединёнными к кабинетам. Новый устав 1884 г. закрепил существование кабинетов с лабораториями, не унифицировав список этих заведений. В целом до конца XIX в. «лаборатория» продолжала ассоциироваться с химией, а остальные экспериментальные естественные науки так и оставались «кабинетными».

Ключевые слова: лаборатории, кабинеты, естественные науки, университеты, Российская империя, естественные отделения

Цитирование: Жарова Е.Ю. Лаборатория и кабинет: естественные науки в университетах Российской Империи в XIX в. // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 3. С. 6-21.. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-6-21

Рукопись получена: 31 июля 2023

Пересмотрена: 21 сентября 2023

Принята: 25 сентября 2023

LABORATORY AND CABINET: NATURAL SCIENCES IN THE UNIVERSITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH CENTURY

Ekaterina Yu. Zharova – PhD in Biology, Research Fellow.
St. Petersburg branch of Sergey Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS.
5B University embankment,
199034 St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail:
zharova_ekaterina@bk.ru;
ORCID: 0000-0003-3404-0759

The article studies the analysis of the distribution of natural science laboratories and cabinets in the universities of the Russian Empire in the 19th century. University statutes of 1803 and 1804 referred to the chemical laboratory only, the rest of the natural sciences received cabinets. The inherent etymologically different meanings of two similar phenomena are also reflected in the difference in their functions. The laboratory was a place of work, so the first practical trainings, held on a regular basis, were associated with chemical laboratories. At the same time, laboratories became truly the laboratory by the 1840s. The holding of the practical trainings with some students on regular basis also belongs to this time. Despite the fact that the inventor of laboratory-oriented education Justus Liebig and his laboratory were well-known in Russia, this model became widespread only in the early 1860s. At the same time, the Ministry of national education tried to implement laboratories to other natural sciences, but this implementation turned out to be not entirely finished and according to the university statute of 1863 the laboratories turned out to be attached to the cabinets. The new statute of 1884 secured the existence of cabinets with laboratories, without unifying the list of these institutions, unlike the statute of 1863. In general, until the end of the 19th century, the laboratory was associated with chemistry, while the rest of the experimental natural sciences remained “cabinet-like”.

Keywords: laboratories, cabinets, natural sciences, universities, Russian empire, natural sciences departments

How to cite: Zharova, E.Yu. (2023). Laboratory and cabinet: natural sciences in the universities of the Russian Empire in the 19th century. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (3): 6-21. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-6-21 (In Russian).

Received: 31 July 2023

Revised: 21 September 2023

Accepted: 25 September 2023

История кабинетов и лабораторий занимает достаточно скромное место в общеуниверситетской истории. В отечественной историографии история научных учреждений чаще всего прочно связана с юбилейными мероприятиями. Дореволюционная историография содержит ряд публикаций, выпущенных как раз к юбилеям (Иконников (ред.), 1884; Шимкевич, Вагнер, 1894; Осипов, Багалей

(ред.), 1908; Ломоносовский сборник, 1901). Советские публикации по истории естественных наук обычно фокусировались на истории персоналий и идей, а не на истории лабораторий как научного пространства и места научного творчества. Можно было бы сказать, что современная историография исправила этот недостаток, однако, несмотря на наличие отдельных публикаций (Баум, 2017; Жарова, 2021), в полной мере этого не произошло. Более обширен список зарубежных исследований по истории лабораторий (Latour, Woolgar, 1979; Cetina, 1995; Schlaffer, 1998; Fox, Guagnini, 1999; Gooday, 2008; Klein, 2008; Rooij, 2011; Morris, 2021), однако и среди них не существует единого комплексного исследования по истории лабораторий. Об отсутствии такого исследования писал ещё Роберт Кохлер в 2008 г. (Kohler, 2008). И хотя с тех пор были опубликованы как минимум две довольно крупные монографии (Morris, 2015; Berkel, Homburg (eds.), 2023), эти исследования вряд ли можно считать исчерпывающими.

Этимологический онлайн-словарь русского языка А.В. Семёнова (Семёнов, 2003, web) поясняет, что слово «лаборатория» было заимствовано из немецкого языка в XVIII в. В это же время были заимствованы и сами лаборатории. Одной из первых лабораторий, о которой точно известно, была лаборатория при Берг-коллегии, существовавшая в 1720-е гг. (Лукьянов, 1948, с. 76). Первой учебно-научной или научно-исследовательской лабораторией считается химическая лаборатория М.В. Ломоносова, открытая в 1748 г. Впрочем, устав Академии наук 1747 г. уже упоминает отчисления на химическую лабораторию. Химическая лаборатория Московского университета появилась десятилетием позже, когда этот вопрос был поднят профессором И.Х. Керштенсом из-за того, что устав 1755 г. не имел указаний на её существование. Впервые «лаборатория» появляется в штате Виленского университета и упоминается в уставе Дерптского университета 1803 г. Затем аналогичные подразделения возникают и в штатах остальных российских университетов 1804 г. В начале XIX в. это была химическая лаборатория – то есть, говоря «лаборатория», подразумевалась химия. Несмотря на существование производственных лабораторий и лабораторий при аптеках и госпиталях в то время, университетские лаборатории были неизменно химическими. Собственно, как известно, именно химическая лаборатория оказалась местом объединения исследования и преподавания и породила феномен исследовательского университета.

Говоря о химической лаборатории и исследовательском университете, мы имеем в виду лабораторию Юстуса Либиха. Это масштабное явление второй четверти XIX в. упоминается всеми авторами, которые пишут об истории лабораторий, практических занятий и в целом исследовательского университета, непосредственно связанного с успехами естественных наук (особенно в Германии). То, что Либих не был первым в организации практических занятий в химической лаборатории, общеизвестно. Однако

Либих первым предложил особую форму «лабораторно-ориентированного образования». Историк химии Алан Рок выделяет несколько особенностей, характерных для лаборатории Либиха: 1) интенсивность практических занятий (чаще, чем у его предшественников); 2) широкий охват (все студенты должны были пройти практику, независимо от их специализации); 3) включение практических занятий в список обязательных университетских курсов с выделением средств на их проведение; 4) создание групп из продвинутых студентов, которые стали основой исследовательских групп (Rocke, 2003, p. 106).

Практические занятия не были чем-то исключительным в первой трети XIX в. Исключительность их (точнее, избирательность) была связана с небольшим количеством студентов, показывавших высокие результаты и заинтересованность в углублённом изучении предмета. В этом случае биологи давали в руки таким студентам микроскоп, физики – позволяли работать с дорогостоящими аппаратами, а химики – с реактивами и оборудованием. На фоне демонстраций на лекциях и редких туров в лаборатории, кабинеты и поля (это было актуально для биологии, геологии и минералогии), а также научных исследований, проводившихся профессорами в одиночестве, такая избирательность говорила о причастности к науке и определённой уникальности. Именно так формировалось следующее поколение исследователей, которые сначала должны были доказать готовность и заслужить допуск к практическим занятиям. Либих же буквально открыл двери своей лаборатории для всех студентов. Гуманизм в образовании перешёл от теории к практике.

Как и биология, химия начала перемещаться с медицинских факультетов немецких университетов на философские в первой половине XIX в. Это движение показывало автономность, а не прикладной характер обеих наук. Именно независимость химии стала базисом для лабораторно-ориентированных практических занятий всех студентов. Цель таких занятий была в том, чтобы научить студентов думать, а не только смешивать ингредиенты (Rocke, 2003, p. 108).

В России химии, биологии и другим естественным наукам не пришлось перемещаться с медицинских на физико-математические или философские факультеты. Уставы 1803-1804 гг. уже не относили естественные науки к медицинским факультетам. Хотя изначально это было связано со вспомогательной ролью физико-математических факультетов в образовании будущего врача, такая сепарация сэкономила время и усилия в деле отделения естественных наук, по крайней мере с формальной точки зрения.

Как уже говорилось выше, в соответствии с уставами и штатами университетов начала XIX в. лаборатория была только одна – химическая (в штатах устава 1835 г. она называется химическая и фармацевтическая, что отражает привязанность лаборатории к медицине, хотя кафедра химии находилась на другом факультете).

Все остальные естественные науки могли рассчитывать на кабинеты – другой тип учебно-вспомогательных учреждений, изначально не предполагавший проведение практических занятий. Тот же этимологический словарь Семёнова (Семёнов, 2003, web) подсказывает, что слово «кабинет» тоже было заимствовано в XVIII в. из немецкого языка, в который оно попало из французского. Первоначально кабинетом назывался предмет мебели с выдвижными ящиками. В дальнейшем название было перенесено на помещение, где находилась эта мебель – так появилась особая комната для занятий интеллектуальным трудом. В России слово «кабинет» в научном смысле уже в XVIII в. было связано с хранением коллекций – так называемые кабинеты редкостей, самым известным среди которых была Кунсткамера. В отличие от слова «лаборатория», произошедшего от глагола *laborare* – работать, слово «кабинет» имеет семантику, связанную с хранением чего-либо.

Кабинеты (повсеместно только физический и естественно-исторический) «заводились» в качестве вспомогательных учреждений во всех университетах согласно уставам 1803-1804 гг. Наличие других кабинетов было связано с особенностями каждого университета, поэтому в некоторых были ещё и сельскохозяйственный кабинет и кабинет технических моделей. До унификации (по крайней мере формальной) было ещё 60 лет, поэтому уставы 1804 г. (ПСЗ РИ. 1-е собрание. Т. 28. № 21498, 21499, 21500) содержали разный список учебно-вспомогательных учреждений для каждого из университетов. По уставам же можно проследить дробление первоначальных кабинетов и появление новых. При этом не всегда устав являлся официальным утверждением того, что уже появилось в университетах. Иногда устав предписывал, тогда как появление нового учреждения могло запаздывать из-за финансовых трудностей.

Имея отдельную химическую лабораторию и физический кабинет, согласно уставу 1804 г. университеты получили ещё кабинет натуральный, или естественно-исторический, который являл собой собрание трёх царств – то есть ботанические, зоологические и минералогические коллекции. Как известно, первая треть XIX в. была периодом деления естественной истории, что требовало не только разных профессоров, но и отдельных кабинетов. Где-то в 1820-е, а где-то в 1830-е гг. в университетах появились отдельные ботанический, зоологический и минералогический кабинеты, что отразилось в уставе 1835 г. (ботанический кабинет был частью ботанического сада во всех университетах, кроме Петербургского, где собственного сада до 1860-х гг. не было). Таким образом, к середине XIX в. естественные отделения включали химическую лабораторию и несколько кабинетов: физический, минералогический, зоологический, ботанический, технологический (ПСЗ РИ. 2-е собрание. Т. 10. № 8337).

Организация работы в кабинетах и химических лабораториях была построена по одному и тому же принципу, описанному выше:

в лучшем случае отдельные студенты, показавшие высокие результаты, могли практиковаться там время от времени. Естественно, ни о каких массовых практических занятиях речи не шло, а демонстрации опытов на лекциях всё ещё оставались единственной доступной для всех студентов практической частью обучения. Химические лаборатории, больше других, казалось бы, приспособленные для практических занятий, тоже не отличались широким охватом и интенсивностью работ. И чаще всего это было связано не только с нехваткой помещений и, соответственно, рабочих мест в них, но и с нежеланием профессоров.

В 1860-е гг. университеты переросли то, что в них закладывалось в начале XIX в. Переросли во всех смыслах этого слова: в отношении модели университета, которая стала приобретать черты исследовательского университета; в отношении числа студентов, которое значительно выросло в 1860-е гг.; в отношении новых кафедр и преподаваемых наук; но особенно в отношении университетских зданий, в которых стало очень сложно размещать университет, продолжавший расти. Химическая лаборатория, появившаяся раньше кабинетов и, соответственно, раньше интегрированная в учебный процесс, ставшая квинтэссенцией «независимой» (в первую очередь от медицины) науки, вступила на путь реноваций немного раньше других естественно-научных кабинетов и появившихся на их основе лабораторий. Но для этого ей требовалось помещение, достаточное для занятий. И некоторые химические лаборатории таким помещением располагали. Новый устав 1863 г. (ПСЗ РИ. 2-е собрание. Т. 38. № 39752), который, казалось бы, должен был улучшить ситуацию с лабораториями и кабинетами, так как увеличивал их количество, тем не менее, оказался невольной причиной ее ухудшения. Дело в том, что устав выделял штатные средства на ежегодное финансирование, однако средств для постройки зданий и закупки оборудования для лабораторий и кабинетов у университетов не было, а Министерство их выделить не могло. Поэтому пострадали не только новые лаборатории и кабинеты, которые еще только требовалось построить, но и уже имевшиеся лаборатории, которым требовались средства для расширения, необходимого из-за роста числа студентов и проведения регулярных практических занятий.

Таблица 1. Состав кафедр и учебно-вспомогательных учреждений естественных отделений по уставам 1835 и 1863 гг.

По уставу 1835 г.		По уставу 1863 г.	
Кафедры	Лаборатории/ кабинеты	Кафедры	Лаборатории/ кабинеты
Физика и физиче- ская гео- графия	Физический кабинет	Физика	Физический кабинет с лаборатори- ей

Химия	Химическая и фармацевтическая лаборатория	Химия опыт-ная	Химическая лаборатория и кабинет
		Химия тео-ретическая	
Минера-логия и геогнозия	Минералогиче-ский кабинет	Минералогия	Минералогиче-ский каби-нет с лабо-раторией
		Геогнозия и палеонтоло-гия	Кабинет гео-логический и палеонтоло-гический
Ботаника	Ботанический кабинет	Морфология и системати-ка растений	Ботаниче-ский кабинет
		Анатомия и физиология растений	
Зоология	Зоологический кабинет	Сравнитель-ная анатомия и системати-ка животных	Зоотомиче-ский кабинет и лаборато-рия
			Зоологиче-ский кабинет и лаборато-рия
		Анатомия человека и физиология животных	Физиологи-ческий каби-нет
Техноло-гия, сель-ское хо-зяйство, лесовод-ство и ар-хитектура	Технологиче-ский кабинет	Техническая химия	Технический кабинет и лаборатория
		Агрономиче-ская химия	Агрономиче-ский кабинет и лаборато-рия

В качестве примечания к таблице следует обязательно отметить, что через некоторое время после принятия устава 1863 г. возникла необходимость разделения химических лабораторий на неорганические и органические. Такая же необходимость возникла и в случае с ботаническими кабинетами, которые затем были разделены на кабинеты систематики и морфологии и кабинеты анатомии и физиологии. В некоторых университетах появились ещё и другие кабинеты, существование которых не было предусмотрено устава-

ми. Всё это никак не способствовало решению проблемы площадей, описанной выше.

Лаборатория Московского университета, как и многие другие здания в Москве, не пережила пожара 1812 г. Новое помещение химическая лаборатория получила только в начале 1820-х гг. в нижнем этаже так называемого больничного корпуса университета (Марковников, 1901, с. 50). Расположение лаборатории на первом и подвальном этажах имело следствиями нехватку света и сырость, поэтому новый профессор химии Р.Г. Гейман ходатайствовал о постройке специального здания для лаборатории, которое было закончено в 1838 г. Практические занятия там проходили только для студентов 4 курса, они состояли «в производстве химических опытов и разложения, по 3 часа в неделю» (Обозрение преподавания, 1847, с. 6). Эта лаборатория, которую критиковали в начале 1860-х гг. за отсутствие достаточного числа мест для всех студентов (Марковников, 1901, с. 96), тем не менее была довольно передовой двадцатью годами ранее. Но ситуация со временем усугублялась и в конце концов имевшегося помещения лаборатории оказалось недостаточно. Профессор В.В. Марковников, пришедший в университет в 1873 г., был вынужден приспосабливаться к условиям химической лаборатории. Он понимал, что требуется строительство нового здания. Поиск денег на здание химической лаборатории занял несколько лет, ещё несколько лет шли строительство, а затем переделка здания. Оно было введено в эксплуатацию только в конце 1890-х гг.

В Харькове лаборатория, судя по всему, появилась сразу после открытия университета, однако находилась она не в лучшем состоянии. После нескольких переездов в начале 1850-х гг. лаборатория разместилась в нижнем этаже главного университетского здания (Осипов, Багaley (ред.), 1908, с. 268). В 1840-е гг. практические занятия там проходили для студентов 3 курса естественного отделения и состояли в качественном анализе по два часа в неделю (Обозрение преподавания, 1846, с. 14), в конце 1850-х гг. ситуация была такой же (Обозрение преподавания, 1858, с. 14). При этом лаборатория испытывала трудности с помещением, так как изначально оно не было приспособлено для химических опытов. Позже, в 1870 г., профессора Н.Н. Бекетов и Ф.М. Гарнич-Гарницкий писали в Совет Харьковского университета: «Неоднократно было заявляемо нами факультету о тесноте и неудобстве помещения химической лаборатории. В одном из таких донесений представлена была факультету необходимость надстройки второго этажа над зданием существующим. Факультет, с своей стороны, признав настоящую потребность в расширении помещения лаборатории, ходатайствовал об исполнении означенной постройки, которая, однако, не могла быть выполнена по недостатку средств. В настоящее время для того, чтобы сколько-нибудь удовлетворить потребности лаборатории, отгораживается часть коридора, прилегающая к ней» (РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 902. Л. 8-8об.). Коридор к лабо-

ратории присоединили, однако это не помогло в полной мере справиться с проблемами. Всё это происходило в университете, где существовало единственное в России физико-химическое отделение, выпускавшее специалистов-химиков.

Химическая лаборатория университета св. Владимира в Киеве, наладившая практические занятия со студентами (до 22 человек) только к концу 1840-х гг., уже с первых дней ощущала нехватку места. Проблема значительно усугубилась в 1857-58 гг. (Иконников (ред.), 1884, с. 99). С этого времени профессора химии прилагали усилия, чтобы добиться расширения лаборатории, однако в итоге пришли к выводу, что для удовлетворения её потребностей лучшим решением будет постройка отдельного здания, которое было завершено в 1873 г.

В ещё более плачевном состоянии находилась лаборатория Петербургского университета, в которой не было условий для практических занятий. Профессор неорганической химии Д.И. Менделеев после возвращения из Германии добился передачи нового, более просторного помещения, однако и оно вмещало только 50 практикантов (Старосельский, Соловьев, 1969, с. 204). Единственным выходом, по мнению Менделеева, было возведение нового здания, однако в условиях острой нехватки университетских корпусов Министерство народного просвещения не могло удовлетворить этот запрос. По этой причине строительство нового здания состоялось только в 1890-е гг.

Схожие проблемы в первые десятилетия существования испытывала и химическая лаборатория Казанского университета, которая фактически отсутствовала до 1830-х гг. Отдельное здание химической лаборатории было построено в 1838 г. Оно было двухэтажным и вмещало физический кабинет, расположенный на верхнем этаже, и химическую лабораторию – на нижнем. Подвальный этаж изначально занимали квартиры служителей, затем и он был передан лаборатории (Альбицкий, 1901, с. 17). В целом можно сказать, что лаборатория Казанского университета была в лучшем состоянии, чем многие другие университетские лаборатории в 1840-50-е гг. Однако в то время практические занятия в лабораториях, во-первых, не были обязательными, а во-вторых, не считались необходимыми. По свидетельству химика Альбицкого, «малочисленность занимающихся в лаборатории студентов, конечно, зависела главным образом от того, что в то время не считались вообще работы в лаборатории необходимыми; затем и в обществе не сознавалась так нужда в химических знаниях, как теперь, и химика смешивали с аптекарем; к тому же занятия химией требуют большого труда и не так доступны, как, например, собирание растений, бабочек, чем любили заниматься тогдашние натуралисты» (Альбицкий, 1901, с. 29).

Занятия по химии, тем не менее, постепенно налаживались, однако им мешали неустроенность лабораторий и отсутствие обязательности, а иногда и желания профессоров. Несмотря на то, что

многие химики из России стажировались у Либиха (Андреев, 2005, с. 346), с 1840-х до 1860-х гг. никаких революционных изменений не произошло ни в форме, ни в содержании практических занятий в лабораториях. Поэтому начало 1860-х гг. химическая лаборатория встретила неподготовленной. Стоит ли говорить, что ситуация с другими кабинетами и лабораториями, которые только создавались на рубеже 1850-1860-х гг., не могла быть лучше.

Показателен пример с созданием технологической лаборатории Казанского университета. В 1860 г. университет просил министерство разрешить обустройство новой лаборатории в студенческой кухне на экономические средства (то есть на те деньги, которыми располагал университет), не прибегая к помощи министерства, которое очень не любило выделять деньги сверх положенных по штатам. Через год, в 1861 г., лаборатория была обустроена, однако из-за отсутствия такой статьи расходов в штатах университетов, министерство не выделяло на неё средств, как и на заработную плату лаборанта (РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 27. Л. 60б.). Фактически сложилась ситуация, когда лаборатория существовала, а денег на её функционирование не было, поэтому в ней никто не мог заниматься. Так продолжалось несколько лет, пока не были введены в действие штаты устава 1863 г. Однако новые штаты тоже не решили всех проблем.

После введения новых штатов Министерство народного просвещения отправило запросы в университеты насчёт потребностей, сопряжённых с организацией лабораторий и кабинетов по новому уставу, и получило не вполне приятный ответ. Он заключался в том, что университетам были необходимы средства для перестройки старых учебно-вспомогательных учреждений и организации новых, которые полагались по штату. В итоге университетам требовалось в общей сложности 807 тыс. рублей (РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 247. Л. 34) на лаборатории и кабинеты физико-математических и медицинских факультетов. При том, что ежегодный штат университетов в среднем составлял около 350 тыс. рублей, единовременная выплата 807 тыс. выглядела немыслимой. Даже при условии выплаты этой суммы в течение трёх или четырёх лет Министерству финансов пришлось бы нелегко. Поэтому неудивительно, что средства оно так и не нашло, а кабинеты и лаборатории в университетах организовывались «самотёком» на те средства, которыми университеты располагали. В дальнейшем инициативы университетов встречали отказ министра с формулировкой: «При всём сознании пользы такого учреждения, я не считаю себя вправе ходатайствовать о новом каком-либо расходе из казны на университеты по случаю недавнего утверждения штатов их, которые значительно против прежнего увеличили суммы на все предметы по содержанию университетов» (РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 165. Л. 7-7об.).

Возвращаясь к распространению лабораторий, подчеркнём, что устав 1863 г. предполагал появление как минимум шести лабо-

ракторий против одной существующей в первой половине XIX в. Лаборатория должна была стать основной единицей лабораторно-ориентированного образования. Именно по этой причине лаборатория необходима для экспериментальных естественных наук, таких как физика, зоология, зоотомия, агрономия, технология и минералогия. Но при этом мы не можем вывести линейную зависимость «кабинет – лаборатория», так как кабинеты и лаборатории сосуществовали и сосуществуют до сих пор. Однако именно середина XIX в. стала точкой перехода от «кабинетной» науки к «лабораторной» и от кабинета как основной научно-практической единицы к лаборатории, пусть даже и присоединённой к кабинету. Мы не проводим анализ таких единиц, как музей и институт, так как первый в университетах был скорее исключением, так или иначе играл роль и кабинета, и лаборатории. Институт же появился лишь в конце XIX в. и выполнял обширные функции, являясь более крупным учреждением, чем кабинет или лаборатория.

Несмотря на то, что лаборатория и лабораторный метод обучения превалировали в естественных науках второй половины XIX в., лаборатория всё так же продолжала ассоциироваться с химией. Как уже говорилось выше, устав 1863 г. предписывал создание лабораторий при многих естественно-научных кабинетах, таких как агрономический, зоологический, зоотомический, минералогический, однако на практике и в университетских отчётах они оставались кабинетами. Устав 1884 г., кстати, в отличие от предшествовавшего ему, отражал реалии начала 1880-х гг. в отношении как названий кабинетов и лабораторий разных университетов, так и их перечня, не унифицируя учебно-вспомогательные учреждения во всех университетах. Например, согласно штатам устава 1884 г. на естественном отделении Петербургского университета, помимо химической, были ещё физическая и техническая лаборатории; Московского – физическая, техническая и агрономическая; Харьковского – физическая, зоологическая, зоотомическая, технологическая, агрономическая; Казанского – технологическая; Киевского – физическая, зоотомическая, технологическая; Новороссийского – физическая, технологическая и агрономическая (ПСЗ РИ. 3-е собрание. Т. 4. № 2404). Однако все эти лаборатории были при соответствующих кабинетах, и только химическая являлась самостоятельной единицей. Не то чтобы лаборатория прекратила или приостановила своё победное шествие, но она явно оставалась связанной преимущественно с химией. Эту связь на рубеже веков отразил словарь Брокгауза и Ефрона, поместивший одну, но довольно обширную статью про учебную лабораторию – химическую (Энциклопедический словарь, 1896, т. 17, с. 181–197). Впрочем, словарь Гранат, располагая химию на первом месте, позволяет называть место занятия «другими исследованиями» лабораторией (Настольный энциклопедический словарь, 1897, т. 4, с. 2551), хотя отдельная статья про химические лаборатории в нём имеется (Настольный энциклопедический словарь, 1897, т. 8, с. 5029–5030).

В начале XX в. всё сохранялось в том же виде. Так, в 1910 г. в Санкт-Петербургском университете на физико-математическом факультете было три лаборатории (технически это было три отделения одной химической лаборатории), тринадцать кабинетов, один институт и один музей (Студенческий справочник, 1910, с. 89-90). В Московском университете – пять кабинетов, четыре лаборатории, два музея и четыре института (Отчёт, 1911, с. II). В Казанском университете – двенадцать кабинетов и пять лабораторий (Годичный отчёт, 1911). Общим было то, что лаборатории во всех университетах были химическими. И хотя некоторые лаборатории были биологическими (зоологическая в Москве, Казани, ботаническая в Казани), можно сказать наверняка: названия лабораторий в уставах и отчётах не всегда соответствовали их функциям в реальной жизни. Да и в отчётах не всегда прослеживалась последовательность, так как кабинет мог называться лабораторией в одном отчёте и кабинетом в другом. Одно ясно – лаборатория прочно ассоциировалась с химией, а прочие естественные науки в буквальном смысле отвоёвывали право пользоваться лабораторией, время от времени именовавшейся кабинетом. Даже в немецком языке, из которого слово «лаборатория» попало в русский, оно оставалось связанным исключительно с химией до конца XIX в. Авторы немецкой редакции словаря Брокгауза и Ефрона добавили технические работы к химическим только в тринадцатом издании, опубликованном в 1882-87 гг. (Brockhaus, 1882, b. 10, s. 723). Четырнадцатое издание 1892-96 гг. расширило список, включив физику и фармацевтику (Brockhaus, 1892, b. 10, s. 866).

Таким образом, первая половина XIX в. ассоциируется только с одной лабораторией – химической. Вначале лаборатория появилась на бумаге (в уставе), а затем была организована в университетах, хотя полноценное использование её как места научных исследований и практических занятий относится к 1840-1850-м гг. При этом сохранялся избирательный подход организации практических занятий, а кроме того, не все лаборатории имели достаточные помещения. Вехи рубежа 1850-1860-х гг. способствовали организации лабораторий для других естественных наук – в первую очередь технологии (технической химии), агрономии, физики, минералогии и зоологии. Это было закреплено в документах: штаты устава 1863 г. перечисляли именно эти лаборатории, создаваемые при одноимённых кабинетах. Учитывая то, что кабинет был более ранней формой организации естественных наук, предполагавшей скорее хранение коллекций, нежели практические занятия, а также то, что кабинеты чаще всего испытывали трудности с помещениями, появление новой единицы – лаборатории – говорит об эволюции рабочего пространства в том числе в функциональном смысле. Однако организация новых лабораторий столкнулась с объективными трудностями, в частности с нехваткой средств. Университеты старались решить проблемы разными способами, однако это замедляло появление новых учебно-вспомогательных учреждений. Впро-

чем, и химическим лабораториям пришлось нелегко, так как им тоже не хватало средств и помещений. В этой связи устав 1884 г. является своего рода подтверждением того, что университетские лаборатории не могли быть унифицированы, поэтому в отличие от предыдущего устава он по всем университетам даёт разный список лабораторий и кабинетов. По этому списку можно судить об экспансии лаборатории. Так, он показывает, что в конце XIX в. самостоятельной была химическая лаборатория, а остальные (физическая, агрономическая, зоологическая) так и остались присоединёнными к кабинетам. Это преимущество химии в отношении лаборатории как исследовательского явления прослеживается и в энциклопедических словарях, причём не только русскоязычных. Такое положение вещей сохранялось и в начале XX в., когда повсеместно распространённой в университетах лабораторией была лаборатория химическая, а остальные экспериментальные естественные науки чаще всего ассоциировались с кабинетами.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Альбицкий, 1901 – *Альбицкий А.* Кафедра химии и химическая лаборатория Императорского Казанского университета в их прошлом и настоящем // Ломоносовский сборник Материалы для истории развития химии в России. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1901. С. 1–71.

Андреев, 2005 – *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 432 с.

Баум, 2007 – *Баум Е.А.* К истории химических лабораторий // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38. № 4. С. 780–793.

Годичный отчёт, 1911 – Годичный отчёт о состоянии Императорского Казанского университета за 1910 год. Казань: типо-лит. ун-та, 1911. 169 с.

Жарова, 2021 – *Жарова Е.Ю.* Администраторы поневоле: профессора ботаники и зоологии российских университетов и создание лабораторий в 1860–70-е гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. Т. 12. № 4. С. 81–93.

Иконников (ред.), 1884 – Историко-статистические записки об учёных и учебно-вспомогательных учреждениях университета святого Владимира (1834–1884) / Ред. В.С. Иконников. Киев: в унив. тип., 1884. 416 с.

Ломоносовский сборник, 1901 – Ломоносовский сборник. Материалы для истории развития химии в России. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1901. 610 с.

Лукьянов, 1948 – *Лукьянов П.М.* История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века / Ред. С.И. Вольфович. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 544 с.

Марковников, 1901 – *Марковников В.В.* Исторический очерк химии в Московском университете // Ломоносовский сборник. Материалы для истории развития химии в России. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1901. С. 1–281.

Обозрение преподавания, 1847 – Обозрение преподавания наук в Императорском Московском университете на 1847/48 учебный год. М., 1847. 23 с.

Обозрение преподавания, 1846 – Обозрение преподавания предметов в Императорском Харьковском университете на 1846/47 учебный год. Харьков, 1846. 34 с.

Обозрение преподавания, 1858 – Обозрение преподавания предметов в Императорском Харьковском университете на 1858/59 учебный год. Харьков, 1858. 37 с.

Отчёт, 1911 – Отчёт о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1910 год. М., 1911. 525 с.

Семёнов, 2003 – *Семёнов А.В.* Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». М.: «ЮНБЕС», 2003. 704 с. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (дата обращения: 30.07.2023).

Старосельский, Соловьев, 1969 – *Старосельский П.И., Соловьев Ю.И.* Николай Александрович Меншуткин. М.: Наука, 1969. 294 с.

Студенческий справочник, 1910 – Студенческий справочник на 1910-1911 учебный год. СПб.: тип. И. Лурье и Ко, 1910. 218 с.

Осипов, Багалей (ред.), 1908 – Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905) / Ред. И.П. Осипов, Д.И. Багалей. Харьков: Тип. А. Дарре, 1908. 266 с.

Шимкевич, Вагнер, 1894 – *Шимкевич В.М., Вагнер Ю.Н.* Исторический очерк Зоологического и Зоотомического кабинетов Санкт-Петербургского университета // Труды СПб общества естествоиспытателей. 1894. Т. 18. Вып. 4. С. 31-54.

Энциклопедический словарь, 1896 – Энциклопедический словарь / Ред. А.И. Андреевский. Т. 1-41. СПб.: Изд-во Брокгауз и Ефрон, 1890-1907.

Настольный энциклопедический словарь, 1897 – Настольный энциклопедический словарь. Т. 1-8. М.: Изд-во тов-ва «А. Гранат и Ко», 1895-1901.

Brockhaus' Conversations-Lexikon. Allgemeine deutsche Real-Encyklopädie. 10 Band: Kadett – Lenzkirch. Leipzig, F.A. Brockhaus, 1885. 958 s..

Brockhaus' Konversations-Lexikon. 10. Band: K – Lebensversicherung. Leipzig, Berlin und Wien, F.A. Brockhaus, 1892. 1042...

Cetina, 1995 – *Cetina K. K.* Laboratory studies: the cultural approach to the study of science // Handbook of Science and Technology Studies. Beverly Hills, Calif.: Sage, 1995. Pp. 140-166.

Fox, Guagnini, 1999 – *Fox R., Guagnini A.* Laboratories, workshops, and sites. Concepts and practices of research in industrial Europe, 1800-1914 // Historical Studies in the Physical and Biological Sciences. 1999. Vol. 29. No. 2. Pp. 191-289.

Gooday, 2008 – *Gooday G.* Placing or replacing the laboratory in the history of science? // Isis. 2008. Vol. 99. No. 4. Pp. 783-795.

Klein, 2008 – *Klein U.* Some revisions of the standard view of early modern experimentation // Isis. 2008. Vol. 99. No. 4. Pp. 769-782.

Kohler, 2008 – Kohler R. E. Lab history reflections // *Isis*. 2008. Vol. 99. No. 4. Pp. 761-768.

Latour, Wooglar, 1986 – Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1986. 272 p.

Morris, 2021 – Morris P. J. T. The history of chemical laboratories: a thematic approach // *ChemTexts*. 2021. Vol. 7. No. 21. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40828-021-00146-x> (дата обращения: 30.07.2023).

Morris, 2015 – Morris P. J. T. *The Matter Factory. A History of the Chemistry Laboratory*. L.: Reaktion Books, 2015. 352 p.

Rocke, 2003 – Rocke A. J. Origins and spread of the “Giessen Model” in university science // *Ambix*. 2003. Vol. 50 (1). Pp. 90-115.

Rooij, 2011 – Rooij A. van. Knowledge, money and data: an integrated account of the evolution of eight types of laboratory // *The British Journal for the History of Science*. 2011. Vol. 44. No. 162. Pp. 427-448.

Schaffer, 1998 – Schaffer S. Physics laboratories and the Victorian country house // *Making Space for Science: Territorial Themes in the Shaping of Knowledge*. L.: Macmillan, 1998. Pp. 149-180.

Berkel, Homburg (eds.), 2023. – *The Laboratory Revolution and the Creation of the Modern University, 1830–1940* / K. van Berkel, E. Homburg (Eds.). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2023. 346 p.

References

Albitsky, A. (1901). Department of Chemistry and Chemical Laboratory of the Imperial Kazan University in Their Past and Present. In *Lomonosov Collection. Materials for the History of the Development of Chemistry in Russia*. A.I. Mamontov Publ., 1–71. (In Russian)

Andreev, A. Yu. (2005). *Russian Students in German Universities in the 18th – First Half of the 19th Century*. Znack Publ. (In Russian)

Baum, E. A. (2017). On the history of chemical laboratories. *Studies in the History of Science and Technology*, 38 (4), 780-793. (In Russian)

Berkel, K. van, Homburg, E. (Eds.). (2023). *The Laboratory Revolution and the Creation of the Modern University, 1830-1940*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.2307/jj.2516321>

Cetina, K. K. (1995). Laboratory Studies: The cultural approach to the study of science. In *Handbook of Science and Technology Studies*. Beverly Hills, Calif. Sage, 140–166.

Fox, R., Guagnini, A. (1999). Laboratories, workshops, and sites. Concepts and practices of research in industrial Europe, 1800-1914. In *Historical Studies in the Physical and Biological Sciences*, 29 (2), 191-289. <https://doi.org/10.2307/27757805>

Gooday, G. (2008). Placing or Replacing the Laboratory in the History of Science? *Isis*, 99 (4), 783-795. <https://doi.org/10.1086/595772>

Ikonnikov, V. S. (Ed.). (1884). *Historical and Statistical Notes on Scientists and Educational and Auxiliary Institutions of the University of St. Vladimir (1834-1884)*. Kyiv University Publ. (In Russian)

Klein, U. (2008). Some revisions of the standard view of early modern experimentation. *Isis*, 99 (4), 769-782. <https://doi.org/10.1086/595771>

Kohler, R. E. (2008). Lab history reflections. *Isis* 99 (4), 761-768. <https://doi.org/10.1086/595769>

Latour, B., Wooglar, S. (1986). *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton Univ. Press.

Lukyanov, P. M. (1948). *History of Chemical Handicraft and Chemical Industry in Russia until the End of the 19th Century*. Vol. 1. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian)

Markovnikov, V. V. (1901). Historical essay on chemistry at Moscow University. In *Lomonosov Collection. Materials for the History of the Development of Chemistry in Russia*. A.I. Mamontov Publ., 1–281. (In Russian)

Morris, P. J. T. (2021). The history of chemical laboratories: a thematic approach. *ChemTexts*, 7 (21). Retrieved July 30, 2023, from <https://link.springer.com/article/10.1007/s40828-021-00146-x>
<https://doi.org/10.1007/s40828-021-00146-x>

Morris, P. J. T. (2015). *The Matter Factory. A History of the Chemistry Laboratory*. London Reaktion Books.

Osipov, I. P., Bagalei, D. I. (Eds.). (1908). *Faculty of Physics and Mathematics of Kharkov University for the First Hundred Years of Its Existence (1805-1905)*. A. Darre Publ. (In Russian)

Rocke, A. J. (2003). Origins and spread of the “Giessen Model” in University Science. *Ambix*, 50 (1), 90-115. <https://doi.org/10.1179/000269803790220101>

Rooij, A. van (2011). Knowledge, money and data: an integrated account of the evolution of eight types of laboratory. *The British Journal for the History of Science*, 44 (162), 427-448. <https://doi.org/10.1017/S0007087410001330>

Schaffer, S. (1998). Physics laboratories and the Victorian country house. In C. Smith, J. Agar (Eds.). *Making Space for Science: Territorial Themes in the Shaping of Knowledge* (pp. 149-180). Macmillan Publ. https://doi.org/10.1007/978-1-349-26324-0_7

Semenov, A. V. (2003). *Etymological Dictionary of the Russian Language. Series “Russian Language from A to Z”*. UNVES Publ. Retrieved July 30, 2023, from <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (In Russian)

Shimkevich, V. M., Wagner, Yu. N. (1894). Historical essay on the zoological and zootomy cabinets of St. Petersburg University. In *Proceedings of the St. Petersburg Naturalists Society*, 18(4), 31-54. (In Russian)

Staroselsky, P. I., Solovyov, Yu. I. (1969). *Nikolai Aleksandrovich Menshutkin*. Nauka Publ. (In Russian)

Zharova, E. Yu. (2021). Administrators despite their wish: the professors of botany and zoology of Russian universities and creation of laboratories in the 1860-70s. *Paperworks of the Kola Science Centre of RAS*, 12 (4), 81-93. <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.006>

УДК 304.42:378.4

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-22-36

УНИВЕРСИТЕТ В ОСНОВНЫХ ЧЕРТАХ, ИЛИ О СУЩНОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**Шапошникова Юлия Влади-
мировна** – кандидат философ-
ских наук, доцент. Санкт-
Петербургский государствен-
ный университет. Российская
Федерация, 199034, г. Санкт-
Петербург, Университетская
набережная, д. 7/9;
e-mail:
j.shaposhnikova@spbu.ru,
ORCID: 0000-0001-5186-7729

В контексте очевидной потребности переосмысления и реформирования университетского образования, о которой свидетельствует возрастающее число публикаций по данной тематике как в отечественной, так и в зарубежной научной периодике, особую остроту приобретают выявление сущности и формулирование назначения университета посредством обнаружения основных черт, поддерживаемым образом отличающих университет от других образовательных учреждений. В данной статье предпринимается попытка решить эту задачу. На основе анализа исторических предпосылок и условий возникновения средневековых университетов, основных аспектов проекта исследовательского университета В. фон Гумбольдта, педагогических воззрений Дж. Ньюмена, а также философских произведений, созданных Х. Ортегой-и-Гассетом, Ж. Дерридой и Б. Ридингсом и посвящённых осмыслению идеи и миссии университета, автор выделяет основные онтологические черты и неотъемлемые функции университетского образования, позволяющие говорить о сущности университета как такового. В статье подробно рассматриваются следующие черты: 1) в своём возникновении и функционировании университет неотделим от общего социально-политического и экономического контекста и отражает все основные тенденции, характерные для социума и политико-экономической сферы; 2) роль университета как *alma mater* состоит в социальном и духовном объединении и охране его подопечных (студентов и преподавателей), движимых общим интересом бескорыстного служения науке; 3) университет является уникальной и до определённой степени автономной средой для развития знаний и совершенствования личности; 4) образ университета изменчив, а учреждениям университетского образования свойственно меняться в силу многообразия идеалов, лежащих в их основании, принципиальной нереализуемости этих и любых других идеалов, а также по причине непрерывно меняющихся условий существования социума, частью которого является университет.

Ключевые слова: университет, история университета, образование, воспитание, личность, целостность, миссия университета, исследовательский университет

Цитирование: Шапошникова Ю.В. Университет в основных чертах, или О сущности университетского образования. 2023. Т. 6. № 3. С. 22-36. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-22-36

Рукопись получена: 1 августа 2023

Пересмотрена: 25 сентября 2023

Принята: 26 сентября 2023

THE UNIVERSITY IN ITS MAIN FEATURES, OR THE ESSENCE OF UNIVERSITY EDUCATION

Yulia V. Shaposhnikova – PhD in Philosophy, Associate Professor. Saint-Petersburg State University. 7-9 Universitetskaya naberezhnaya, 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation; e-mail: j.shaposhnikova@spbu.ru, ORCID: 0000-0001-5186-7729

The obvious need to rethink and reform university education, which is evidenced by the increasing number of publications on this topic both in Russian and international scientific periodicals, makes the task of discovering the essence and defining the purpose of the university particularly acute. The implementation of this task calls for the identification of major features distinguishing the university from other educational institutions. The author proceeds from the analysis of historical background for the birth of medieval universities, the Humboldtian project of the research university, educational views of John Henry Newman, philosophical reflections of H. Ortega y Gasset, J. Derrida, and B. Readings on the idea and mission of the university, and some modern trends in the field of higher education. The article highlights the main features and functions of university education that allow to speak about the essence of the university as such. The following features are considered in the article: 1) in its emergence and functioning, the university is inseparable from the general socio-political and economic context and reflects all the main trends occurring in society and the political-economic sphere; 2) the role of the university as alma mater consists in social and spiritual unification and protection of its wards (students and professors), driven by the common interest of selfless service to science; 3) the university is a unique and somewhat autonomous environment for the growth of knowledge and personal improvement; 4) the image of the university is mutable, and university educational institutions are inherently changeable due to the diversity of ideals underlying them, the essential impracticability of these and all other ideals, and because of the constantly changing social environment of which the university is a part.

Keywords: university, history of university, education, upbringing, personality, integrity, university mission, research university

How to cite: Shaposhnikova, Yu.V. (2023). The university in its main features, or The essence of university education, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (3): 22-36. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-22-36 (In Russian)

Received: 1 August 2023

Revised: 25 September 2023

Accepted: 26 September 2023

Введение

Об актуальных проблемах университетского образования написано и высказано чрезвычайно много. И тем не менее раз за разом подчёркивается неудовлетворительность текущего положения вещей и констатируется потребность в преобразованиях. В свою очередь, ни одно преобразование не является возможным без ответов на главные вопросы: что такое университет, в чём его особенность как образовательного учреждения, каковы его смысл и назначение? Возникает сомнение – возможно ли свести тысячелетнюю историю конкретных форм существования университетов и целый ряд традиций и культурных особенностей, свойственных этим формам, к единому целому – университету как таковому? Возможно ли (если да, то на каких основаниях) сопоставлять такие различные учреждения, как средневековые университеты Оксфорда, Болоньи, Падуи и Парижа, с исследовательским университетом в Берлине или предпринимательским университетом в Стэнфорде, а также с современными Оксфордом, Кембриджем, Сорбонной и др.? По мнению автора, ответ, несомненно, является положительным и состоит в том, что, несмотря на всевозможные метаморфозы, которые переживали университеты в ходе длительной и богатой событиями истории своего существования, можно выделить определённые черты университета, отражающие его сущность и смысл. В разные эпохи и в разных обстоятельствах эти черты, несомненно, проблематизировались в различной степени, иногда и вовсе не вызывали беспокойства, но всё же они, несомненно, требуют внимания в контексте любого рассуждения о реформировании и обновлении университетов. Это также указывает на актуальность предлагаемого анализа.

Итак, университет вне зависимости от исторических условий своего существования: 1) включён в широкий социально-политический и экономический контекст; 2) реализует объединяющую и охранительную функцию, которую можно было бы условно обозначить общим понятием *alma mater*; 3) обеспечивает особую среду для всестороннего воспитания личности; 4) является принципиально открытым проектом.

1. Университет как социальный институт

Первая из ключевых черт, определяющих сущность университета, состоит в его фундаментальной включённости в историче-

ский, политический, социальный и экономический контексты. Пожалуй, с момента появления первых университетов в Европе ни один из них не создавался и не возникал обособленно, реализуя свои собственные цели и задачи. Каждый университет в определённой степени выступал средоточием политических и экономических процессов, происходящих в обществе. Так, например, примечательно, что Болонский университет родился именно тогда, когда в городе усилилась роль коммуны, интенсивно разрушался феодальный уклад и, следовательно, складывались новые экономические отношения. Университет, возникший в Болонье, не просто вписался в её социально-экономическую жизнь, но и сам «превратил Болонью не только в *la dotta* (учёную), но и в *la grassa* (толстую)», то есть стал причиной её обогащения (*Alma Mater Studiorum*, 2023, web).

Нередко толчком к созданию университетов становились внешние противоречия. Так, возникновение Оксфордского университета связывают с запретом Генриха II англичанам учиться в Парижском университете; Кембриджский университет появился на свет в результате конфликта преподавателей и студентов Оксфорда с местной общиной: «Студенты, не договорившиеся с муниципальными властями Болоньи, переселялись в Виченцу, Ареццо, Падую; после кровавой стычки с парижанами, местные студенты и магистры переселились в Анжер и Тулузу» (Уваров, 2010, web). Некоторые исследователи даже полагают, что университет всегда выступал в качестве инструмента политической игры его создателей.

Согласно довольно категоричному высказыванию С. Фуллера, «университет... был когда-то предложен для сокрытия множества грехов, в частности, как “бархатная перчатка” для увековечивания власти элит» (Фуллер, 2005, с. 2). И действительно, хотя старейшие университеты Европы сложились «стихийно», впоследствии большинство из них создавались прямым указом светских или церковных правителей, а в дальнейшем находились под их патронатом. Так Парижский университет на протяжении почти всей его истории курировался Папой Римским. В 1231 г. Генрих III взял под свою опеку Кембридж. «*Studium generale*» в Саламанке превратился в «университет» по воле короля Альфонсо X, а официальный статус университета получил от Папы Римского Александра IV и т. д. П. Кибре даже подчёркивает, что до конца не ясно, чем было мотивировано введение социальных и экономических привилегий для профессоров и студентов – подлинным сочувствием к бескорыстным познавательным устремлениям учёных или стремлением укрепить власть их патронов (Kibre, 1962, pp. 10-11).

Неотделимость средневековых университетов от социальной, политической и экономической жизни городов не вызывает сомнения. Однако сказанное справедливо и для более поздней эпохи. Так Ньомен работал над лекциями о предмете и назначении университета, которые легли в основу его будущей книги «Идея университета». Этот вопрос интересовал Ньомена не только теоретически,

но и практически – как будущего ректора создаваемого в Дублине католического университета. При этом он собирал коллектив преподавателей и приглашал студентов, преодолевая сопротивление местного духовенства (Гусаковский, 2006, с. 4). И хотя планы Ньюмена не реализовались, их неудача только подтверждает, что университет в значительной мере включён в социальный контекст. В свою очередь, Гумбольдт работал над тезисами «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине» в контексте возложенной на него задачи обеспечения системы государственной службы образованным чиновничеством, ради которой в 1808 году он был приглашен занять пост главы Департамента религии и образования при прусском Министерстве внутренних дел и разработал принципы основанного в 1809 году Берлинского университета, в настоящее время носящего его имя.

В дальнейшем, когда социальная роль университетов стала предметом философской рефлексии, Гумбольдт указывал, что «университеты по своей сути слишком тесно связаны с непосредственными интересами государства» (Гумбольдт, 2002, web), чтобы существовать независимо. Как следствие, он даже требовал, чтобы государство непосредственно назначало преподавателей университета, раз университет «берёт на себя поставленную государством задачу руководства молодыми людьми» (Гумбольдт, 2002, web). Более того, Ридингс включает проект Гумбольдта в контекст создания национального государства: «Университет эпохи модерна понимался Гумбольдтом в качестве одного из первичных аппаратов производства национальных субъектов в эпоху модерна» (Ридингс, 2010, с. 78). Примечательно то, как Гумбольдт формулирует значение высших учебных заведений: «Вершина, на которой сходится всё, что делается непосредственно для моральной культуры нации» (Гумбольдт, 2002, web). Для него университетское образование не только не отделено от государства, но и неотделимо от него. Впрочем, ради пользы самого же государства он требует невмешательства последнего во внутренние дела университета.

Подобно средневековым университетам и университетам эпохи модерна, современный университет является звеном в цепи социальных отношений – социальная роль университетов бесспорна, университет напрямую откликается на запросы общества (Майер, 2021). При этом главной составляющей университетской жизни последних десятилетий, как и общества в целом, стала экономическая (Фуллер, 2005). Некоторые исследователи усматривают в появлении модели предпринимательского университета своего рода эволюцию в развитии университетского образования (Sam, van der Sijde, 2014). Однако, согласно Ж. Дерриде, несмотря на отсутствие прежней монархической цензуры, современный университет при всех совершившихся в нём конструктивных преобразованиях не приобрёл больше автономии, поскольку «в университетские дела всё решительнее вмешиваются внеуниверситетские силы (изда-

тельства, фонды, СМИ)»; это происходит иначе, чем прежде, но вновь приводит к тому, что «научные критерии, обеспечиваемые в принципе университетской корпорацией, должны согласовываться с иными конечными целями» (Деррида, 2003, web) – по большей части экономическими.

Вышесказанное позволяет сделать вывод: «В условиях неолиберальной глобализации главной целью высшего образования с неизбежностью становится производство полезного с точки зрения экономики агента производства, а идея университета начинает трактоваться в узком экономическом смысле – нацеленности на практический результат. Жёсткая конкуренция вынуждает университеты, как и любые другие институты и производства, быть гибкими в способах организации образовательного пространства, ориентироваться в своём развитии на потребности рынка, а не на “универсальные” проблемы знания, активно внедрять виртуальные формы обучения, формировать и поддерживать свой имидж и брэнд» (Сохраняева, 2006, с. 115).

II. *Alma mater*

Выражение *alma mater* давно стало именем нарицательным и широко используется бывшими соучениками применительно к высшему учебному заведению, выпускниками которого они являются. Выражение «кормящая мать», или «заботливая мать», как свидетельствует словарь Брокгауза и Ефрона (от лат. *alma* – «питающая», «кормилица», «любящая»), изначально употреблялось римскими поэтами для описания благосклонных к людям богинь (например, Цереры, Венеры, Кибелы и др.) и лишь впоследствии было перенесено на университет как на подобного матери «щедрого подателя духовной пищи» (Брокгауз и Ефрон, 2012, web).

Статья в словаре Брокгауза и Ефрона определяет отношение интеллектуалов XIX в. к университету как к учреждению, способствующему духовному развитию. То же верно и относительно средневековых университетов, которые рождались как сообщества людей, объединённых единым стремлением к обретению знания. Однако испокон веков *alma mater* «кормила» своих отпрысков не только духовной и интеллектуальной пищей, но и пищей вполне материальной, обеспечивая защиту их жизней, предоставляя привилегии, статус и материальные блага (Kibre, 1962), создавая социальные условия для овладения знаниями. В предоставлении привилегий и юридически зафиксированной защиты прав учёных проявлялась охранительная функция средневековых университетов.

В эпоху Средневековья не было сомнений в том, что люди, бескорыстно посвятившие себя познанию, нуждаются в социальной защите. Доказательством этому является целый ряд трактатов XVI–XVII вв., авторы которых уделили вопросу о привилегиях учёных самое пристальное внимание, констатировали уменьшение этих привилегий по сравнению с теми, что в 1158 г. были закреплены

в своде законов *Privilegium Scholasticum* (или *Authentica Habita*), изданном императором Фридрихом I Барбароссой, и указали на необходимость не только вернуть прежние права, но и ввести новые. Среди авторов были Пьер Ребюффи, Гораций Луций, Герман Конринг, Йоханн Иттер, Эрих Маврикий и др. (Kibre, 1962, p. XIII). Студенты и преподаватели средневековых университетов действительно нуждались в социальной, экономической и даже физической защите. Как указывают П. Кибре и П.Ю. Уваров, и преподаватели, и студенты университетов являлись уроженцами других мест и были вынуждены преодолевать значительные расстояния, чтобы добраться до *alma mater* – например, переходить через Альпы, что грозило встречей с разбойниками и, следовательно, лишением имущества или даже самой жизни (Уваров, 2010). Ещё одну угрозу для универсантов-иноземцев представляли так называемые «репрессалии», то есть традиция наносить вред выходцам из тех мест, из которых происходили обидчики горожан, избежавшие наказания (Kibre, 1962, p. 11).

Примечательно и то, что уставы средневековых университетов представляли собой не своды высоких принципов университетского образования, а касались порядка и уклада обыденной жизни: правил захоронения скончавшихся профессоров и студентов, формы одежды, питания, книг, порядка аренды жилья и прочих обстоятельств, внешних с точки зрения духовных занятий, но отнюдь не маловажных. Законодательно установленная неприкосновенность книг студента, строго запрещавшая домовладельцу отнимать у задолжавшего студента книги в счёт арендной платы (Kibre, 1962, p. 12), отражала уважение к учёности как высокому устремлению. Строго расписанный порядок похорон студента или преподавателя-иностранца, находящегося вдали от родных мест (Уваров, 2010), гарантировал достойный уход в мир иной людей, сознательно занявших в обществе уязвимую позицию служения науке как таковой.

Несомненно, в качестве социальных привилегий по аналогии со средневековыми можно рассматривать бесплатное образование в ряде учебных заведений эпохи модерна и более позднего времени в Европе и России. То же справедливо относительно общежитий, студенческих столовых, стипендий и прочих форм социальной поддержки, о которых то и дело забывали в течение долгой истории университетов, пока обстоятельства вновь не вынуждали принимать их во внимание.

Что касается объединяющего свойства *alma mater*, то на него в первую очередь указывает само понятие «universitas». Согласно словарному значению, «universitas» тождественно «целостности», «совокупности» и противопоставляется понятиям «pars» и «portiones», обозначающим «части» и «доли» (Петрученко, 1994 [1914], с. 670). В самом деле, пожалуй, за каждым университетом в мире стоит история создания братства единомышленников, увлечённых единым делом и общим интересом. «Universitas» в разные

времена и в разных университетах имело различное значение: в средневековой Италии оно обозначало сообщество «сосемельников» и только студентов, в Париже под понятием «universitas» объединялись и преподаватели, и студенты (*nos universitas magistrorum et scholarium*), противопоставлявшие себя горожанам; были и другие формы объединения, причём не только юридического характера. Помимо особого юридического статуса, университет всегда объединял единым духом, традициями и даже своего рода «культурой», которая проявлялась целым рядом способов – в цветовой символике, покрое одежды, приносимой студентами присяге, клятве и др. Воссоздавая «культурный» образ Корнельского университета в докладе «Университет глазами его питомцев», Ж. Деррида упомянул даже о ландшафте университетского кампуса (Деррида, 2003).

Подчёркивание особенности означает в том числе и намерение отделиться и обособиться (Waagaas, 2009). Подобно рыцарскому ордену или гильдии мастеров, каждый университет испокон веков маркирует себя как отдельное от других объединение и противопоставляет своих членов горожанам, людям другим сословий, представителям иных учебных заведений (достаточно вспомнить длящееся не одну сотню лет соревнование между Оксфордским и Кембриджским университетами). Подобное противопоставление закрепляется в том числе и введением внутреннего законодательства. Так, во многих североамериканских университетах действуют сенаты, в некоторых британских университетах (например, в Кембридже) существуют собственная конституция и законодательный орган *Regent House*. Одной из форм проявления автономности является также действующая во многих университетах мира традиция самостоятельной выдачи дипломов и научных степеней от лица университета и без согласования с какими-либо внешними экспертными органами.

Пожалуй, именно благодаря «естественной» автономности университетского сообщества оно всегда имело особый статус, за право засвидетельствовать который и боролись церковная и светская власть. Так, уже упомянутая *Privilegium Scholasticum* Фридриха I, наделявшая универсантов особого рода неприкосновенностью, предоставлявшая студентам личную защиту и гарантировавшая им свободу от всякого политического волеизъявления, в определённом смысле уравнивалась не менее значимым документом – Папской хартией, позволявшей магистрам преподавать в любом из университетов Европы, что обеспечивало их мобильность и сохранение статуса в других регионах (Kibre, 1962).

III. Университет как особая среда

«Университет в сфере философии и научного исследования то же, что империя в политической истории»; он есть «высшая оберегающая власть над всеми знаниями и науками, выступающая по-

добно арбитру между истиной и истиной», – писал Дж. Ньюмен. (Cardinal Newman, 1960, pp. 219-220 [цит. по: Тимофеева, 2014, с. 60]). Он также подчёркивал, что образование есть «процесс подготовки, посредством которого интеллект, вместо того чтобы быть сформированным или посвящённым какой-либо частной или входящей цели, особому занятию или профессии, предмету или науке, обучается ради себя самого, для достижения собственных целей, для собственной высшей культуры» (Ibid., p. 109 [цит. по: Тимофеева, 2004, с. 61]). В свою очередь, Гумбольдт утверждал, что основным двигателем университетской жизни являются именно наука и исследовательская деятельность, а не какие-либо иные цели (Гумбольдт, 2002). На бескорыстное стремление к знанию указывал в качестве причины возникновения университетов в XII в. Фридрих I Барбаросса: «Весь мир озарён их учёностью», и нельзя не сочувствовать тем, «кто из любви к познанию выбирает изгнание и нищету, лишается своего достояния, подвергает себя всем опасностям и терпит то, что должно быть самым тяжким: телесные повреждения без причины от самых мерзких людей» (Kibre, 1962, pp. 10-11). Дух университета, по мнению и Д.И. Менделеева, «состоит исключительно и всецело только в одном: в стремлении достигнуть истину во что бы то ни стало. Её везде искать можно: и в химии, и в математике, и в физике, и в истории, и в языкознании – во всём том, что направленно к отысканию истины, оттого это всё и соединяется в университете» (Вейнберг, 1910, с. 7 [цит. по: Майер, 2021, с. 8]).

Таким образом, Гумбольдт, формулируя принципы устройства исследовательского университета, строго говоря, не изобретает, но лишь напоминает о тех основаниях, на которых строился университет с самого начала своего существования. Внутренняя организация университетов, как пишет он, «должна порождать и поддерживать взаимодействие непрерывное, самовозобновляющееся, но при этом непринуждённое и не преследующее заранее заданной цели» (Гумбольдт, 2002, web). Внутренним двигателем университетской жизни, по мысли Гумбольдта, должен стать поиск истины: «Во внутренней организации высших научных заведений всё основывается на соблюдении принципа взгляда на науку как на нечто, ещё не полностью обрётённое и никогда целиком не обретаемое, принципа поиска науки как таковой» (Гумбольдт, 2002, web).

Для подвижных интересов к чистому познанию университет становится особой средой, способствующей непрерывному, непринуждённому и специально не направленному взаимодействию, преемственности без насилия, ограничения, позволяющей каждому развить свою индивидуальность. Сходным образом Ньюмен говорит об обязательной для университетской жизни «чистой и ясной атмосфере мышления» (Ньюмен, 2006, с. 97). При этом и в средневековом контексте, и в исследовательском университете, по мысли Гумбольдта, «не учитель служит ученикам, но и тот, и другие служат науке». (Гумбольдт, 2002, web). Наука, познание, поиск исти-

ны становятся, таким образом, общим делом преподавателей и студентов, питательной почвой для возрастания знания.

В университетской среде формируется не только новое знание. «Занятие наукой в самом глубоком и широком смысле этого слова и разработка учебного материала, по самой своей природе пригодного для духовного и нравственного образования», – утверждает Гумбольдт (Гумбольдт, 2002, web). Таким образом, университет является настоящей лабораторией, где не только происходят научные открытия, но и, что гораздо важнее, как в пробирке алхимика, рождается человек (Ортега-и-Гассет, 2005; Деррида, 2003). *Universitas* в этом смысле раскрывается как особая питательная почва, которая буквально вскармливает молодые побеги человеческого сообщества, создавая универсального, или всесторонне образованного, человека. Целостность и единство, таким образом, оказываются обоснованными и как цель индивидуальной человеческой жизни, и как цель универсального, высшего (то есть «университетского») образования.

Немаловажное значение для существования особой образовательной среды имеет то обстоятельство, что в университете старое неизбежно встречается с новым, традиции соседствуют с инновациями; образование (воспитание нового человека и учёного), культура (достижения человечества в целом) и наука сливаются в единое целое (Майер, 2021). Университет, таким образом, предстаёт в качестве динамической структуры, кипящего котла или алхимической пробирки, где рождается новое, небывалое, которое, возможно, является лишь синтезом, но осуществлённым впервые. И как отцам бывает полезно прислушаться к молодому поколению, так и студенчеству полезно давать возможность реализовывать его инициативы (Valtonen et al., 2021). Университет – по определению творческая и, следовательно, инициативная среда.

В этом смысле утверждение о том, что «условием формирования личности, способной к саморазвитию» является «резкая активация обучающихся и закрепление у них творческих начал» (Майер, 2021, с. 8), представляется, пожалуй, не слишком удачным. Творческие начала не закрепляют, их высвобождают, да и выражение «резкая активация» слишком напоминает движение кнута. Творческая личность не формируется методами кнута и пряника, не заменимыми при воспитании раба. В своём докладе Керн говорит об особой гибкости мудрых руководителей, заботящихся о том, чтобы не дать рассеяться инновационной энергии, и ссылается на Виктора Майера-Шёнбергера, подчёркивавшего, что к инновационной деятельности нельзя принудить (Kern, 2010, web). Свободному человеку, творческой личности, способной к самостоятельной формулировке задач и организации исследования, нужны совсем другие условия – простор, наставничество и качественное «питание», *cultura*. Именно в такой системе ценностей осуществлял свои реформы В. фон Гумбольдт, который определял назначение человека следующим образом: «Истинная цель человека –

не та, которую ставят перед ним изменчивые склонности, а та, которую предписывает ему вечный, неизменный разум, – есть высшее и наиболее пропорциональное формирование его сил в единое целое (Гумбольдт, 1985, с. 30).

Понятие «universitas» в силу вышесказанного приобретает дополнительное звучание, позволяющее интерпретировать сущность университета не только в качестве сообщества людей, объединённых единой целью – поиском истины, и не только в качестве учебного заведения, дающего разностороннее образование, но и как место, где человек обретает целостность собственной личности. Отсюда – настоятельное требование Гумбольдта в обучении гуманитарным дисциплинам (особенно философии) всех студентов, вне зависимости от выбранных ими траекторий обучения.

Ещё в 1930-е гг. Ортега-и-Гассет в работе «Миссия университета» констатировал: «В сравнении со средневековым современный университет почти полностью отказывается от преподавания или передачи культуры, невероятно усложняя профессиональное образование, которое является его зародышем, и расширяя исследовательскую деятельность» (Ортега-и-Гассет, 2005, с. 33). Безапелляционно утверждая, что профессионалы в различных областях бескультурны, и называя их «новыми варварами», Ортега-и-Гассет также указывал на характеристику университетского образования, которая оказалась забытой и лишённой значения, но является существенной. Блестящая подготовка в узком поле научного исследования, виртуозное владение профессиональным набором техник, инструментов и методов, безусловно, создают специалиста, то есть человека «техники» (в античном смысле этого слова), но отнюдь не обязательно делают человека образованным и культурным. Как утверждал Ортега-и-Гассет, «надо обязательно установить в университете преподавание культуры или системы жизненных идей, которыми располагает время. Это – главная задача университета» (Ортега-и-Гассет, 2005, с. 34). В свою очередь Деррида призывает соблюдать баланс – не идти на поводу у технического и утилитарного, но и не отказываться от профессионализма, хранить истину, учёность – то, что всегда представляло цель исканий всех причастных к университетской жизни (Деррида, 2003, web).

IV. Университет как открытый проект

Исследователь средневековых университетов П. Кибре упоминает сочинения XVI в., авторы которых призывали осуществить преобразования в университетской среде, а именно – в отношении утраченных со времён создания, но совершенно необходимых для преподавателей и студентов привилегий. О значении высшего образования, прежде всего в отношении его полезности, в рамках английской традиции высказывались Ф. Бэкон и Дж. Локк. Начиная же с XIX в. и прежде всего с работы Дж. Ньюмена, идея и миссия университета стали постоянным предметом философской ре-

флексии. Так, среди авторов, посвятивших осмыслению феномена университета не один десяток страниц, были Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ю. Хабермас и др.

Почему идея университета вновь и вновь требует переосмысления? Прежде всего в силу своей социальной роли. Меняющиеся условия жизни требуют новых навыков, новых характеров, новых руководителей, новой культуры и ценностей. В свою очередь, и университет, формирующий среду для будущих субъектов всех упомянутых изменений, всякий раз вынужден гибко отвечать внешним потребностям и допускать нововведения. Таким образом, можно заключить, что университет – это принципиально открытый проект, а непрерывающееся осмысление его сущности и предназначения совершенно необходимо, поскольку от этого напрямую зависит то, к каким целям он будет устремлён и, в конечном счёте, какого рода люди будут выходить из его стен. Забота о совершенстве университета по сути является заботой о совершенстве его выпускников.

Незавершённость проекта университета связана ещё и с тем, что за его созданием, как и за его реформированием, всегда стоит некий идеал. Он может иметь различные формы – *alma mater studiorum* (схоласты); место, где рождается наука (Гумбольдт); место, где умеют учиться и учат уметь (Деррида); место, где молодое поколение приобщается к культурному и интеллектуальному наследию предков (Ортега-и-Гассет); модель мультикультурного общества (Сохраняева) и т. д. Но какой бы из идеалов ни был принят в качестве определяющей идеи для реализации проекта университета, он так и останется идеалом, совершенным положением дел, в полной мере не осуществимым в реальности. Более того, любое размышление о смысле и миссии университета не замыкается на своём предмете, а проблематизирует широкий круг таких фундаментальных понятий, как человек, образование, культура, свобода, государство, и, следовательно, в меняющихся обстоятельствах заново ставит исходные философские вопросы, которые можно лишь задать, но никогда окончательно не исчерпать полученными ответами.

Заключение

Не вызывает сомнений, что в настоящее время назрела очередная необходимость реформирования университетского образования. «Университеты, – пишет Ридингс, – не всегда были бюрократическими системами, стремящимися к совершенству (excellence)» (Ридингс, 2010, с. 74). Но в каком направлении и исходя из какого основания осуществлять реформы? Что не так с нынешним университетом и в каких именно преобразованиях он нуждается? «Может ли Университет, лишившийся своей культурной миссии, – спрашивает далее Ридингс, – стать чем-то

иным, нежели бюрократическим орудием однополярной капиталистической системы?» (Ридингс, 2010, с. 79).

Чтобы разобраться, нужно ответить на вопросы: каким условиям не удовлетворяет университет в нынешней форме своего существования? Какие существенные функции не выполняет он в том виде, в котором существует в настоящий момент? Какому своему предназначению он изменяет? Удивительным образом получается, что при всех исторических изменениях, которые претерпел университет до настоящего времени, определённые черты, свойства и функции в нём остались неизменными. И именно невозможность их реализации заставляет философов вновь и вновь обращаться к вопросу о том, что такое университет и каково его предназначение.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Брокгауз и Ефрон, 2012, web – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron2/1852299.html> (дата обращения: 25.07.2023).

Вейнберг, 1910 – *Вейнберг Б.П.* Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Менделееве как лекторе. Томск: Типография губернского управления, 1910. 42 с.

Гумбольдт, 2002, web – *Гумбольдт В.* О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине / Пер. с англ. С. Шамхалова // Неприкосновенный запас. 2002. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/2/o-vnutrennej-i-vneshnej-organizaczii-vysshih-nauchnyh-zavedenij-v-berline-1.html> (дата обращения: 13.04.2023).

Гумбольдт, 1985 – *Гумбольдт В.* Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства / Пер. с нем. М.И. Левина // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 25-141.

Гусаковский, 2006 – *Гусаковский М.А.* Предисловие редактора // Ньюмен Дж. Г. Идея университета / Пер. с англ. С.Б. Бенедиктов. Минск: БГУ, 2006. 208 с.

Деррида, 2003, web – *Деррида Ж.* Университет глазами его питомцев // Отечественные записки. 2003. № 6. URL: <https://strana-oz.ru/2003/6/universitet-glazami-ego-pitomcev> (дата обращения: 10.07.2023).

Майер, 2021 – *Майер Г.В.* Исследовательский университет: принципы, среда, инновации, традиции. Исторический аспект // Университетское управление: практика и анализ. 2021. 25 (2). С. 6-12.

Ньюмен, 2006 – *Ньюмен Дж. Г.* Идея университета / Пер. с англ. С.Б. Бенедиктов. Минск: БГУ, 2006. 208 с.

Ортега-и-Гассет, 2005 – *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета / Пер. с исп. М.Н. Голубева. Минск: БГУ, 2005. 104 с.

Петрученко 1994 – *Петрученко О.* Латинско-русский словарь. М., 1994. 810 с.

Ридингс, 2010 – *Ридингс Б.* Университет в руинах / Пер. с англ. А.М. Корбут. М.: Издательский дом государственного университета Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

Сохраняева, 2006 – *Сохраняева Т.В.* К вопросу о культурной миссии современного университета // Вестник МГТУ. 2006. Т. 9. № 1. С.114-119.

Тимофеева, 2014 – *Тимофеева А.А.* Сущность университетского образования в педагогическом наследии Джона Генри Ньюмена // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1 (56). С. 59-63.

Уваров, 2010, web – *Уваров П.Ю.* У истоков университетской корпорации URL: <https://polit.ru/article/2010/02/04/university/> (дата обращения: 13.03.2023).

Фуллер, 2005 – *Фуллер С.* В чём уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства / Пер. с англ. С.Р. Филонович // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 50-76.

Alma Mater Studiorum, 2023, web – Alma Mater Studiorum: Università di Bologna, 2023. URL: <https://www.unibo.it/en> (дата обращения: 10.04.2023).

Kern, 2010, web – *Kern H.* Humboldt's educational ideal and modern academic education // 26th Annual Meeting of the Danube Rectors Conference. Novi Sad, Serbia, 2010. URL: http://www.drc.uns.ac.rs/presentations/05_DS/03-Prof.Dr.HeinrichKern.pdf (дата обращения: 20.07.2023).

Cardinal Newman, 1960 – *Cardinal Newman J. H.* The Idea of a University. San Francisco, 1960. 484 p.

Kibre, 1962 – *Kibre P.* Scholarly Privileges in the Middle Ages: the Rights, Privileges, and Immunities of Scholars and Universities at Bologna, Padua, Paris, and Oxford. Cambridge, Mass.: Mediaeval Academy of America, 1962. 445 p.

Sam, van der Sijde, 2014 – *Sam C., van der Sijde P.* Understanding the concept of the entrepreneurial university from the perspective of higher education models // Higher Education. 2014. No. 68. Pp. 891-908.

Valtonen et al., 2021 – *Valtonen T., Leppänen U., Hyypiä M., Kokko A., Manninen J., Vartiainen H., Sointu E., Hirsto L.* Learning environments preferred by university students: a shift toward informal and flexible learning environments // Learning Environments Research. 2021. No. 24. Pp. 371-388.

Waeraas, 2009 – *Waeraas, A.* Defining the essence of a university: lessons from higher education branding // Higher Education. 2009. No. 57 (4). Pp. 449-462.

References

Alma mater studiorum: Università di Bologna (2023). Retrieved April, 10, 2023, from <https://www.unibo.it/en>

Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary (2012). Retrieved July, 25, 2023, from <https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron2/1852299.html> (In Russian)

Derrida, J. (2003). The university in the eyes of its pupils. *Otechestvennye zapiski*, 6 (15). Retrieved July, 10, 2023, from <https://strana-oz.ru/2003/6/universitet-glazami-ego-pitomcev> (In Russian)

Fuller, S. (2005). What is the uniqueness of universities? Updating the ideal in the era of entrepreneurship. *Questions of Education*, 2, 50-76. (In Russian)

Gusakovskiy, M. A. (2006). Editor's preface in J. H. Newman. *The Idea of a University*. Belarus State University Publ. (In Russian)

Humboldt, W. (1985). Demarcation of the limits of state activity in *Language and Philosophy of Culture* (pp. 25-141). Progress Publ. (In Russian)

Humboldt, W. (2002). On the internal and external organization of the higher scientific institutions in Berlin. *Untouchable Reserve*, 2. Retrieved April, 13, 2023, from <https://magazines.gorky.media/nz/2002/2/o-vnutrennej-i-vneshnej-organizacii-vysshih-nauchnyh-zavedenij-v-berline-1.html> (In Russian)

Kern, H. (2010). Humboldt's educational ideal and modern academic education. *26th Annual Meeting of the Danube Rectors Conference*. Novi Sad. Retrieved July, 25, 2023, from http://www.drc.uns.ac.rs/presentations/05_DS/03-Prof.Dr.HeinrichKern.pdf

Kibre, P. (1962). *Scholarly Privileges in the Middle Ages: The Rights, Privileges, and Immunities of Scholars and Universities at Bologna, Padua, Paris, and Oxford*. Mediaeval Academy of America.

Mayer, G. V. (2021). Research university: principles, environment, innovations, traditions. Historical aspect. *University Management: Practice and Analysis*, 25 (2), 6-12.

Newman, J. H. (1960). *The Idea of a University*. San Francisco.

Newman, J. H. (2006). *The Idea of a University*. Belarus State University Publ. (In Russian)

Ortega y Gasset, H. (2005). *Mission of the University*. Belarus State University Publ. (In Russian)

Petruchenko, O. (1994). *Latin-Russian Dictionary*. Dumnov and Salaev Partnership Publ. (In Russian)

Readings, B. (2010). *The University in Ruins*. Higher School of Economics Publ. (In Russian)

Sam, C. & van der Sijde, P. (2014). Understanding the concept of the entrepreneurial university from the perspective of higher education models. *Higher Education*, 68, 891-908.

Sokhranyayeva, T. V. (2006). To the question of the cultural mission of the contemporary university. *Vestnik MSTU*, 9 (1), 114-119. (In Russian)

Timofeeva, A. A. (2014). The essence of the university education in the pedagogical heritage of John Henry Newman. *Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*, 1 (56), 59-63. (In Russian)

Uvarov, P. (2010). *At the Origins of the University Corporation*. Retrieved March, 13, 2023, from <https://polit.ru/article/2010/02/04/university/> (In Russian)

Valtonen, T., Leppänen, U., Hyypiä, M., Kokko, A., Manninen, J., Vartiainen, H., Sointu, E., Hirsto, L. (2021). Learning environments preferred by university students: a shift toward informal and flexible learning environments. *Learning Environments Research*, 24, 371-388.

Waeraas, A. (2009). Defining the essence of a university: lessons from higher education branding // *Higher Education*, 57 (4), 449-462.

Weinberg, B. P. (1910). *From Memories of Dmitry Ivanovich Mendeleev as a Lecturer*. Tomsk Publishing House. (In Russian)

КОНЦЕПЦИЯ

УДК 167

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-37-56

IN SEARCH OF PURELY SCIENTIFIC CULTURE: A NORMATIVE CRITIQUE OF SCIENTISM, KARL POPPER, AND THOMAS KUHN'S DISPOSITIONS

Dr. Rajan – Assistant Professor
of Philosophy School of Educa-
tion, Azim Premji University.
Bhopal, Madhya Pradesh,
462010, India;
e-mail: Jattrajan12@gmail.com,
7991272055,
ORCID: 0000-0002-0655-0850

As science continues to expand its capacity to explain the nature of existence and reality, a new belief system has emerged regarding how humans can acquire pure knowledge, often referred to as Scientism. Scientism posits that science is the exclusive source of knowledge about the world. This belief gained prominence in the early 20th century, influenced by movements such as logical positivism. Prominent thinkers such as Karl Popper, A.O. Quine, Thomas Kuhn, and Ernest Nagel have contributed to the refinement of scientific practice. This article offers a critical philosophy of science, safeguarding it from dogmas, biases and pseudo-practices while engaging with Karl Popper and Thomas Kuhn's notions of "Real-Science" and enhancing the pursuit of a purely scientific culture. The history and philosophy of science owe much to Karl Popper and Thomas Kuhn, who delved into significant aspects of the philosophy of science, including its logic, doctrines, and evolution. Aligned with the viewpoints of Karl Popper and Thomas Kuhn, this paper is structured into five sections. When examined collectively and viewed through the lens of the hermeneutic circle, these sections share the overarching objective of elucidating the essence and methodology of science, providing a critique of scientism, and, as a result, presenting a blueprint for guiding the transition towards purely scientific culture and temperament:

1. Introduction: Science, Scientific Practice, and its logical Foundations
2. Induction and Background Theories of Scientific Practice
3. Socratic Spirit in the Karl Popper's Falsificationism
4. Thomas Kuhn and the Systematic Phases of Scientific Growth
5. Conclusion and an Integrated Way to pure Scientific Culture.

Keywords: Karl Popper, Thomas Kuhn, science, philosophy, sense, process

How to cite: Dr. Rajan. 2023. In search of purely scientific culture: a normative critique of scientism, Karl Popper, and Thomas Kuhn's dispositions, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (3): 37-56. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-6-3-37-56

Received: 28 June 2023

Revised: 17 September 2023

Accepted: 25 September 2023

В ПОИСКАХ ЧИСТОЙ НАУЧНОЙ КУЛЬТУРЫ: НОРМАТИВНАЯ КРИТИКА СЦИЕНТИЗМА И ДИСПОЗИЦИЙ КАРЛА ПОППЕРА И ТОМАСА КУНА

Д-р Раджан – Доцент кафедры философии образования, Университет Азима Премджи, Бхопал, Мадхья-Прадеш, 462010, Индия;
e-mail: Jattrajan12@gmail.com, 7991272055,
ORCID: 0000-0002-0655-0850

Поскольку наука продолжает расширять свои возможности по объяснению природы существования и реальности, возникла новая система убеждений относительно того, как люди могут приобретать чистые знания, часто называемая сциентизмом. Согласно сциентизму, наука является исключительным источником знаний о мире. Данное убеждение приобрело известность в начале XX века под влиянием таких движений, как логический позитивизм. Выдающиеся мыслители, такие как К. Поппер, А.О. Куайн, Т. Кун и Э. Нагель внесли свой вклад в совершенствование научной практики. Эта статья предлагает критическую философию науки, защищая ее от догм, предубеждений и псевдопрактик, одновременно используя понятия Карла Поппера и Томаса Куна о «настоящей науке» и способствуя стремлению к чисто научной культуре. История и философия науки во многом обязаны К. Попперу и Т. Куну, которые углубились в важные аспекты философии науки, включая ее логику, доктрины и эволюцию. Эта статья, соответствующая точкам зрения Поппера и Куна, состоит из пяти разделов. Если рассматривать их как целое, а также через призму герменевтического круга, можно заметить, что эти разделы объединяет общая цель, включающая прояснение сущности и методологии науки, критический анализ сциентизма и, как следствие, описание контуров перехода к чисто научной культуре:

1. Наука, научная практика и ее логические основания
2. Индукция и фоновые теории научной практики
3. Сократический дух в фальсификационизме Карла Поппера
4. Томас Кун и систематические фазы роста научного знания
5. Заключение и интегрированный путь к чистой научной культуре.

Ключевые слова: Карл Поппер, Томас Кун, наука, философия, смысл, процесс

Цитирование: Dr. Rajan. В поисках чистой научной культуры: нормативная критика сциентизма и диспозиций Карла Поппера и Томаса Куна // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 3. С. 37-56. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-37-56

Рукопись получена: 28 июня 2023

Пересмотрена: 17 сентября 2023

Принята: 25 сентября 2023

1. Introduction: Science, Scientific Practice, and Its Logical Foundations

Aristotle, in his renowned work “The Metaphysics,” famously stated that all humans inherently desire knowledge (Lear, 1988, p. 7). Beyond this innate thirst for knowledge, human beings have also sought proper, justified methods to acquire knowledge about the world and beyond, which falls under the purview of epistemology. Throughout history, various thinkers have proposed diverse sources and methods for acquiring knowledge, with science being one among them. In recent centuries, the pursuit of knowledge has been significantly influenced by scientific practices. However, it is important to clarify that science and scientism are not one and the same, as we intend to demonstrate by the end of this paper. Science has risen in prominence due in part to its increasing ability to provide rational explanations for natural phenomena, replacing previous reliance on paranormal speculations. In the modern discourse on science, the prevailing idea is that nothing happens randomly or without a systematic framework. Science, in essence, “is a realistic and systematic approach to understanding the natural world, characterized by rigorous methodologies, experimentation, and observation” (Thomson, 1939, p. 6). It acknowledges its limitations, recognizing that it may not be able to address all the questions related to ethics, values, or personal meaning effectively. On the other hand, “scientism is a strict and often an ideological perspective that champions certain exclusive and superior empiricist method for acquiring knowledge, relegating other forms of understanding, like religion or philosophy, as irrelevant or inferior” (Stenmark, 2020, p. 1). Scientism asserts that if something cannot be empirically tested or measured, it lacks value in the pursuit of knowledge. In line with this perspective, our normative composition emphasizes the importance of distinguishing between science and scientism to promote a purely scientific culture. It will depict that while science is valuable for exploring the natural world, scientism's limitation to measurable knowledge has drawbacks. A true scientific culture values interdisciplinary dialogue, diverse methods and recognizes that axiology and metaphysics, which may go beyond empirical measurement, are essential for addressing complex issues effectively. These non-empirical pursuits can also enhance scientific practices. As Matteo Morganti put it about the need of methodological perspective that can allows one to seek the right equilibrium between science, metaphysics, and common sense:

Science and philosophy both express, and attempt to quench, the distinctively human thirst for knowledge. But what can scientific and philosophical theories tell us about the world, in isolation from each other? And

to what extent does a sophisticated investigation into the nature of things force us to question commonsense beliefs? (Morganti, 2013, p. 3)

The discourse above exemplifies the philosophy of science, a field that derives fundamental principles and concepts through proper philosophical contemplation. Within this realm, “we explore the foundations, essence, methods, processes, reliability, and implications of science and its diverse disciplines” (Bird, 2006, p. 3). From a preliminary perspective, it becomes evident that science is inherently marked by the systematic examination of worldly phenomena (Sarukkai, 2012, p. 2). Scientists typically collect data through observation, experiments, archival studies, and similar methods, seeking logical relationships among them. However, they do not settle for mere data: scientists aim to draw specific conclusions from the data they customize. They are also keen on discerning which data supports specific theories while disproving others. But how do scientists reach their conclusions, and the process of refutation and theory formation has been a contentious issue (Husserl, 2019). Some philosophers of science debate whether scientists rely on inductive or deductive reasoning. We will explore these perspectives shortly. To engage in this discussion effectively, it is essential to introduce basic terminology from philosophical logic, such as induction, deduction, reasoning, sound, and unsound arguments, and more (Cavaillès, 2021). In this section, we will delve into the fundamentals of scientific logic, both in a general sense and as a specific foundation of science, as Karl Popper, one of the thinkers we will discuss, has integrated these principles into his falsificationism. Let us start with the concept of logic itself. Logic, in essence, is the study of reasoning and argumentation (Copi, 2016, p. 7). An argument, which is central to the practice of logic, science, and academia as a whole, consists of two parts: premises and a conclusion. Premises are what we presuppose, and the conclusion is what we derive from those premises (Copi, 2016, p. 6). Let us look at a famous model to make sense of the above terminology:

P 1 = Man is a mortal being

P 2 = Socrates is a man

Therefore, Socrates is mortal.

Here the first two lines are the premises, and the final line introduced by the word so is the conclusion. In this argument, we assume that man is a mortal being and that Socrates, an individual, is a man, and we conclude that Socrates is mortal. As the second piece of terminology, we will distinguish between valid and invalid arguments. “A valid argument is an argument in which the conclusion is being drawn from the premises” (Copi, 2016, p. 7). As per our above example about “Socrates is mortal”, it is an example of a valid argument since the conclusion really follows from the premises. It makes sense to draw this con-

clusion from these premises. Moreover, as an example of an invalid argument, we can take this:

P 1 = Man is a mortal being
P 2 = Socrates is a man
Therefore, Socrates is a Greek

Here, we just cannot draw that conclusion from those premises. Therefore, this argument is not valid; instead, it is invalid. Nevertheless, it is worth noting, “Whether an argument is valid or otherwise has nothing to do with whether the premises or the conclusions are true” (Copi, 2016, p. 7). All the premises and the conclusion of the above argument are true, yet the argument is invalid because the conclusion does not follow from the premises. On the other hand, it is also possible to have false premises and a valid argument. For instance —

P 1 = Man is an immortal being
P 2 = Socrates is a man
Therefore, Socrates is immortal.

This argument is perfectly valid even though the assumption that man is an immortal being, as far as we know, is false. We can now introduce our final piece of terminology: the differentiation between two types of arguments, which scientists frequently employ in their practices, depending on their inclinations or dispositions.

“a) Deductive Arguments

b) Inductive Arguments”¹ (Nola, Sankey, 2014)

A deductive argument is an argument in which “the premises' truth guarantees the truth of the conclusion” (Copi, 2016, p. 8). In deductive arguments, it is impossible for the premises to be true while the conclusion is false. This is illustrated in our previous example: if man is mortal and Socrates is a man, then Socrates must be mortal. Any error in a deductive argument arises from false assumptions. Therefore, if the premises are true, the conclusion is guaranteed to be true, eliminating room for new errors. Additionally, Aristotle's contribution to deductive reasoning allows us to evaluate the validity of an argument solely based on its form, irrespective of its specific content or particulars. You can still see that our example argument is valid now because there is this form—

¹ What does it mean to be scientific? Is there a definitive scientific method, and if so, how can we justify such methods? Although numerous methods have emerged for practicing science, two prominent approaches that science borrows from philosophy are inductive and deductive methods. There is contention among scholars regarding which is the superior approach in scientific inquiry. Following the same, we have planned to discuss them to make sense of our present debate. For example, Karl Popper argued that there is no need for induction in science; instead, deduction is sufficient. To know more about it, see-Nola, R., Sankey, H. (2014). *Theories of Scientific Method: An Introduction*. United Kingdom: Taylor & Francis.

All A is B
C is A
Therefore, C is B

Where A is Man, B is being mortal, and C is Socrates. Thus, we can put anything we like in the place of those letters, and the argument will remain valid. For instance, let us choose A is Indian, B is Humble, and C is Rama; then we have —

All Indians are Humble
Rama is Indian
Therefore, Rama is humble.

Deductive arguments can be evaluated based on their form, regardless of whether the initial premise is true or false, leading to a conclusion that may not be accurate. This approach allows us to assess argument validity without relying on prior assumptions about the subject matter, aligning with the scientific practice of collecting data before drawing conclusions. In scientific discourse, arguments are primarily inductive, not deductive, where deductive arguments guarantee truth when premises are true, while inductive arguments provide strong reasons to believe the conclusion, though without guaranteeing its truth (Kuhn, 2012, p. 37; Popper, 2005, p. 3). Again, let us look at another example—

None of the medieval texts, which we have studied, argues against the existence of God.

So, no scholar in the Middle Ages argued against the existence of God.

Upon closer examination of this argument, we discern that we are asserting an objective claim grounded in subjective experience, rendering the conclusion likely but not certain. This aligns with the typical scientific approach, where we often have limited data on which we seek to establish a general conclusion. Moreover, in accordance with the reviews of science, it becomes evident that scientific undertakings involve making inductive arguments. As we shall see in the next Section, the induction method is much more problematic than a deduction, “making scientific knowledge more unstable” (Popper, 2005, p. 4).

2. Induction and Background Theories of Scientific Practice

In the previous part, we explained the difference between science and scientism, which is crucial for our main goal of understanding and promoting the idea of a purely scientific culture. Additionally, we delved into the realm of reasoning, particularly focusing on two perennial forms: deductive and inductive reasoning. We explored their practical applications within scientific endeavors and shed light on how scien-

tists employ these concepts to elucidate their theories and viewpoints. We also saw that inductive reasoning is really important for making progress in science. Now, let us explore inductive arguments more closely, with a focus on an important question: How can we determine if an inductive argument provides us with trustworthy information? This is a crucial consideration because when we use inductive reasoning, we depend on certain foundations or background theories to support our arguments, which can introduce some uncertainty (Regt, 2017). This means we cannot use mere Induction to derive theories from neutral data. Taking this problem into account “In the mid-eighteenth-century David Hume argued that practice of inductive reason and successful prediction tells us nothing about the truth of the predicting theory. No matter how many experimental tests a hypothesis passes, nothing can be legitimately inferred about its truth or probable truth” (Howson, 2000, p. 1). In other words, we always rely on some theoretical beliefs, which imply that scientific theories depend not only on observations, but also on presuppositions or even prejudices (Gijsbers, 2009). So again, let us begin with the basics: A deductive argument is valid, meaning if the premises are true, the conclusion must also be true; there is no way around it. In contrast, an inductive argument is valid too, but it does not guarantee the truth of the conclusion. It gives us good reason to believe it, but there's still room for other evidence or observations to challenge it. Here is an example from our earlier discussion: None of the medieval texts we have looked at argue against the existence of God, so it seems like nobody in the Middle Ages argued against the existence of God. But these examples might not fully capture the essence of scientific research; we might need more representative instances that align with core scientific practices. —

All the organisms that we observe or have observed require water to survive and evolve.

Therefore, in future if any new organism emerges, it will also require water.

While this argument may seem flawless on the surface, there are inherent limitations. Our limitations revolve around time, as we cannot predict the future with absolute certainty. Sometimes, these limits extend to both time and space. Consider our earlier example: we observe the present and past, leading to a general conclusion. This is an example of induction, not deduction, because in the future, we might discover new organisms that do not rely on water for survival. It is not just about time and space; inductive reasoning can also miss the impact of persistence, external factors, and factual changes that could alter the conclusion. In essence, no matter how many observations we make, the next one could always be different. Therefore, drawing general conclusions from data always involves induction, which carries risk and does not

guarantee logical necessity ² (Ainslie, 2015). In the last Section, we learned that we could recognize deductive arguments just by looking at their logical form without knowing anything about the content (Malpass, 2017). In this Section, we will see that that is not the case for inductive arguments since this form of reasoning need background theories about the content to assess whether a supposed inductive argument is any good. So let us look at one more example:

I put twenty-two frogs in the freezer for a week.
Moreover, observation suggests that all of them died in the week.
Therefore, all frogs die when they are put in the freezer for a week.

If we look at the logical form of this argument, it is something like this: I did “A” 22 times and every time “B” happened. Therefore, every time I shall do “A”, “B” will indeed happen. The question arises – is that a valid argument scheme? In addition, apart from this challenge, every different form of observation results in a different logical form, which makes it difficult to conclude without looking at the content of an inductive argument. Thus, content is the sole subject matter of inductive reasoning, which will always be insufficient to deduce the guaranteed truth. In short, it has nothing to do with the logical form of one inductive argument with another inductive argument. Thus, “what matters is the content of our background knowledge about any case” (Popper, 2002, p. 322). You have to make observations of all possible time and space before we may believe in your inductive argument. Moreover, in order to assess the inductive argument, there are several things that we need to know about the content, which we apply to any specific inductive argument.

Therefore, “it is for sure that there are certain background theories or certain principles about the structure of nature prior to undertaking any scientific investigation” (Popper, 2002, p. 322). These principles or the presuppositions of science are themselves not discovered utilizing the methods of science. So based on these critique questions, is it true that Science makes no use of faith in the attainment of knowledge or rather, are there certain assumptions scientists take for granted, whether knowingly or not, based on faith? Actually, there is nothing to be shy about accepting this fact. However, some scientism supporters are not ready to practice epistemic humility and tolerance, which require an honest submission of one’s position and limits. When one examines the scientific method, it appears that scientists must, in fact, accept certain propositions on convictions before they can even commence a scientific inquiry. These propositions, which can be called the “presuppositions of science” (Popper, 2002, p. 323), include such things as a belief in the validity of sense experience and a belief in what is called the uniformity

² David Hume has eloquently addressed this issue and challenged our dogmas regarding inductive reasoning. See- Ainslie, D. C. (2015). *Hume's True Scepticism*. United Kingdom: Oxford University Press.

or regularity of nature assenting to the regularity of nature. This means that when scientists find laws of nature, they believe these laws work not just where and when they do experiments but everywhere and all the time. Now, here is the important part about scientism: these beliefs or ideas cannot be proven true using the scientific method. Instead, scientists have to assume they are true even before they start their investigations. For example, if someone says our senses cannot be trusted, how can we rely on what we see during experiments? Or if someone thinks the world does not follow any rules, how can scientists ever find natural laws? As Abraham Kaplan reveals:

Nowhere in Science do we start from nothing; there is only one place where we can start: from where we are. Science is no miraculous creation out of nothing, no spontaneous knowledge generation from ignorance. When presuppositions are denied a logical status, we remain mired in scepticism (Kaplan, 2017, p. 142).

To illustrate this point, let us focus on one presupposition that exemplifies a proposition about the natural world accepted by scientists but not discoverable through the claims of scientism. This presupposition pertains to the regularity of nature, specifically the concept of the species and individual structure of nature. In scientific practice, it is assumed that different individuals, material objects, and events can be categorized into specific classes based on shared characteristics. For instance, all pieces of wood in nature constitute the “species” of wood, while individual water droplets make up the “species” of water, and so on. Additionally, science relies on the assumption that individuals within the same species will exhibit consistent behaviors under specific conditions. For example, scientists presume that all pieces of wood can burn and that all water droplets can freeze. Importantly, this presupposition reveals a fundamental aspect of the world: individuals of the same species behave similarly. However, it is crucial to note that the truth of this proposition, or the source of this knowledge, does not and cannot originate from the methods of induction and observation alone. This is because, even before the scientific method can be applied, this proposition must be accepted as true, as articulated by Van Nelson:

In science, we must accept certain presuppositions, such as the regularity of nature, which cannot be established through induction and observation alone. For Science does not have any choice about whether or not to accept the presupposition of the species and individual structure. It must accept it because otherwise, any classification induction and gathering of experience in certain laws would be entirely impossible. For there would be an infinite series of experiences

without any possibility of connecting one experience with another (Melsen, 2022, p. 10).

By accepting such a proposition, scientists implicitly acknowledge a truth about the world's structure which is not derived from merely scientific operations. Some may argue that these presuppositions are validated by science's success. However, this argument overlooks the distinction between success and truth; being successful does not necessarily prove the truth of these presuppositions. And it's also one of the problems with the "pragmatic theory of truth" that people often overlook when making bold judgments and decisions i.e., success does not guarantee the truth (Moore, 1910). For instance, Tycho Brahe's 16th-century model of the solar system accurately predicted planetary motions, yet we now know it was fundamentally incorrect (Popper, 2002, p. 130). In the realm of inductive reasoning, two critical factors come into play. First, we must consider how likely it is that the things we are studying behave uniformly, recognizing that external factors can alter our conclusions and theories (Whewell, 1847, p. 67). Second, we need to ensure our data is representative of the entire subject matter, not just a specific part. In simple terms, background theories are crucial in science because they guide how we interpret and analyze data. Inductive arguments, which involve generalizing from observations, rely on these background theories. This means scientists cannot claim the absolute truth about a subject until they consider these factors. Subsequently, it is important to understand that scientists are not entirely objective; they view the world through their own perspectives influenced by their background theories. This can lead to bias and may hinder the pursuit of a purely scientific culture. Critics like Karl Popper argue that there is no completely neutral scientist, as everyone has preconceived notions. They believe that drawing general conclusions is essential for scientific progress.

3. Socratic Spirit in the Karl Popper's Falsificationism

In the previous section, we highlighted that inductive reasoning always operates within the framework of background theories. This means scientists cannot simply examine raw data and arrive at neutral conclusions. They invariably analyze data through the lens of pre-existing theories, which implies that science is not solely driven by observation; it is guided, or some might argue, biased by theoretical perspectives. Typically, scientists take certain theories for granted without criticism. However, 20th-century philosopher of science Karl Popper challenged this conventional view. He asserted that the essence of science lies in its critical nature and its refusal to take anything for granted (Popper, 2005, p. 14). According to Popper, scientists seek to demonstrate the falsity of their own theories, which he believed distinguishes true natural scientists from fake or pseudo-scientists (McKinnon, 2019, p. 23). Before delving into Popper's central thesis, it is es-

essential to explore some of his sub-theses that underpin his theory of falsification. Popper's works, such as *"Conjecture and Refutation"* (Popper, 2002) and *"The Logic of Scientific Discovery"*, (Popper, 2005) offer normative guidelines for how sound science should be conducted. His aim was to provide insights not just into practicing scientists but also to those aspiring to engage in scientific practice. "Popper drew from the practices of exceptional scientists like Einstein to construct his normative framework, distinguishing it from what he saw as the shortcomings of figures like Darwin, Marx, and Freud" (Charlesworth, 1982, p. 25). Popper's critical stance differentiates between dogmatic certainty and relativism. He emphasized "uncertain truth" or truth as a guiding ideal, which formed the core of his falsification theory and had significant implications for both societal and academic progress. Popper's emphasis on human fallibility, inherent in his theory of falsification, aligns with the notions of individual and societal improvement and the advancement of academic and scientific endeavors.

The fundamental drive behind Popper's concept of falsifiability is the notion that it provides a criterion for distinguishing between genuine science and non-science, including pseudo-science. This criterion not only aids in the demarcation of scientific endeavors but also guides us toward the pursuit of a purely scientific culture. Popper aimed to challenge a common emotional inclination – our preference for personal, hypothesis-driven results derived from tests and observations, a preference rooted in our aversion to whitewashing outcomes. Falsifiability, as proposed by Popper, is often seen as the demarcation criterion, distinguishing empirical science, and statements from other forms of knowledge, including pseudo-science, metaphysics, mathematics, and logic (Popper, 2002). However, Popper focused on distinguishing real science from pseudo-science, emphasizing that true science relies on consistent knowledge, not just empirical observations. He believed that facts are not self-explanatory and should be seen as theoretical abstractions embedded in their contexts. Popper rejected the concept of "raw data" and argued that we are always theorizing. He was skeptical about repetition-based truth because no two repetitions are identical, and interpretations matter. Popper's key point is that being scientific is not just about data and testing, as tests can have flaws. Instead, true scientific spirit involves maintaining a critical attitude toward data and tests.

For Popper, scientific knowledge grows through falsification, where we learn from our mistakes and avoid repeating them (Popper, 2005). Our understanding of the world, whether we are experts or beginners, is equally prone to fallibility. Science, like philosophy, encourages us to embrace our limitations and marvel at the world's complexities. Karl Popper not only challenges the dogmas of logical positivism but also emphasizes the importance of speculative metaphysics in science. Speculation involves envisioning potential paths constrained by testing and observation. Popper's theory highlights that

metaphysics, or speculative thinking, is inevitable in the pursuit of truth. He establishes a normative condition for innovation, emphasizing that progress relies on embracing metaphysics ³ (Ede, Cormack, 2017). While radical conjectures are crucial for problem-solving, they must withstand refutation. Science aims to enrich our meaningful engagement with the world, rather than merely opposing meaningless nonsense as defined by logical positivists. Popper distinguishes between the scientific and non-scientific realms within the domain of meaning. A single falsification can overturn a dogma, theory, or project, whereas verification, at best, establishes probable laws based on evidence. Fallibilism, according to Popper, does not lead to nihilism but rather acknowledges that disillusionment is a common part of exploration. Pursuing knowledge demands rigor in evaluating our instincts and emotions, resembling the redemptive path of knowledge, including scientific pursuit. This embodies the Socratic spirit, promoting epistemic humility, tolerance, and the foundation of falsificationism. In Socrates's words – “I know only one thing that I know nothing” (Xenophon, 2023, p. 7).

Returning to Popper's hardcore and notable criticism, logical Induction, strictly speaking, does not stand for a standard means of truth. It is not only wrong for him but also something, that occurs and exists outside the realm of human cognition. However, at least in academics, since knowledge is all about cognition, thus, at its best, it either stands for a probable means of truth or, at its worst, wholly fails to be called the means of gaining knowledge. In short, Induction justifies scientific laws as 'probable' at most and never provides specific proof. Moreover, Popper was also aware that you could only do Induction if you accepted some background theories. Nevertheless, he also wanted to say that scientists do not really accept any theories since they are always critical of them. So how can we combine those two ideas very simply? As a revolutionary philosopher of Science, Popper critically said that we need to stop claiming that scientists merely use Induction for their discoveries and theory-making. Scientists, in fact, according to Popper, “only use deduction, and therefore they never need any background theories” (Popper, 2005, p. 291). Popper's suggestion is very radical but also very influential. Therefore, in this Section, we will explore his view that scientists only use deduction and examine why this view is problematic. Here is an example from one of our previous Sections:

³ The sciences, as understood by the Scholastic philosophers in the Aristotelian sense, were specialized branches of philosophy, and included the seven sciences of mediaeval learning: grammar, logic, rhetoric, arithmetic, music, geometry, and astronomy. When the number of sciences was enlarged, they were classified under the headings of natural, moral, and first philosophy (or metaphysics). To know more about the history and development of science, see- Ede, A., Cormack, L. B. (2017). *A History of Science in Society: From Philosophy to Utility*. United States: University of Toronto Press.

All the organisms which we observe require water to survive
and evolve.

Therefore, in future if any new organism emerges,
it will also require water.

In our previous section, we discussed how scientists use induction, a form of reasoning based on limited observations, to draw general conclusions. However, according to Popper, scientists do not claim their theories are permanently true because they understand that new observations could prove them wrong at any time. This means they avoid stating that a theory is true, like the idea that all observed organisms need water to survive. Popper argues that scientists remain open to the possibility of new evidence that could challenge their theories. Although our example shows a probable truth, but for Popper, Scientists do not even clean claim that, a theory is probable or likely to be true or anything; instead, “they are only interested in critically testing theories and showing that they may be false in their assumptions” (Popper, 2005, p. 326). In short, the only conclusion that real scientists ever draw is that their theory is always prone to be wrong; in fact, they aim to prove themselves wrong. Popper called this process the process of “Falsification” (Popper, 2005, p. 327).

Adding more to it, falsification is a scientific process aimed at disproving theories by finding variables that lead to changes. If a theory claims all organisms need water to survive, finding one that thrives without it would invalidate the theory. This approach aligns with Popper's idea that scientists primarily use “deduction”. Falsification relies on deductive reasoning, as shown in the above example. However, contemporary philosophy of science debates whether science can solely rely on observation and reason, as Popper suggests. Nonetheless, deductive reasoning plays a crucial role in falsification and scientific inquiry. Going deeper, we find an error in Popper's logic of falsification. To illustrate, consider the example of freezing frogs: if the theory that all frogs die after a week in the freezer is true, then every frog in the freezer should be dead after a week. However, this argument assumes that the theory “T” is true if we observe a dead frog. But what if someone removed the frog from the freezer temporarily, or if the freezer malfunctioned during the week? These scenarios show that the theory could still be valid despite the observation of a dead frog, highlighting a flaw in Popper's logic.

To construct a precise argument, we need to consider multiple conditions: if the theory “all frogs are dead after a week in the freezer” is true, and no one removed the frog during the week, and the freezer functioned correctly, and it's indeed a frog, then this frog should be dead since all conditions for a dead frog in the freezer are met. However, since the frog is not dead, Popper would declare the theory falsified. This complex scenario is essential to understand the concept of truth. When we try to prove a theory wrong, we have to make certain assumptions. But can we be sure these assumptions are true? We either use

induction or accept them without questioning. In both cases, we do not meet Popper's super-critical thinking standard. Just like induction relies on a background theory, falsification also needs one. So, many philosophers of science think that Popper's ideas, while popular among scientists, cannot replace the standard method of induction. In practice, we cannot avoid using induction in science, as argued by thinkers like Thomas Kuhn, whom we will discuss next.

Moreover, the other problem with Popper's falsificationism lies in its rigidity and the practical challenges it poses to scientific practice. As noted above, Falsificationism categorically asserts that for a theory to be considered scientific, it must be potentially falsifiable, meaning it should make specific, testable predictions that, if proven false, would refute the theory. However, in reality, theories can often be modified or extended in numerous ways to accommodate conflicting observations, making strict falsification difficult. Additionally, applying falsifiability as a demarcation criterion to distinguish science from non-science can be ambiguous in borderline cases. The underdetermination problem persists, with several theories explaining the same observations. Science often progresses by refining and expanding existing theories, which does not align with rigid falsificationism. Historical cases like continental drift show that valuable theories faced resistance and did not strictly adhere to falsificationism. While falsifiability is essential, it has limitations in assessing scientific theories and distinguishing science from non-science. In the next section on Thomas Kuhn's philosophy, we will explore how scientific practice involves a complex interplay, including hypothesis testing, empirical evidence assessment, and theory development. This challenges the simplistic view of science relying solely on strict falsifiability and highlights its dynamic and evolving nature.

4. Thomas Kuhn and the Systematic Phases of Scientific Growth

In our last Section, we discussed Karl Popper's claim that scientists are critical and that only those people deserve to be called scientists who do not just believe in everything they are told or see. Popper claims that they want to see cold hard evidence or otherwise (refutation), and they will come to their own conclusions based on what they comprehend experimentally. Furthermore, that is precisely because scientists are so critical that Science is so successful because they take nothing for granted in scientific practice. They can quickly discover and eliminate any errors that allow them to leave those errors behind and march on towards the truth. This idea of the "scientist as a critical thinker" is so deeply ingrained in our conception of science that Karl Popper even turned it into the critical component of his theory of science i.e., falsificationism. According to Popper, "...in falsificationism, scientists are always busy trying to prove their theories wrong. They are extremely critical; indeed, pseudo-scientists, on the other hand, are always trying to protect their theories; they are not critical at all" (Popper, 2005, p. 68). Subsequently, Karl Popper is critical to the essential element of

being a scientist. While many agreed with Popper's ideas, it is important to acknowledge that not everyone did. In the previous section, we discussed some of Popper's limitations, and in this section, we will continue to explore these limitations for a more comprehensive understanding.

From an academic perspective, Thomas Kuhn, an American physicist, historian, and philosopher of science, developed a highly influential account of science that highlights gaps in Popper's theory. Kuhn argued that the idea that science is always in a critical mode is not true, or, to be more precise, it is an illusion. For Thomas Kuhn, quite contrasting to Karl Popper's thesis, Science is usually not critical at all. It is only at specific and exceptional moments in history and process that Science becomes critical (Wray, 2021, p. 65). Therefore, if we believe that Science is always critical, we are mistaking the exception for the rule. As a historian of science, when Kuhn studied the history of science, he did not see a cure succession of events; instead, what he saw was a kind of pattern of alternating phases of different kinds of science that happened at different moments, and which followed each other in a standard way. According to Kuhn, you could see this pattern everywhere in all the sciences or least all in Natural Sciences and throughout history in certain phases. Following are the phases that Kuhn's Writing suggests—

- Pre-Paradigmatic Phases
- The Phase of Normal Science
- The Phase of Crisis
- The Phases of the Scientific Revolution

We will explain the meaning of these terms later on. However, before that, let us understand the procedure of scientific progress in Kuhn's language. Every Science, Kuhn tells us, starts in a pre-paradigmatic phase at some point, and then it will move on to the phase of normal Science. Once that has happened, "that scientific discipline will never return to the first phase" (Kuhn, 2012, p.133). So, pre-paradigmatic science only occurs once in a scientific discipline. However, the other three phases can repeat. From normal Science, we can move to a crisis phase or return to normal Science. From a scientific revolution phase, we always return to normal Science, which is the most common state. To understand Kuhn's theory, let us focus on "normal science" for now and skip the pre-paradigmatic phase. Kuhn's key insight is that scientists often accept established ideas without questioning them. In every scientific field, there are widely accepted concepts, methods, and instruments. For example, biologists universally believe in cells with DNA, microscopes, and modern chemistry. Historians commonly accept India's 1947 independence. Evidence contradicting these beliefs is usually seen as less reliable (Kuhn, 2012). Kuhn refers to all these unquestioned ideas, theories, and methods within a scientific discipline as a "paradigm" (Kuhn, 2012, p. 139).

Kuhn claims that an essential aspect of normal science is a well-established paradigm, which represents a set of shared beliefs that researchers in a discipline rely on for their work. During normal science,

Kuhn makes two key points about paradigms. First, he notes that scientists not only accept but also do not critically examine the paradigm because they believe it would be unproductive to do so. Imagine telling a historian that India might not have gained independence in 1947, or suggesting that Latin dictionaries are entirely wrong, and every Roman text means something entirely different from what we think. In this phase, scientists are generally uninterested in questioning the paradigm because having some fundamental beliefs is crucial for scientific progress. Kuhn argues that it is precisely because scientists take so much for granted that they can conduct detailed scientific work. If historians had to question all the basic facts of their discipline, they would struggle to make significant advancements (Kuhn, 2012, p. 139).

We can answer detailed questions about history or any other subject because we have a vast theoretical and methodological background that we take for granted. This allows us to focus our thoughts on specific questions. Now, let us address whether scientists are critical, as per Kuhn's perspective. According to Kuhn, scientists are not excessively critical of their paradigms – the accepted sets of ideas, methods, and concepts within their fields. They tend to accept these paradigms without much questioning, similar to how learners often accept certain facts without critical examination. Kuhn argues that this practical approach helps scientific progress. However, why do we still believe that science involves critical thinking? This belief relates to the other phases of science Kuhn outlines. As mentioned earlier, Kuhn identifies four phases: the pre-paradigmatic phase, normal science, crisis, and scientific revolution (Wray, 2021, p. 9). In our preceding discussion, we focused on normal science, where a well-established paradigm guides scientific activities, and scientists generally do not question it. Now, let us talk about the early stages of science. Imagine a time when there were no agreed-upon rules or ideas in science. Different scientists had their own ways of thinking. For example, historians could not decide how to write history, and physicists were not sure about the best ideas to explain the world. They did not share common concepts or methods. This made it hard for them to work together because they could not even talk about their work in the same way. Instead of helping each other, they often argued about whose ideas were better. This early stage of science did not look like what we think of as science today. It was more like a bunch of individuals doing their own thing. And because they could not agree, progress was slow, and they could not build on each other's discoveries.

In other words, when one set of theories and methods becomes dominant, often due to impressive results or socio-political factors, a paradigm emerges in a pre-paradigmatic discipline, transitioning into Normal Science. Scientists unite behind these dominant ideas, working within the established paradigm without much criticism, allowing them to collaborate on specific problems. It is one of the main challenges in our idea of a purely scientific culture. However, the good thing is that paradigms are not permanent, and Kuhn introduces the concept of

anomalies –issues within the paradigm that are hard to solve and do not align with its basic theories. Popper and Kuhn diverge here, with Popper seeing anomalies as falsifications requiring rejection, while Kuhn views them as challenges that can be resolved over time. Kuhn suggests that every scientific discipline always has anomalies, which scientists assume they will address in the future. Kuhn says that “anomalies” are not a problem for a scientific paradigm as long as scientists remain confident that they will be resolved in time. However, scientists may lose confidence in their paradigm when the number of anomalies increases, and their efforts to resolve these anomalies within the existing paradigm yield little success. In such cases, scientists begin to question whether it is possible to address these anomalies using the current paradigm, leading to doubts about its effectiveness (Kuhn, 2012). In addition, when that happens, we have reached the “phase of crisis” (Kuhn, 2012, p. 93). A crisis in standard science occurs when scientists doubt their existing paradigm. In such times, they question if the current paradigm can solve their puzzles. This sparks increased critical thinking and consideration of innovative ideas, new theories, methods, and concepts. The longer a crisis lasts, the more critical scientists become. Crises can be resolved in two ways: by solving anomalies within the current paradigm and returning to normal science, or by the emergence of a new paradigm with fresh theories, concepts, and methods to address major anomalies. If the scientific community embraces this new paradigm and abandons the old one, it leads to a scientific revolution, “often referred to as a paradigm shift” (Wray, 2021, p.125). In short, Kuhn’s disposition is that while scientific revolutions are notable episodes in the history of science, they are exceptions rather than the rule. Normal science, where scientists work within a stable paradigm, constitutes the majority of scientific work, focusing on solving puzzles without overly questioning the existing paradigm.

5. Conclusion and an Integrated Way to pure Scientific Culture:

After differentiating between inductive and deductive reasoning in scientific practices, exploring the influence of background theories, and engaging in a comprehensive discourse involving Karl Popper and Thomas Kuhn's perspectives on proper scientific practices, we are confronted with an enduring and normative inquiry: What is the right way to conduct science? How can we progress towards “a purely scientific culture” and cultivate a genuine “scientific temperament”? Should we endorse the ideas of Karl Popper, Thomas Kuhn, or perhaps find value in both perspectives? Should we practice only deduction or induction or both approaches? When addressing these enduring questions, it is essential to foster scientific progress by posing pertinent inquiries while avoiding unwarranted hindrances and undue skepticism. This approach enables us to navigate scientific advancements efficiently, avoiding unnecessary obstacles and rigid dogmas that might impede our quest for knowledge. But how can we achieve this delicate balance? Considering

the debate between the two, we can suggest that we blend the ideas of both Karl Popper and Thomas Kuhn with some adjustments. Our exploration of Karl Popper and Thomas Kuhn's perspectives on the philosophy of science underscores the value of a synthetic approach to scientific culture. Popper's focus on falsifiability and critical inquiry complements Kuhn's insights into scientific communities and paradigm shifts. A purely scientific culture should embrace both critical scrutiny and shared frameworks, recognizing that they are essential for advancing knowledge. This synthesis encourages a culture that values critical thinking and collaborative exploration, fostering scientific growth and deeper human understanding. This approach entails navigating a balance between faith and reason, deduction and induction, skepticism, and realism, and examining the roles these concepts play in scientific practice. Karl Popper and Thomas Kuhn can assist us in examining the assumptions made in science, helping us understand if scientists rely on non-scientific sources of knowledge about the natural world and to what degree we can have confidence in these sources. Indeed, just as we have synthesized the perspectives of Karl Popper and Thomas Kuhn, recognizing the value of both, we emphasize the need for the consolidation of deduction and induction in science. Both deduction and induction play crucial roles in scientific inquiry, with deduction facilitating logical consistency and hypothesis testing, while induction allows for the generation of new ideas and discoveries from specific observations. In the pursuit of scientific knowledge, it is essential to harness the strengths of both approaches, ensuring a comprehensive and robust scientific methodology. In science, both deduction and induction work together to help researchers refine existing knowledge and explore new frontiers in understanding the natural world.

Karl Popper and Thomas Kuhn have sharply explored the boundaries of belief within the contexts of falsification (in Popper's terms) and scientific paradigm shifts (in Kuhn's terms). Both scholars provide compelling insights that prompt us to consider whether scientists, in their quest to understand the nature of reality, rely on faith and how much skepticism is beneficial in the pursuit of scientific knowledge. Subsequently, it unveils alternative perspectives on progressing toward a purely scientific culture. However, it requires critical thinking, which is at the core of both philosophy and science. This approach enables us to recognize the role of conviction in shaping knowledge claims, whether through belief, assumption, or suspended disbelief. It also clarifies how reason and experimentation lead us from premises to conclusions using argument and logic. Through our composition, we also attempted to demonstrate that while science is an invaluable tool for comprehending the nature of reality because it provides ample room for critical thinking and a wide range of perspectives, the extravagant assertions of scientism seem unsustainable. In line with this perspective, Karl Popper and Thomas Kuhn supposedly advocate that modern science should embrace philosophy to enhance its reliability and success. Their philosophy serves as a counterpoint to those who argue that only certain

methods of science provide world knowledge that turns into Scientism. Furthermore, it is crucial to emphasize that philosophy is not in opposition to science but rather to scientism. In our critique, we have endeavored to examine the concept of scientism and scrutinize whether the exclusive methods of science, such as induction or deduction, truly represent the sole avenues for acquiring knowledge about the natural world and human existence. While there is a prevailing claim that scientists only accept propositions supported by evidence, we must cast doubt on the validity of such assertions, as they are what can potentially transform science into scientism. Implicitly, we have illustrated that scientism inherently makes a self-refuting claim, as it cannot be derived from the pure scientific method, leading it into a circularity trap. Analogous to the failed assertions of logical positivism, which held that only propositions categorized as either analytic or synthetic could be deemed true, scientism also falls short of meeting its own criteria. Hence, the aspiration for the development of a purely scientific culture remains an ongoing objective. Our closing remarks emphasize that a truly scientific culture does not adhere to any rigid or dogmatic belief system but thrives in the perpetual pursuit of truth, as elucidated by the insights of Karl Popper and Thomas Kuhn. The holistic concept of culture involves cultivation rather than a rigid journey from one fixed point to another. Through our composition, we have aimed to illustrate that this perspective is applicable to the concept of scientific culture as well.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Acknowledgments

First and foremost, I extend my gratitude to the anonymous referee and Deputy Editor Svetlana Shibarshina for their invaluable support and guidance in bringing this work to its current state. Moreover, I am profoundly thankful to Professor Arvind Kumar Rai, my exceptional teacher from the Department of Philosophy and Religion at Banaras Hindu University, Varanasi. His guidance during and after my master's has revealed the wondrous world of Science, a treasured gift to humanity, perpetually fueling my curiosity.

References / Список литературы

Bird, 2006 – Bird, A. (2006). *Philosophy Of Science*. United Kingdom: Taylor & Francis.

Cavailles, 2021 – Cavailles, J. (2021). *On Logic and the Theory of Science*. United Kingdom: MIT Press.

Charlesworth, 1982 – Charlesworth, M. J. (1982). *Science, Non-science & Pseudo-science: Bacon, Popper, Lakatos, Kuhn and Feyerabend on Defining Science*. Australia: Deakin University Press.

Copi, McMahon, Cohen, 2016 – Copi, I. M., McMahon, K., Cohen, C. (2016). *Introduction to Logic*. United Kingdom: Taylor & Francis.

Gijsbers, 2009 – Gijsbers, V. (2009). Depth: An Account of Scientific Explanation, *International Studies in the Philosophy of Science*, 23 (2), 225-228, doi: 10.1080/02698590903007212

Husserl, 2019 – Husserl, E. (2019). *Logic and General Theory of Science*. Germany: Springer International Publishing.

Kaplan, 2017 – Kaplan, A. (2017). *The Conduct of Inquiry: Methodology for Behavioural Science*. United Kingdom: Taylor & Francis.

Kuhn, 2012 – Kuhn, T. S. (2012). *The Structure of Scientific Revolutions*. United Kingdom: University of Chicago Press.

Lear, 1988 – Lear, J. (1988). *Aristotle: The Desire to Understand*. United States: Cambridge University Press.

Malpass, Antonutti, 2017 – Malpass, A., Antonutti, M. (2017). *The History of Philosophical and Formal Logic: From Aristotle to Tarski*. United Kingdom: Bloomsbury Publishing.

McKinnon, 2019 – McKinnon, A. (2019). *Falsification and Belief*. Germany: De Gruyter.

Moore, 1910 – Moore, A. W. (1910). *Pragmatism and Its Critics*. United States: University of Chicago Press.

Morganti, 2013 – Morganti, M. (2013). *Combining Science and Metaphysics: Contemporary Physics, Conceptual Revision and Common Sense*. United Kingdom: Palgrave Macmillan.

Popper, 2005 – Popper, K. (2005). *The Logic of Scientific Discovery*. (n.p.): Taylor & Francis.

Popper, 2002 – Popper, K. R. (2002). *Conjectures and refutations*. United Kingdom: Routledge.

Regt, 2017 – Regt, H. W. d. (2017). *Understanding Scientific Understanding*. United Kingdom: Oxford University Press.

Sarukkai, 2012 – Sarukkai, S. (2012). *What is Science?* India: National Book Trust, India.

Stenmark, 2020 – Stenmark, M. (2020). *Scientism: Science, Ethics and Religion*. United Kingdom: Taylor & Francis.

Thomson, 1939 – Thomson, J. A. (1939). *Introduction to Science*. United Kingdom: Thomson Butterworth.

Van Melsen, 2022 – Van Melsen, A. G. (2022). *The Philosophy of Nature*. Germany: Verlag Editiones Scholasticae.

Whewell, 1847 – Whewell, W. (1847). *The Philosophy of the Inductive Sciences: Founded Upon Their History*. Kiribati: J. W. Parker.

Wray, 2021 – Wray, B. (2021). *Interpreting Kuhn: Critical Essays*. United Kingdom: Cambridge University Press.

Xenophon, 2023 – Xenophon. (2023). *Memories of Socrates: Memorabilia and Apology*. United Kingdom: Oxford University Press.

УДК 111.1

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-57-69

ЦИФРОВАЯ ОНТОЛОГИЯ: ПОИСК НОВЫХ СМЫСЛОВ

Асташова Надежда Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23; e-mail: nadya.astashova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9338-7763

Статья посвящена анализу онтологических категорий, опосредованных экономической жизнью. Перед исследователем встаёт задача уточнения координат бытия, таких как пространство и время, в современных условиях. Метод критического анализа направлен на переосмысление сложившихся в науке представлений о том, что для человека постиндустриальной эпохи характерна потеря внутренней свободы из-за доминирования принципов экономической системы в его жизни. В ходе исследования рассматриваются условия формирования современных представлений о пространстве и времени в контексте развития классической и цифровой экономик. Осмысление общей философской проблематики развития экономически обусловленной онтологии приводит автора к выводам о том, что, с одной стороны, эквивалентность деньгам категорий пространства и времени привела к разрушению целостного понимания жизни человека, который в своём самовыражении скован представлениями о производительной силе времени и пространства. С другой стороны, с переходом социальной активности в цифровую, виртуальную реальность созданная экономическими критериями система отношений перестаёт походить на себя, утрачивая прежние значения и смыслы. На базе цифровой экономики формируется бытие, представленное игровым пространством и временем, стирающими границы между физическим и интеллектуальным трудом. Реальность, образованная цифровыми технологиями, становится выражением множества изменчивых образов, лишённых порядка и геометрии, гораздо больше напоминает «гетероклитный хаос», в котором онтологические категории утрачивают свою определённость. «Жидкая» экономическая система становится условием рождения новой, иной реальности. Упорядоченность, предсказуемость экономической онтологии, из которой, казалось, невозможно вырваться, разрушается с появлением отношений цифровой реальности, обнаруживается трансгрессия, обнажающая небывшее, ни из чего не выводимое.

Ключевые слова: экономика, бытие, пространство, время, цифровизация, виртуальная реальность, трансгрессия

Цитирование: Асташова Н.Д. Цифровая онтология: поиск новых смыслов // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 3. С. 57-69.

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-57-69

Рукопись получена: 2 сентября 2023

Пересмотрена: 5 октября 2023

Принята: 9 октября 2023

DIGITAL ONTOLOGY: THE SEARCH FOR NEW MEANINGS

Nadezhda D. Astashova – PhD in Philosophy, Associate Professor. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 23 Gagarin Avenue, 603000 Nizhny Novgorod, Russian Federation; e-mail: nadya.astashova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9338-7763

The article suggests the analysis of ontological categories mediated by economic life. The researcher faces the task of clarifying the coordinates of existence, such as space and time, in modern conditions. The method of critical analysis focuses on rethinking the ideas, which have emerged in science, that a person of the post-industrial era is characterized by the loss of inner freedom as a result of the dominance of the principles of the economic system in his or her life. The study examines the conditions in which modern ideas about space and time have evolved in the context of the development of classical and digital economies. Comprehension of the general philosophical problems of the development of economically conditioned ontology leads the author to the following conclusions. On the one hand, the equivalence of the categories of space and time to money has led to the destruction of a holistic understanding of human life, which in its self-expression is constrained by ideas about the productive power of time and space. On the other hand, with the transition of social activity into digital, virtual reality, the system of relations created by economic criteria ceases to resemble itself, losing its former meanings and implications. Proceeding from the digital economy, being unfolds, represented by the game space and time, blurring the boundaries between physical and intellectual labor. The reality formed by digital technologies becomes an expression of a multitude of changeable images devoid of order and geometry, much more like a “heteroclitic chaos” in which ontological categories lose their certainty. The “liquid” economic system becomes a condition for the birth of a new, different reality. The orderliness and predictability of the economic ontology, from which it seemed impossible to escape, is destroyed with the advent of digital reality relations; a transgression is revealed, exposing the non-existent, which cannot be deduced from anything.

Keywords: economy, being, space, time, digitalization, virtual reality, transgression

Received: 2 September 2023

Revised: 5 October 2023

Accepted: 9 October 2023

How to cite: Astashova, N.D. (2023). Digital ontology: the search for new meanings, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (3): 57-69. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-57-69 (In Russian).

Сегодня наш мир находится на пороге больших цивилизационных трансформаций. Человечество замерло в предвкушении Нового или даже Иного. Что нам ждать? Какие координаты будут определять новую реальность? Где искать новые смыслы?

В попытках разобраться с данной проблемой обратимся к известной работе З. Баумана «Текущая современность», где он определяет состояние постмодерна терминами изменчивости и непостоянства. Этому предшествует «полное разжижение» традиции и истории прежнего общества, того, что осталось от прошлого в настоящем (Бауман, 2008, с. 9). Такая «плавка» привела к освобождению экономики от всех политических, этических и культурных оснований, сдерживавших её развитие в качестве мировоззренческой системы. Установившийся порядок определяется исключительно в экономических терминах. Он «более твёрдый», так как защищён от неэкономических проблем. Действительно, каждая историческая эпоха формирует собственную онтологию, которая меняется вместе с развитием общества. Последнее столетие мировой истории связано с глобальным доминированием капиталистической системы. Мы можем говорить о восприятии реальности сквозь призму её специфики, в которой смысл существования человека раскрывается через его участие в рыночных отношениях, поэтому логично, что в качестве основных координат бытия выделяются «экономическое время» и «экономическое пространство».

Экономическое пространство и время

Анализ социальной реальности XX в. наглядно демонстрирует доминирование капиталистических ценностей, которое приводит к пониманию времени как циклов экономического производства и потребления. Оно больше не отражает природные, жизненные ритмы, а подразумевает нечто необходимое для достижения полезного эффекта. Будучи ранжированным, посчитанным и оценённым, время становится товаром, подчиняющимся всем законам рынка и обмениваемым на деньги. Таким образом, «рассредоточенное время собирается воедино, для того чтобы произвести выгоду, тем самым овладевая ускользающей длительностью» (Фуко, 1999, с. 104). Благодаря капитализации сферы услуг и развлечений личное время также встраивается в систему таких же времён, образующих единую систему извлечения максимальной прибыли и выгоды. Ж. Бодрийяр фиксирует некую данность, согласно которой лозунг «время – деньги», провозглашённый капитализмом, становится императивом, которому должен подчиняться человек в системе отношений с миром (Бодрийяр, 2006, с. 198).

В эпоху постмодерна пространственные определения также выстраиваются вокруг идеи экономической эффективности. Пространство уже не ландшафт и не пейзаж; цех, офис, вагон метро, торговый центр – локации, определённые экономическими циклами, жёсткими локальными прибытия и отбытия работников. Темпы развития капитализма диктуют сверхскорости передвижения в пространстве: самолёты, поезда, автомобили максимально быстро доставляют работника из пункта А в пункт Б и с наименьшими потерями ценного времени. Непрерывность, связанность пространства исчезает из восприятия окружающего мира. Бесконечная правильная геометрия структур создаёт максимальную полезность использования квадратных площадей, соединённых прямыми линиями и обозначенных точками на многочисленных схемах. Каждый метр должен приносить прибыль, ни в чём не может быть беспорядка или экспрессии. Расчленённое пространство – инструмент капитализации времени, наподобие слаженно работающего механизма: каждое положение индивида в нём обусловлено не просто видом деятельности, которым он должен заниматься, а статусом и функцией, ограничивающими его перемещение (Фуко, 1999, с. 127). Так принуждение человека к экономической активности приводит к формированию пространств тотального контроля и несвободы (Делёз, 2004, web). Человек сталкивается с тем, что его жизнь состоит из сегментов: временных промежутков и пространственных длительностей, где каждый элемент определён согласно его иерархии и значимости. Тем не менее такая всеобщая упорядоченность пространства отражает скорее озабоченность процессом контроля деятельности индивида, чем её результатом.

В современных условиях мы можем констатировать, что сегментация пространства и времени привела к разрушению целостного понимания жизни человека, который скован представлениями об экономической онтологии, его одолевает страх растерять монетизированное время и калькулируемое пространство. Человек постиндустриальной эпохи постоянно испытывает стресс от невозможности соответствовать требуемому ритму. Место целостной личности занимает невротик, не способный избавиться от агрессивной среды, наполненной экономическими регламентами, для которого «успеть сделать вовремя» превращается в жёсткий императив, не позволяющий осознавать и ощущать жизнь во всём её многообразии. В тщетных попытках выразить себя в этом мире он всё больше и больше утрачивает внутреннюю свободу, подчиняясь власти экономики. Индивид становится одержимым «мёртвым бытием» (Бердяев, 2004) и его порождениями в виде рыночных отношений и технологий, подменяющих духовное развитие.

Однако современное представление о «всеобщей диктаторской силе» экономической системы поколебали кризисы 2008, 2014, 2020, 2022 гг., заставившие иначе взглянуть на экономически опосредованную онтологию. Мы можем наблюдать, как в силу различных негативных явлений в жизни общества появляется гло-

бальная тенденция разбалансировки функционирования системы, отражающая её деструктивный, паразитирующий характер по отношению к бытию человека. Хотя изначально не было никаких доказательств незыблемости индустриально-капиталистического порядка, тем не менее вера в экономическую парадигму всё ещё достаточно сильна, чтобы говорить о резком скачке в новую систему значений.

Цифровая онтология

С переходом социальной активности в Интернет мы также наблюдаем «разжижение» (З. Бауман) самой постиндустриальной картины мира. Цифровые технологии трансляции информации трансформируют матрицу социальных процессов, переводя её в область нематериального и символического. Созданная экономическими критериями система перестаёт походить сама на себя, утрачивая прежние значения и смыслы. Мы обнаруживаем реальность, в которой «формы рациональности, которые перестали соответствовать новым историческим условиям, подвергаются отрицанию, то есть преодолеваются продолжающимся развитием» (Ойзерман, 1977, с. 85-86). Главным продуктом рыночных отношений становится ментальное, психическое измерение информации, что выглядит необычно с позиций классических экономических теорий. «Новую» социальную реальность определяет «символическое производство», «экономика впечатлений и эмоций», «поведенческая экономика», «индустрия сознания» (Асташова, 2021). Таким образом, в современном обществе возникает запрос на технологии, генерирующие впечатления и симулирующие общение, где объектом потребления становятся человеческие эмоции. При таком раскладе человеческий труд перестаёт быть условием производства благ, его заменяют программы. Для сотрудника определяющим становится умение эффективно работать с информацией; как следствие, интеллектуальная деятельность начинает доминировать над физической активностью. Как ни печально, но технологии искусственного интеллекта постепенно вытесняют человека и из сферы экономики, так как гораздо лучше справляются со сбором, генерацией и обработкой информации, совершают меньше ошибок, более точны. Объём затрачиваемого на работу времени тоже сокращается. В связи с этим меняется экзистенциальная значимость труда, который становится необязательной частью жизни человека, а основные задачи выполняют самообучающиеся программы.

Цифровизация экономики не просто трансформирует характер и форму производственных отношений (Lasi et al., 2014), но и саму концепцию деятельности человека. В связи с этим укореняются временные и непостоянные формы труда, индивид делает выбор в пользу свободной занятости, которую сочетает с многоплановостью своей деятельности: налаживанием коммуникации, самообучением, творчеством, путешествиями, которые реализуются одно-

временно с работой, приносящей заработок. Новые производственные отношения «экономики эмоций» и «индустрии сознания» предполагают, что сотрудник привносит в свою деятельность весь свой культурный багаж и жизненный опыт (Горц, 2010), труд перестает быть рутинным и монотонным. Возникает концепция труда, где «работа – это театр, а бизнес – сцена» (Пайн, Гилмор, 2005). В реальностях цифровой экономики стираются границы между физическим и интеллектуальным трудом (Асташова, 2022).

Одновременно появляются и новые формы отчуждения, при которых результаты деятельности, основанной не на материальном компоненте, неочевидны и неопределённые. В связи с этим возникает парадоксальная ситуация: чем активнее цифровая экономика обращается к творческим способностям человека, чем больше вовлечённости в процесс производства требуется от сотрудника, тем сильнее он хочет отказаться от подобного рода «творчества», тем активнее стремится проявить себя за пределами официальной работы, отвлечься, начать делать что-то бесполезное и бессмысленное (Григорова, 2012). Подобного рода интенции формируют онтологию, представленную игровым пространством и временем. Возможность работать удалённо, появившаяся благодаря использованию современных гаджетов и программ, больше напоминает игру, в которой присутствует не только доля расслабленности и свободы перемещений, но и размытость понимания рабочего и личного времени, часов работы и отдыха, дня и ночи, праздников и будней. А попытки самоутверждения в «разжиженной» цифровой реальности перерастают в беспрестанное изобретение новых правил игры.

Игровое время – это время досуга, время переключения в другое измерение, отличное от реальности, где доминируют экономическая эффективность, просчитываемость, контроль и предсказуемость. Поскольку игровое время не призывает к труду и ответственности, оно занимает привилегированное положение в сознании обывателя, погружая его в мир детства. Мы видим, что спрос на игровое время превышает спрос на все остальные блага вместе взятые, так как оно ассоциируется с представлениями о полной свободе, почти как у ребёнка. Это не удивительно, так как анонимность в Интернете скрывает истинный облик человека, его социальный статус, образование, внешний вид – более того, участники оцифрованной игровой реальности могут примерить на себя любой фантастический образ, постулируя мифическую ценность равенства в виртуальной реальности. Индивид больше не ограничен структурами, которые могли бы диктовать ему стиль поведения. Любой желающий может подключиться к цифровой реальности в любой момент и выражать себя там бесконечно. Игровое время не измеряется и никому не принадлежит. Оно не может быть представлено в качестве хронометрического капитала дней, часов, недель; это – «инвестирование» на основе индивидуального желания. Цифровая реальность предлагает потерять или даже «убить»

время. Игровое время увлекает человека в сферу бессознательного, иррациональных фантазий и желаний.

Время, проведённое в Интернете – это время симулякров, игры в знаки без обозначения, «информацию об информации», которые не подчиняются законам предметной реальности и никак не связаны с ней. Обычно игровое время цифровой реальности протекает параллельно времени какой-то другой деятельности (поездки, отдыха и т. п.). Время просмотра красочного контента Сети или время компьютерной игры в целом может быть охарактеризовано как регрессивная активность, во время которой ничего не происходит, так как оно не связано с созидательной активностью, никак не отражается на качестве или условиях жизни – его могло бы и не быть. У игрового времени нет эквивалента, его сложно охарактеризовать (в отличие от экономического времени), в этом смысле его как бы и не существует, оно – пустое измерение. Безграничное потребление образов и символов ощущается как один миг или вообще как «безвремя».

Цифровизация трансформирует также и наши представления о пространстве. Относительное *цифровое пространство* становится прежде всего местом информационного выбора, игрой, моделирующей искусственную реальность внутри подлинной действительности. Цифровое пространство конструируется по «проекту заказчика», оно основано на игре его бессознательных кодов и может быть представлено в качестве гетеротопии реальности, под которой можно понимать организованный из «фрагментов многочисленных возможных порядков в лишённой закона и геометрии области гетероклитный хаос» (Фуко, 2006, с. 40). Если утопия – это область чистой фантазии, то гетерокопия – нечто реально существующее (например, цифровое пространство), характеризующееся особыми отношениями пространства и времени (в нашем случае «несуществующее» время и «мерцающее» символическое пространство). М. Фуко сравнивает гетерокопию с зеркалом, которое есть предмет, отражающий реальность, похожую на объективный мир, но им не являющуюся. Гетерокопия цифровой реальности состоит из визуальных образов, симулякров, игра которых полностью «растворяет», «разжижает» время. Всё это меняет восприятие действительности, которая становится мерцанием множества изменчивых образов, возникающих в цифровом пространстве. Преодолевая телесную ограниченность, она помещает человека в совершенно иную систему координат, построенную на игре символов и утратившую определённую.

Мы можем с уверенностью утверждать, что для индивида, погружённого в виртуальный мир цифровых технологий, онтологические категории – это что-то непонятное и неочевидное. Возникающее там «игровое» время и пространство сложно (а точнее, совсем невозможно) обозначить через классические характеристики, такие как мера длительности или протяжённости, последовательная смена состояний, явление объектов и т. п. Согласно клас-

сической философии, пространство и время – структуры, упорядочивающие наши представления о мире; однако применительно к цифровой эпохе мы этого сказать не можем. Разрушается понятное бытие, а деятельность человека в определённом смысле становится «жестом, который обращён на предел», за которым «ничего нет» (Фуко, 1994, с. 118). Так возникает мысль о том, что отношения, возникающие в «жидкой», «призрачной» цифровой экономике определяются иной реальностью.

Трансгрессия цифровой реальности

Вступая в полемику с многочисленными трактовками «текущей современности» З. Баумана, важно понимать, что «жидкая» экономика не означает «жидкое» бытие, так же как и то, что последние 150 лет мы смотрим на мир сквозь лупу экономических ценностей и целей, но экономический взгляд на реальность выхватывает лишь фрагмент бытия, не представляя собой законченной целостности. Виртуализация экономической активности человека привела к появлению таких феноменов, как экономика эмоций, индустрия сознания, дистанционная работа и т. п., которые разрушают восприятие жизни на основе ценностей, установленных экономической системой, выводя человека к черте трансгрессии.

В работах Ж. Батая и М. Фуко, Ж. Дерриды, Р. Барта трансгрессия – это выход за пределы бытия, преодоление некой грани, шаг на пути к реализации невозможного. В акте трансгрессии человек отрывается от своей заботы о бытии, которое его тяготит, он сосредоточен на недоступном, запредельном. Ж. Батай указывает на то, что через акт трансгрессии происходит удвоение реальности, в которой появляется инобытие; суть трансгрессии – открыть «доступ по ту сторону границы. Трансгрессия нарушает, но не разрушает профанный мир, являясь его дополнением» (Батай, 2006, с. 536). Трансгрессия предполагает не просто свободу от пределов бытия, но и преодоление, трансформацию бытия как оно есть.

Обнаружив своё бытие как цифровое, мы оказываемся в одном шаге от того, чтобы сделать шаг в Иное. И чтобы не отдавать наше «живое, естественное, предметное, собственно человеческое бытие на милость “того света”, виртуальной и т. п. реальности» (Кутырёв, 2015, с. 28), остаться в пределах гуманистического понимания, мы вынуждены занять активную позицию по отношению к собственной жизни. При этом на пороге трансгрессии возникает вопрос о свободе воли человека в качестве творца своей реальности. Наиболее внятную трактовку данной проблемы мы находим в философии Н.А. Бердяева, согласно которой мир находится в процессе постоянного творения, поэтому бытие не есть нечто данное (то, что надо обнаружить), человек, обладая духовной, творческой свободой, должен, познавая изначально сотворённую Богом реальность, вносить собственную лепту в «миротворение». Н.А. Бердяев, вступая в полемику с М. Хайдеггером, утверждает, что творче-

ский акт не порождён страхом смерти, а через культуру призван одержать верх над человеческой конечностью, устремлён к вечности (Бердяев, 1993, с. 123) и имеет космический, общечеловеческий характер. Творчество направлено на преобразование как бытия, так и самого человека, а также предполагает создание новых, иных форм реальности. Первоначально творческий акт носит индивидуальный характер, однако в процессе творения происходит обращение к трансцендентной реальности, человек как творец выходит за пределы себя, отрекается от личности. В силу того, что творчество не имеет законов и границ, оно подчиняется лишь «этике бесконечного», для которой мир пластичен. Кошмар упорядоченности экономического бытия, из которого, казалось, невозможно вырваться, разрушается обращением к Иному, в котором обнаруживается «тайна явления нового, небывшего, ни из чего не выводимого, ни из чего не вытекающего, ни из чего не рождающего» (Бердяев, 1993, с. 117), как творческий акт в отношении реальности. Выходя на границу трансгрессии, наше сознание сталкивается с острой необходимостью новых координат, соответствующих новому образу мышления.

Главной характеристикой человека, погружённого в цифровую реальность, многие исследователи считают «мозаичное», «клиповое» мышление (Моль, 2008, с. 44-45), впервые описанное в конце прошлого века. Монтирование кадров виртуальной реальности: хаотичный просмотр картинок, мельтешение сайтов, новостей, обрывочные куски теста, несвязанные контекстом – формирует мышление, для которого главное не новое знание или анализ, а получение новой информации. Для мозаичного мышления характерен обмен знаками, но не смыслами, отрывочный, упрощённый язык, а представления о мире складываются стихийно, не образуя чётких структур. Во всяком случае, потребление информации, символичность взаимодействия, трансперсональность, бриколажность, гипертекстуальность дают возможность оценивать мозаичное мышление в качестве выражения более глубоких интенций имеющегося в наличии сознания. Внедрение в повседневную жизнь цифровых технологий позволило индивиду, наконец, освободиться от контроля экономического времени-пространства и начать конструировать бытие в соответствии с собственным восприятием реальности. В качестве иллюстрации этого утверждения можно обратиться к «кинематографической» модели сознания Д. Деннета, которая описывает реальность как поток плотно упакованных неделимых моментов, ощущаемых как «теперь», по аналогии раскадровки в кинематографе. Любое изменение или движение связано со сменой кадров: если они меняются, значит что-то происходит. Д. Деннет настаивает на том, что сознание дискретно, а единство восприятия – лишь иллюзия, основанная на визуализации «кадра» (Dennett, 1991. p. 356). По сути, наше сознание фиксирует в памяти лишь картинку, которую мы видим. Из этого следует, что, так как мы ничего не воспринимаем, кроме визуального образа, реально

для нас существует только пространство, а время можно отнести к ментальным категориям, формам некоего «додумывания» реальности. К схожим выводам приходит и создатель «концепции динамических кадров» (*dynamic snapshot theory*) С. Проссер, который предположил, что мозг воспринимает изменения без обращения к темпоральности (Prosser, 2017, pp. 146-156). Согласно этому подходу, определяющим в восприятии окружающей действительности является зрительная аналогия, получаемая непосредственно от окружающего пространства, именно визуальность пространства становится носителем смысла. В работах А.М. Бекарева мы также находим обращение к категории пространства в качестве главного источника смысла. Он предложил разделить современность на «пространство живых» и «пространство мёртвых» (Бекарев, 1992). «Пространство живых», как выражение коллективного творчества, формирует новую реальность; в противоположность ему «пространство мёртвых» связано регламентирующей процессами традицией. «Пространство мёртвых» существует в прошлом, оно темпорально и ограничено. «Пространство живых», наоборот, не имеет чётких границ, оно всё время изменяется. Таким образом, констатируя трансгрессию бытия, возникающую в результате цифровизации, мы можем предполагать, что новая реальность появится на основе свойства пространства фиксировать смыслы в визуальной форме.

Выводы

С переходом к цифровой экономике и утратой привычных экономических категорий бытия, подменивших духовное развитие потреблением и производством материальных благ, наиболее важным представляется осознание ситуации трансгрессии, подводящей человека к новой, иной реальности. Новые формы отчуждения, как результат доминирования старых капиталистических отношений в цифровой реальности, приводят к ещё большему разрушению целостного понимания бытия, утрате его целостности, выражаемой через гуманистическое начало. Имея искажённое понимание своих целей и ценностей, человек начала XXI в. по-прежнему одержим «мёртвым» бытием, сформированным экономическими пространством и временем. В попытках выразить себя в этом мире человек постиндустриальной эпохи всё больше и больше утрачивает внутреннюю свободу, он вынужден подчиняться власти технических и экономических систем. Однако с переходом к цифровой экономике наблюдаются процессы «разжижения» бытия, образованного экономическим пространством и временем. Привычная онтология утрачивает прежние значения и смыслы. Преодолевая телесную ограниченность, цифровая реальность помещает человека в неопределяемую систему координат, построенную на игре знаков и символов. Внутренний взгляд человека цифровой эпохи обращается к некому пределу невозможного, к черте

трансгрессии – разрушению упорядоченности и контроля жизни человека, установленного экономической системой капитализма. В такой ситуации человек просто вынужден включиться в творческое созидание собственного бытия, чтобы не раствориться в технореальности.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Асташова, 2021 – *Асташова Н.Д.* «Неэкономические» модели цифровой экономики // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 72-79.

Асташова, 2022 – *Асташова Н.Д.* Научный прекариат: индивидуализм против коллективизма // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 30-37.

Батай, 2006 – *Батай Ж.* Эротика // «Проклятая часть»: Сакральная социология / Пер. с фр. М.: Ладомир, 2006. С. 491-706.

Бауман, 2008 – *Бауман З.* Текущая современность / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 238 с.

Бекарев, 1992 – *Бекарев А.М.* Свобода человека в социальном пространстве. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1992. 172 с.

Бердяев, 1993 – *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993. 382 с.

Бердяев, 2004 – *Бердяев Н.А.* Философия свободы. М.: АСТ, 2004. 333 с.

Бодрийяр, 2006 – *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр. Е.А. Самарская. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.

Горц, 2010 – *Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / Пер. с нем. и фр. М.М. Сокольская. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 208 с.

Григорова, 2012 – *Григорова Я.* Новые формы отчуждения творческого труда в постиндустриальном обществе // Альтернативы. 2012. №1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/alternativy-1-2012/13993-novyye-formy-otchuzhdeniya-tvorcheskogo-truda-v-postindustrialnom-obschestve.html> (дата обращения: 20.08.2022).

Делёз, 2004, web – *Делёз Ж.* Post scriptum к обществам контроля // Ж. Делёз. Переговоры / Пер. с фр. В.Ю. Быстров. СПб.: Наука, 2004. С. 226-233. URL: <http://www.aitrus.info/node/754> (дата обращения: 06.03.23).

Кутырёв, 2015 – *Кутырёв В.А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.

Моль, 2008 – *Моль А.* Социодинамика культуры / Пер. с фр. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.

Ойзерман, 1977 – *Ойзерман Т.И.* Рациональное и иррациональное // Вопросы философии. 1977. № 2. С. 82-95.

Пайн, Гилмор, 2005 – *Пайн Б.Д., Гилмор Д.Х.* Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена / Пер. с англ. Н. Ливинская. М.: Вильямс, 2005. 304 с.

Фуко, 2006 – *Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. / Пер. с фр. М.: Праксис, 2006. С. 191-204.

Фуко, 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумов. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Фуко, 1994 – *Фуко М.* О трансгрессии // Танатография Эроса: Ж. Батай и французская мысль середины XX века / Пер. с фр. М.: Мифрил, 1994. С.111-132.

Dennett, 1991 – *Dennett D.* Consciousness Explained. Boston: Allen Lane: Harmondsworth, 1991. 511 p.

Lasi et al., 2014 – *Lasi H., Fettke P., Kemper H.-G., Feld T., Hoffmann M.* Industry 4.0 // Business & Information Systems Engineering. 2014. Vol. 6. No. 4. Pp. 239-242.

Prosser, 2017 – *Prosser S.* Rethinking the specious present // Routledge Handbook of Philosophy of Temporal Experience / Ed. I. Phillips. Oxford: Routledge, 2017. Pp. 146-156.

References

Astashova, N. D. (2021). Non-economic models of the digital economy. *Bulletin of Tomsk State University*, 470, 72-79. (In Russian)

Astashova, N. D. (2022). Scientific precariat: individualism versus collectivism. *Epistemology and Philosophy of Science*, 59 (3), 30-37. (In Russian)

Bataille, G. (2006). Erotica. In “*The Damn Part*”. *Sacred Sociology* / Transl. from Fr.. (pp. 491-706). Lodomir Publ. (In Russian)

Bauman, Z. (2008). *Liquid Modernity* / Transl. from Engl. Piter Publ. (In Russian)

Bekarev, A. M. (1992). *Human Freedom in the Social Space*. State University of Nizhny Novgorod Publ. (In Russian)

Berdyaev, N. A. (1993). *About the Appointment of a Person*. Respublika Publ. (In Russian)

Berdyaev, N. A. (2004). *Philosophy of Freedom*. AST Publ. (In Russian)

Baudrillard, J. (2006). *Consumer Society. Its Myths and Structures* / Transl. from Fr. Respublika Publ. (In Russian)

Deleuze, G. (2004). Post Scriptum to Control Societies. In: G. Deleuze. *Negotiations* / Transl. from Fr. (pp. 226-233). Nauka Publ. Retrieved March 6, 2023 from <http://www.aitrus.info/node/754> (In Russian)

Dennett, D. (1991). *Consciousness Explained* / Transl. from Engl. Allen Lane: Harmondsworth Publ.

Foucault, M. (1994). About transgression. In *Thanatography of Eros: J. Bataille and French Thought of the mid-twentieth Century* / Transl. from Fr. (pp.111-132). Mifril Publ. (In Russian)

Foucault, M. (2006). Other spaces. In *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 3* / Transl. from Fr. (pp. 191-204). Praksis Publ. (In Russian)

Foucault, M. (1999). *Supervise and Punish. The Birth of the Prison* / Transl. from Fr. Ad Marginem Publ. (In Russian)Gorz, A. (2010). *Intangible*.

Knowledge, Value and Capital / Transl. from Germ. And Fr. Publishing House of Higher School of Economics. (In Russian)

Grigorova, Ya. (2012). New forms of alienation of creative work in post-industrial society. *Alternatives*, 1. Retrieved August 20, 2022 from <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/alternativy-1-2012/13993-novye-formy-otchuzhdeniya-tvorcheskogo-truda-v-postindustrialnom-obschestve.html> (In Russian)

Kutyryov, V. A. (2015). *The Last Kiss. Man as a Tradition*. Aletejya Publ. (In Russian)

Lasi, H., Fettke, P., Kemper, H.-G., Feld, T., Hoffmann, M. (2014). Industry 4.0. *Business & Information Systems Engineering*, 6 (4), 239-242.

Moles, A. (2008). *Sociodynamics of Culture / Transl. from Fr.* LKI Publ. (In Russian)

Ojzerman, T. I. (1977). Rational and irrational. *Philosophy Issues*, 2, 82-95. (In Russian)

Pine, B. J., Gilmore, J. H. (2005). *The Economy of Impressions. Work Is a Theater, and Every Business Is a Stage / transl. from Engl.* Williams Publ. (In Russian)

Prosser, S. (2017). Rethinking the Specious Present. In I. Phillips (ed.). *Routledge Handbook of Philosophy of Temporal Experience*. Routledge Publ., 146-156.

УДК 001

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-70-82

ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ НАУКИ

Масланов Евгений Валерьевич — кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: evgenmas@rambler.ru

Статья посвящена специфике существования науки в рамках техногенной цивилизации. Особое внимание обращается на исторические трансформации, произошедшие с наукой в Новое время. Отмечается, что как в процессе зарождения и формирования современного научного знания, так и в рамках техногенной цивилизации наука стремится найти поддержку у других социальных акторов. В период своего зарождения наука ещё не обладает символическим капиталом, достаточным для поддержания собственных исследовательских практик. После утверждения собственной институциональной позиции научное сообщество в рамках дисциплинарной науки занимается творческим разрушением и пересозданием символического капитала. Это позволяет сообществу отстаивать свою автономию и говорить от лица единственно верной «науки», к которой непрофессионалы не имеют доступа. В техногенной цивилизации активное использование науки в экономической и общественной жизни приводит к формированию коалиций с различными агентами. Коалиции нужны для распространения собственных достижений в обществе. В результате формируется специфическая ситуация функционирования науки, которая может быть описана при помощи концепции постнормальной науки. Она предполагает принятие важных, базирующихся на научном знании решений в условиях высокой неопределённости в отношении исследуемых фактов. Всё это приводит к размыванию символического капитала науки в рамках этого нового состояния.

Ключевые слова: символический капитал, постнормальная наука, дисциплинарная наука, техногенная цивилизация, современность

Цитирование: Масланов Е.В. Техногенная цивилизация и символический капитал науки // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 3. С. 70-82. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-70-82

Рукопись получена: 1 октября 2023

Пересмотрена: 25 октября 2023

Принята: 27 октября 2023

TECHNOGENIC CIVILIZATION AND SYMBOLIC CAPITAL OF SCIENCE

Evgeniy V. Maslanov – PhD in Philosophy, Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation; e-mail: evgenmas@rambler.ru

The article is devoted to the specifics of the existence of science within the framework of technogenic civilization. Particular attention is paid to the historical transformations that have occurred in science in modern times. It is noted that both in the process of the emergence and formation of modern scientific knowledge, and within the framework of technogenic civilization, science seeks to find support from other social actors. During its infancy, science does not yet have sufficient symbolic capital to support its own research practices. After establishing its own institutional position, the scientific community within the framework of disciplinary science is engaged in creative destruction and re-creation of symbolic capital. This allows him to assert his autonomy and speak on behalf of the only true "science" to which lay people do not have access. In a technogenic civilization, the active use of science in economic and social life leads to the formation of coalitions with various agents. The coalitions are needed to disseminate their own achievements in society. As a result, a specific situation of the functioning of science is formed, which can be described using the concept of post-normal science. It involves making important decisions based on scientific knowledge in conditions of high uncertainty regarding the facts being studied. All this leads to the erosion of the symbolic capital of science within this new state.

Keywords: symbolic capital, post-normal science, disciplinary science, technogenic civilization, modernity

How to cite: Maslanov, E.V. (2023). Technogenic civilization and symbolic capital of science, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (3): 70-82. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-70-82 (In Russian).

Received: 1 October 2023

Revised: 25 October 2023

Accepted: 27 October 2023

Наука – один из важнейших элементов современного общества. Без её достижений сложно представить нашу повседневность. Она не только проникла в обыденную жизнь, но и является ключевым фактором общественного развития. Вызванное научными достижениями антропогенное воздействие влияет на нашу планету. Недаром современное общество можно охарактеризовать не только как общество риска или общество знания, но и как специфическую техногенную цивилизацию. В отличие от традиционного общества, сосредоточенного на поддержании существующего социального

порядка, этот цивилизационный тип нацелен на производство как технологических, так и социальных инноваций. Именно наука, выступая в современном обществе катализатором социальных и технологических изменений, чаще всего отвечает за их появление. При этом доверие к ней вызвано определённым символическим капиталом, накопленным ею в процессе своего существования. «Символический капитал, — отмечал П. Бурдьё, — состоит в обладании символическими ресурсами. ... Этот вид власти работает как кредит, он предполагает доверие или веру тех, на кого он воздействует, поскольку они предрасположены давать такой кредит» (Бурдьё, 2005, с. 139). Он является одной из форм социального капитала. В настоящее время, на наш взгляд, происходят трансформации в функционировании символического капитала науки.

Система современного высшего образования и академии в целом, ориентированная на исследования и внедрение полученных результатов в технологическую, экономическую и общественную жизнь, является одной из ключевых практик творческого разрушения символического капитала. Она предполагает не только передачу уже имеющегося знания, но и создание нового, которое может как развивать уже существующие идеи, так и противостоять им. Эта «разрушительная» деятельность поддерживает творческий дух научных исследований и даёт возможность не просто воспроизводить имеющиеся результаты, но и достигать новых вершин. Правда, она оказывается связанной с одним принципиальным ограничением. «Разрушать» могут только профессиональные учёные, которые уже доказали свою способность участвовать в научной деятельности. Другие же социальные группы заниматься этим не должны. Хотя в настоящее время наблюдается тренд на демократизацию знаний, и это приводит к тому, что всё больше людей может быть вовлечено в научные исследования. Тем не менее существуют различные точки зрения насчёт сущности подобной демократизации, которые начали формироваться ещё в начале XX в. и распространены до сих пор (Siemsen, 2009; Chilvers, Kearnes, 2020). Среди учёных достаточно сильны убеждения в том, что «обыватели» могут быть допущены до исследований лишь при выполнении как минимум одного из двух условий. Во-первых, они смогут доказать учёным, что достойны участвовать в научной деятельности как самостоятельные акторы, т. е. будут восприниматься ими как такие же учёные. Они могут подтвердить свою квалификацию различными способами: публиковаться в рецензируемых научных журналах как независимые исследователи, которые на данный момент не обладают аффилиацией, связанной с научно-исследовательскими или образовательными организациями; формировать исследовательские команды, которые вступают в конкуренцию с профессиональными исследователями; создавать высокотехнологичные компании, нацеленные на получение и использование новых технологических результатов и разработок. Во-вторых, «обыватели» могут участвовать в распределённых исследовательских проектах под

руководством профессиональных учёных. В этом случае они выполняют важные, но обычно вспомогательные функции. Правда, при реализации подобной стратегии вряд ли стоит говорить о том, что они смогут творчески участвовать в решении исследовательских задач.

Появление как минимум двух этих стратегий оказывается связанным с тем фактом, что в эпоху технонауки научное знание существует не только внутри научных институций. Исследователи взаимодействуют с большим числом заинтересованных в их работах акторов. Всё чаще наука становится нацеленной не только и не столько на поиск ответов на фундаментальные вопросы, сколько на решение вполне конкретных прикладных задач и удовлетворение интересов различных государственных заказчиков, общественных объединений и бизнес-структур. Можно ли говорить о том, что наука впервые оказалась в подобной ситуации?

Наука и общество: стратегии взаимодействия

Если обратиться к описанию периода развития современной науки, который наступил после завершения научной революции и продлился до момента формирования технонауки в XX в., то можно констатировать, что столь глубокой связи между наукой и другими социальными акторами не существовало. Наука в этот период иногда была связана с удовлетворением общественных запросов, но вряд ли можно говорить о тесном взаимопроникновении научных и общественных запросов. В своих исследованиях учёные стремились ответить на вопросы, которые представляли внутринаучный интерес. Частично их поиски могли служить развитию экономики или общественных отношений, но удовлетворение запросов этих акторов не играло первостепенной роли в научной деятельности. Р. Мертон в своём исследовании деятельности Лондонского королевского общества отмечает, что первоначально его члены уделяли особое внимание проблемам, связанным с «практическими интересами». «За возможным объяснением далеко ходить не надо, — пишет он. — Видимо, поначалу члены Общества были озабочены оправданием своей деятельности (перед Короной и общественностью) с помощью максимально быстрого получения практических результатов» (Мертон, 2006, с. 863-864) Правда, затем они всё больше сосредотачивали своё внимание на «чистой» науке. И это было связано с тем, что хотя наука потенциально могла помочь в развитии технологий, но в этот момент её влияние на них ещё не было значительным и заметным. В этой ситуации научная деятельность выступает как «призвание», которое предполагает служение истине, а она не всегда связана с какой-то ощутимой пользой для общества. Поэтому первоначально новые научные общества, а с XIX в. университеты и исследовательские институты, становятся специфическими пространствами обсуждения полученных научных результатов, которые не обязательно требуют внед-

рения в общественную и экономическую жизнь. Наука развивается на основе собственной логики, которая не всегда связана с внешним влиянием. Поэтому достижения учёных поддаются оценке лишь на основе критериев, сформированных самими учёными в процессе исследования.

При этом с момента разработки программы развития гумбольдтовского университета (хоть в целом она никогда и не была полностью реализована) предпринимается попытка сформировать систему саморазвития научного знания за счёт процессов поддержания и разрушения научной традиции и связанного с ней символического и социального капитала. Так, С. Фуллер отмечает, что «в целом университет Гумбольдта с его интегрированной функцией исследований и обучения может рассматриваться как “машина”, спроектированная специально для этой цели» (Фуллер, 2005, с. 55). Связана эта динамика не только с тем, что часть «добытых» в университете знаний может стать общественным благом – Фуллер обращает внимание именно на эту особенность. Но и с тем, что сам процесс обучения в университете предполагает освоение определённого набора знаний и компетенций. Лишь в этом случае можно говорить об успешном вхождении студента в научное сообщество. Он должен смиренно впитывать результаты, полученные его предшественниками. Но затем он уже не может просто остановиться на копировании имеющегося набора интеллектуальных достижений, но сам обязан смело выдвигать новые гипотезы, которые могут быть проверены в процессе исследования. Первая стратегия копирования достижений прошлых эпох как раз и была характерна для средневекового университета, нацеленного лишь на поддержание традиции. Вторая же связана с творческим отношением к уже имеющейся традиции и символическому капиталу собственных предшественников. Учёный должен будет приступить к исследованиям, которые подрывают устоявшийся *status quo* и таким образом по-новому распределяют имеющийся символический капитал. Конечно, новые результаты не обязательно полностью отменяют уже имеющиеся. Они могут, например, быть связанными с использованием зарекомендовавших себя исследовательских методик в новых областях деятельности и поэтому не ставить под сомнение устоявшиеся истины. Но в любом случае эти результаты будут предполагать получение нового знания о мире, которое может скорректировать имеющиеся представления. Гипотетически новые результаты могут быть использованы за стенами университета, но в классический период развития науки подобный результат не всегда интересует учёного. Его задача – изучение мира, а то, каким образом новые знания будут использованы, не является его заботой. В этом случае формирование и разрушение символического капитала становятся внутринаучной задачей. Внешние агенты не могут повлиять на взгляды учёных, последние сами определяют, что является значимым для «чистой» науки, а что можно отбросить.

Подобная система обладает ещё одной ключевой характеристикой. Предполагается, что она носит открытый характер. Если человеку присущи интеллектуальные способности, необходимые для освоения имеющихся научных знаний, и он способен получать новые результаты – он может участвовать в научной деятельности. Конечно, можно констатировать, что сама структура системы образования зачастую формировала фильтры, которые затрудняли доступ к ней различным слоям населения. К примеру, получение высшего образования долгое время никак не финансировалось обществом. Поэтому получить его могли лишь люди, которые были способны оплатить его из собственных средств или найти для этого какие-либо иные источники финансирования. В результате имелся своеобразный финансовый ценз на его получение. Однако этот факт не отменяет установки на формирование сообщества потенциально равных исследователей, которые стремятся к объективному описанию устройства мира. Конечно, среди них существовала иерархия, но она была связана с интеллектуальными успехами, подтверждёнными исследованиями, а не со знатностью или другими внеучными характеристиками. Вряд ли можно говорить о том, что когда-то подобный идеал свободного и открытого доступа в науку для всех обладающих интеллектуальным потенциалом и желанием участвовать в этом мероприятии реализовывался в полном объёме, но он выступал одним из механизмов описания функционирования этого сообщества. Но подобная открытость была характерна для процесса вхождения в сообщество. А вот оценкой результатов его работы, как мы уже отмечали, могли заниматься только сами учёные. Ведь лишь они обладают необходимыми для этого компетенциями. Кроме них, никто не сможет квалифицированно оценить полученные результаты. Поэтому общество должно доверять их точке зрения. В итоге научное знание оказалось связанным с особым социальным институтом и специфической социальной позицией, возникшей в процессе институализации науки. «Как только произошло закрепление роли учёного, – писал Дж. Бен-Дэвид, – появилась возможность превращения науки в относительно независимую подсистему общества» (Бен-Дэвид, 2014, с. 304), и эта относительная независимость продолжала существовать достаточно долго. Она выражалась в развитии дисциплинарной структуры науки, которая формировала пул профессиональных исследователей в определённых научных областях, которые и занимались оценкой полученных результатов. Всё это создавало структуру, необходимую для поддержания творческого разрушения символического капитала, которое не подвергалось угрозе само существование дисциплины.

При этом подобное положение дел не было характерно для периода становления научного знания. Оно развивалось под покровительством не только, а скорее даже и не столько, средневековых университетов, обеспечивающих преемственность имеющегося знания, сколько различных властных структур. «Главным новым

источником поддержки научного знания, особенно в континентальной Европе, – писал С. Шейпин, – стали королевские дворы. Государи оказывали покровительство математикам, астрономам, естественным историкам и естественным философам – а это было насущно необходимо для научной карьеры ряда выдающихся умов» (Шейпин, 2015, с. 468). Без этой поддержки они не получили бы возможность заниматься собственными исследованиями. Тем более что даже до рубежа XVIII-XIX вв. университеты ещё сохраняли традиционные средневековые черты (Касавин, 2020). Правда, в этом случае встаёт вопрос о том, действительно ли патроны героев научной революции интересовали их исследовательские достижения, или же они таким образом лишь формировали собственный статус просвещённых правителей, интересующихся различными областями культуры – от произведений искусства до достижений в области математики и получения новых «экспериментальных знаний». Но вне зависимости от ответа на этот вопрос стоит признать тот факт, что возможность противопоставить собственные исследования существующей традиции появилась именно благодаря этой поддержке и стала одним из факторов, повлиявших на успех отдельных представителей только ещё формирующегося нового знания о природе.

В этом случае мы видим иную стратегию взаимодействия науки и общества, его элиты. Не стремление учёных отгородиться от них своим эпистемическим авторитетом, а желание обрести их поддержку. И пусть «государи» ничего не смыслят в науке, зато защита, которую можно получить благодаря их власти, даёт возможность не бояться оппонентов. В этот период можно говорить об интеллектуальной независимости будущих учёных, но вряд ли о независимости социальной. При этом всё равно в своих архетипических проектах – вспомним хотя бы «Новую Атлантиду» Фрэнсиса Бэкона – они описывали сообщество учёных как объединение независимых исследователей. Для Бэкона это был «Дом Соломона», целью которого «является познание причин и скрытых сил всех вещей; и расширение власти человека над природою, покуда всё не станет для него возможным» (Бэкон, 1978, с. 509). Именно учёные двигают исследования вперёд и определяют, что может оказать влияние на развитие общества, а что нет.

Очевидно, что оба описанных способа взаимодействия науки и общества базируются на представлении о том, что сама интеллектуальная деятельность учёных не может быть подконтрольна ни элите, ни обществу. Они в полной мере не могут понять, чем занимаются учёные, а поэтому и не способны управлять исследованиями. При этом до момента становления социальной позиции учёного и формирования самоподдерживающейся дисциплинарной науки исследователям приходилось активно взаимодействовать с различными общественными силами и зачастую искать их защиты. Связано это было с тем, что учёные были вынуждены противостоя-

ять различным группам, уже распространяющим знания в обществе и обладающим статусом их легитимных носителей.

Символический капитал и технонаука

Описание двух стратегий взаимодействия науки и общества до периода формирования технонауки позволяет выделить некоторые особенности современного этапа её развития. Можно отметить, что как в период зарождения науки, так и на современном этапе она взаимодействует с различными социальными акторами. Наука пытается вовлечь их в свою деятельность для формирования союзов, которые могут быть ей полезны либо в противостоянии с другими участниками процесса создания знаний, либо в распространении собственных результатов за пределы научной области. В этих случаях подобные связи играют принципиально важную роль. Однако стоит выделить и ключевое различие. В период формирования науки будущее научное сообщество было ещё слишком слабо для самостоятельного противодействия другим, более мощным социальным группам. Например, церковь обладала куда более существенным интеллектуальным влиянием, чем формирующаяся наука. При этом и сами научные результаты были пока не так востребованы обществом. Они носили достаточно абстрактный характер. Хотя иногда знания и могли оказывать влияние на экономическую жизнь, но наука ещё не стала важным экономическим агентом. Например, создание фортификационных сооружений было налажено уже до формирования новоевропейского научного знания, а следовательно, и не могло рассматриваться как связанная с наукой технология. И это можно сказать о большинстве технологий того времени. Технонаука, наоборот, уже доказала свою эффективность, и поэтому её востребованность растёт в обществе, ориентированном на использование её результатов. Ведь современные технологические достижения прочно ассоциируются с успехами науки.

В чём же отличие функционирования символического капитала в рамках технонауки от его накопления и использования в период зарождения науки и развития её дисциплинарной структуры? В период становления научного знания будущее сообщество учёных ещё не обладало значимым символическим капиталом. Собственно, именно поэтому ему и была нужна поддержка влиятельных патронов. Поэтому основной задачей как отдельных учёных, так и сообщества в целом становились накопление символического капитала и его активное использование для формирования собственной социальной позиции. Именно поэтому принципиально важным оказывается формирование отдельных институций: научных обществ и академий, которые могут репрезентировать достижения учёных и создавать условия для принятия и распространения научных практик. Именно благодаря признанию, следовавшему за ростом символического капитала, и сложилась социальная

позиция учёного, а следовательно, и начался процесс профессионализации и специализации научного знания.

Дисциплинарная наука, развивающаяся в университетах и академии, в широком смысле слова в своём обращении с символическим капиталом базируется, как мы уже отмечали, на двух взаимосвязанных процессах – его накоплении и творческом разрушении. Накопление символического капитала предполагало формирование особых дисциплинарных пространств. Собственно говоря, новая научная дисциплина не могла появиться до того момента, пока исследователи, решившие принять участие в её формировании, не оказались достаточно мощной и сплочённой группой, обладающей авторитетом в научном мире. Лишь в этом случае они могли надеяться на то, что смогут занять старые или организовать новые кафедры, открыть научные журналы и сформировать собственный пул учеников. Это определение границ научной дисциплины создавало пространства изначального символического капитала и позволяло позиционировать новую группу в научном сообществе. Однако основная задача состояла не в том, чтобы его сохранить, а в том, чтобы его преумножить. В этом случае как раз и было необходимо его творческое разрушение. Новые исследователи стремились не просто повторять достижения прошлых эпох, но и получить собственные оригинальные результаты. Часть из них трансформировала уже имеющиеся идеи, а другие были нацелены именно на формирование новых представлений. Эту характерную особенность дисциплинарной науки и подчёркивали, например, Т. Кун в своей концепции парадигм с их задачами-головоломками и И. Лакатос, развивавший идеи о ядре и защитном поясе теории. Пока базовые идеи конкретной дисциплины полностью не отвергнуты, изменения могут свидетельствовать о её творческом развитии. Правда, творческое разрушение может зайти слишком далеко, что приведёт к потере научного интереса к исследованиям. Но без попыток разрушить и заново сформировать символический капитал невозможно развитие дисциплинарной науки. Во многом это связано с тем, что она как раз старается подчиняться собственной логике развития. Учёные ищут ответы на вопросы, которые важны внутри дисциплины, и могут быть нечувствительными к запросам, исходящим как от их коллег из других дисциплинарных областей, так и от экономики, государства или общественных организаций. Накопленный же символический капитал позволяет учёным говорить от имени научного сообщества, что может защищать их от внешней по отношению к науке критики.

В ситуации развития технауки положение дел разительно меняется. Связано это с огромным влиянием внешних по отношению к науке акторов на научные исследования. Рост финансирования научных исследований был продиктован не только стремлением к познанию мира, но и пониманием того, что они могут влиять на экономику и обороноспособность государств. В результате учёные должны были сосредоточить своё внимание не только на удовле-

творении своих дисциплинарных интересов, но и на создании важных для общества технологий. Однако в этом случае они оказались вовлечены не только во взаимодействие с другими социальными акторами – например, такими как грантовые фонды, различные министерства и ведомства, общественные организации, крупный бизнес, – но и в борьбу со своими коллегами за их внимание. Оказалось, что теперь необходимо постоянно поддерживать связи с различными акторами. При этом успешное создание подобных коалиций связано как с ростом собственного символического капитала, так и с попытками противостоять его увеличению у научных конкурентов.

Подобное положение дел требовало от исследовательских групп формирования собственных линий поддержки. Типичным примером может выступать рассмотренное Б. Латуром расширение влияния программы Л. Пастера во Франции ещё во второй половине XIX в. Ему пришлось заручиться поддержкой различных акторов – связанных как с наукой, так и с другими акторами, являющимися людьми или носящими статус *non-human*. «Пастер не ждёт, пока его идеи выйдут из лаборатории и сами собой прозвучат в обществе, – пишет Б. Латур. – Он лично проталкивает их. Чем больше группы, которые он хочет убедить, тем большие усилия ему нужно приложить» (Латур, 2015, с. 135). Подобные тенденции стали играть ещё большую роль в XX в. Отдельные направления исследований требовали крупных капиталовложений, подобно проектам по развитию атомной энергетики, или чрезвычайно рискованных инвестиций, связанных с развитием компьютерной индустрии. В этой ситуации наличие успешных коалиций с большим числом различных акторов оказывается важнейшим условием для развития не только технологических направлений, но и отдельных исследовательских программ или научных дисциплин. Без формирования коалиций они не смогут найти поддержки и превратятся просто в исследовательские направления, функционирующие в рамках дисциплинарной науки. В условиях технауки это может гарантировать поддержание минимальной возможной дисциплинарной структуры, но уже не будет способствовать получению финансирования, достаточного для проведения новых исследований на переднем крае науки. Поэтому борьба за внимание внешних акторов играет ключевую роль. Только оно позволяет наращивать символический капитал в рамках технауки.

При этом в современном обществе наука, проникнув в различные области общественной жизни, оказалась связанной и с решением большого количества прикладных задач, имеющих серьёзное экономическое, экологическое и политическое значение. С. Фунтович и Дж. Раветц отмечают, что этот тип науки может быть описан с использованием концепции постнормальной науки. Постнормальная наука возникает тогда, когда нам надо опереться на научные данные, но при этом мы не имеем набора фактов, которые поддаются однозначной дисциплинарной интерпретации; ценно-

сти, на которые мы ориентируемся, не обязательно разделяются всеми участниками процесса принятия решений, а принимать их нужно быстро и результаты как действия, так и бездействия могут приводить к значимым последствиям. Подобная наука оказывается связанной с решением проблем, которые могут повлиять на всё общество. В этом случае учёные выступают лишь одними из акторов, которые способны оказать влияние на принятие решений, но не могут полностью опереться на свои дисциплинарные знания. Ведь объект изучения оказывается достаточно сложным, чтобы быть помещённым «в границы одной дисциплины», и при этом само воздействие на него приводит к изменениям, которые должны быть учтены при принятии решений. С. Фунтович и Дж. Равецт отмечают, что к подобному классу могут относиться, например, проблемы, связанные с антропогенным воздействием на климат или с техногенными катастрофами. В результате «традиционное различие между фактом и ценностью не просто перевёрнуто; в постнормальной науке эти две категории не могут быть разделены» (Funtowicz, Ravetz, 1993, p. 751). Научные данные, используемые при принятии решений, подвергаются всесторонней оценке — со стороны не только учёных, но и других социальных групп. Ведь решения, которые обосновывают эти данные, могут носить политический характер. Как справедливо отмечает Л.В. Шиповалова, «политическая действенность может иметь форму взаимного влияния учёных, публики и власти, поскольку адекватно формулировать проблемы, требующие решения, можно только на основании выявления различных интересов и ценностей, различных видов знания и интерпретаций фактов и выстраивания отношения между ними» (Шиповалова, 2022, с. 68). Но в этом случае позиция учёного и его символический капитал, связанный с обладанием знанием, начинает размываться. Он больше не может высказываться от имени «науки», а лишь репрезентирует собственные представления об определённом сегменте реальности. Теперь и не-учёные начинают претендовать на символический капитал учёных. Всё это ставит перед наукой новые вызовы. Она становится не только важной познавательной практикой, но и специфическим социальным актором, на равных взаимодействующим с другими. Следовательно, теперь и символический капитал, которым была наделена наука, начинает рассматриваться как символический капитал, характерный для экономических, политических или общественных акторов.

Заключение

Таким образом, в рамках техногенной цивилизации начинают сосуществовать как минимум два способа функционирования научного знания и связанного с ним символического капитала. Первый характерен для дисциплинарной науки, ориентированной на решение внутринаучных задач. Он сложился в период развития научного знания и базируется на творческом разрушении символического капитала в рамках

отдельных научных дисциплин. Однако необходимо обращать внимание и на тот факт, что в настоящее время наука тесно связана с экономической и общественной жизнью. Принимаемые на основе научных данных решения могут иметь серьёзные социальные и экономические последствия. Это приводит к формированию ещё одного способа функционирования научного знания – постнормальной науки. Она связана как раз с активным взаимодействием с различными вненаучными акторами, поэтому её символический капитал подвержен влиянию с их стороны. В этой ситуации учёные оказываются заинтересованными как в формировании коалиций с этими вненаучными социальными группами, так и в том, чтобы не дать сформировать такие коалиции своим коллегам. Символический же капитал науки начинает размываться между всеми возможными участниками взаимодействия – учёными, государственными и общественными организациями, частными фондами, министерствами и другими возможными акторами.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

- Бен-Дэвид, 2014 – *Бен-Дэвид Дж.* Роль учёного в обществе / Пер. с англ. А. Смирнов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 344 с.
- Бурдьё, 2005 – *Бурдьё П.* Поле экономики / Пер. с фр. Н.А. Шматко // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр., ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 129-176.
- Бэкон, 1978 – *Бэкон Ф.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. / Пер. З.Е. Александрова и др. М.: Мысль, 1978. 575 с.
- Касавин, 2020 – *Касавин И.Т.* Наука – гуманистический проект. М.: Издательство «Весь мир», 2020. 496 с.
- Латур, 2015 – *Латур Б.* Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / Пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
- Мертон, 2006 – *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е.Н. Егорова и др. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
- Фуллер, 2005 – *Фуллер С.* В чём уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства / Пер. с англ. С.Р. Филоновича // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 50-76.
- Шейпин, 2015 – *Шейпин С.* Научная революция // Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / Пер. с англ. А. Марков. М.: Новое литературное обозрение, С. 313-570.
- Шиповалова, 2022 – *Шиповалова Л.В.* Как возможна пост-нормальная наука? // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 61-73.

Chilvers, Kearnes, 2020 – *Chilvers J., Kearnes M.* Remaking participation in science and democracy // *Science, Technology, & Human Values*. 2020. Vol. 45. No. 3. Pp. 347-380.

Funtowicz, Ravetz, 1993 – *Funtowicz S. O., Ravetz J. R.* Science for the post-normal age // *Future*. 1993. Vol. 25. No. 7. Pp. 739-755.

Siemens, 2010 – *Siemens H.* The Mach-Planck debate revisited: democratization of science or elite knowledge? // *Public Understanding of Science*. 2010. Vol. 19. No. 3. Pp. 293-310.

References

Bacon, F. (1978). *Works: in 2 Vol. Vol. 2.* Mysl Publ. (In Russian)

Ben-David, J. (2014). *The Scientist's Role in Society: a Comparative Study*. New Literary Review Publ. (In Russian)

Bourdieu, P. (2005). The economic field. In P. Bourdieu. *The Social Space: Fields and Practices* (pp. 129-176). Institute of Experimental Sociology Publ.; Aleteya Publ. (In Russian)

Chilvers, J., Kearnes, M. (2020). Remaking participation in science and democracy, *Science, Technology, & Human Values*, 45 (3), 347-380.

Fuller, S. (2005). What makes universities unique? Updating the ideal for an entrepreneurial age. *Educational Studies*, 2, 50-76. (In Russian)

Funtowicz, S. O., Ravetz, J. R. (1993). Science for the post-normal age. *Future*, 25 (7), 739-755.

Kasavin, I. T. (2020). *Science Is a Humanistic Project*. Ves' Mir Publ. (In Russian)

Latour, B. (2015). *Pasteur: War and the World of Microbes, with the "Unreduced" App*. St. Petersburg European University Publishing House. (In Russian)

Merton, R. (2006). *Social Theory and Social Structure*. AST Publ.; Khranitel Publ. (In Russian)

Shapin, S. (2015). The scientific revolution. In P. Dear, S. Shapin. *Scientific Revolution as an Event* (pp. 313-570). New Literary Review Publ. (In Russian)

Shipovalova, L. V. (2022). How is post-normal science possible? *Epistemology & Philosophy of Science*, 59 (3), 61-73. (In Russian)

Siemens, H. (2010). The Mach-Planck debate revisited: democratization of science or elite knowledge? *Public Understanding of Science*, 19 (3), 293-310.

УДК 316.7

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-83-104

СОВРЕМЕННЫЙ НОВОЯЗ КАК СВЯЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ МЕЖДУ ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН- КОММУНИКАЦИЕЙ

Олешкова Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук. Россия, 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57, Филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета в городе Нижнем Тагиле; e-mail: oleshkova@bk.ru

В статье представлена концепция современного новояза в контексте социальной и политической философии. В первой части статьи автор устанавливает связь между онлайн- и офлайн-коммуникацией, обозначает разницу понятий «офлайн» и «онлайн», выявляет отличительные и общие черты классического и современного новояза. Автор описывает разные подходы к определению новояза, приводит примеры на основе нескольких институциональных дискурсов и приходит к выводу, что новояз XXI в. представляет собой синтез сетевого и идеологического языка. Вторая часть статьи посвящена рассмотрению концепций, позволяющих отразить новояз в рамках критической традиции, конструкционизма, постмодернизма и когнитивного подхода. Адаптируя к теме идеи Т. Адорно, М. Фуко, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяра, Р. Водака, С. Жижека, Т. Лукмана, П. Бергера и Дж. Лакоффа, автор приходит к выводу о комплексной природе новояза, что позволяет актуализировать связь языка и идеологии, языка и идентичности. Сохраняя признаки субкультурного феномена, новояз посредством квазиполитического содержания расширяет сферу применения «говорящим субъектом» и может быть составной частью любой темы. Автор отмечает, что выход новояза за пределы пространства Сети позволяет считать новояз важным маркером и индикатором социальных трансформаций. С учётом включения в новояз языка вражды, обценной лексики, языковой игры, бинарных оппозиций, разных институциональных дискурсов можно говорить о сензитивности для «говорящего субъекта» артикулированных посредством новояза тем. Современный новояз функционирует на официальном и неофициальном уровнях, не только конструирует и интерпретирует современное социокультурное пространство, но и расставляет акценты в историческом дискурсе, соединяя историческое и политическое.

Ключевые слова: новояз, дискурс, критический дискурс-анализ, критическая теория, когнитивизм, Сеть
Ключевые слова: новояз, дискурс, критический дискурс-анализ, критическая теория, когнитивизм, Сеть

Цитирование: Олешкова А.М. Современный новояз как связующий элемент между онлайн- и офлайн-коммуникацией // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 3. С. 83-104. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-83-104

Рукопись получена: 17 августа 2023

Пересмотрена: 1 октября 2023

Принята: 3 октября 2023

MODERN NEWSPEAK AS A CONNECTING ELEMENT BETWEEN ONLINE AND OFFLINE COMMUNICATIONS

Anna M. Oleshkova – PhD of Historical sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Branch of the Russian State Pedagogical University in Nizhny Tagil. 57 Krasnogvardeyskaya St., Nizhny Tagil, 622031, Russian Federation; e-mail: oleshkova@bk.ru

The article presents the concept of modern newspeak in the context of social and political philosophy. In the first part of the article, the author establishes a link between online and offline communication, denotes the difference between the concepts of “offline” and “online”, and reveals the distinctive and common features of classical and modern newspeak. The author describes different approaches to the definition of newspeak and gives examples based on different institutional discourses. The author concludes that the new language of the XXI century is a synthesis of network and ideological language. The second part of the article focuses on revealing concepts that allow reflecting on newspeak within the framework of critical tradition, constructionism, postmodernism and cognitive approach. The author adapts the ideas of T. Adorno, M. Foucault, J. Deleuze, F. Guattari, J. Baudrillard, R. Vodal, S. Zizek, T. Lukman, P. Berger, and J. Lakoff to the topic. She makes a conclusion about the complex nature of the newspeak, which makes it possible to actualize the connection between language and ideology, language and identity. While retaining the signs of a subcultural phenomenon, newspeak, through quasi-political content, expands the scope of application by a “speaking subject” and can be an integral part of any topic. The author notes that the spread of newspeak beyond the Network space allows us to consider newspeak an important marker and indicator of social transformations. The inclusion of hostility, obscene vocabulary, language games, binary oppositions, and various institutional discourses in the newspeak makes it possible to talk about the sensitivity for the “speaking subject” of topics articulated through the newspeak. Modern newspeak functions at the official and unofficial levels; it not only constructs and interprets the modern socio-cultural space, but also places accents in historical discourse, combining historical and political.

Keywords: newspeak, discourse, critical discourse analysis, critical theory, cognitivism, Network

How to cite: Oleshkova, A.M. (2023). Modern newspeak as a connecting element between online and offline communications, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*,

Received: 17 August 2023

Revised: 1 October 2023

Accepted: 3 October 2023

Интернет как пространство междисциплинарных исследований

Информационная революция и прогресс в технологиях в современном обществе, связанные с появлением чата GPT, актуализируют вопрос деструктивного и конструктивного потенциала нейросетей (Mao, Chen, Zhang, Guerin, Cambria, 2023), а также продолжают фокусировать внимание учёных на интернет-пространстве, обращая внимание на разные грани этой большой темы (Roroly, 2018). В частности, для социально-гуманитарного знания важным представляются два аспекта: язык, который используют «говорящие субъекты»; связь условного онлайн- и офлайн-пространств. Понятие «говорящий субъект» используется в контексте взглядов Ж. Лакана и М. Фуко, это субъект, который образуется через язык и символические системы. Субъект не может существовать вне этих систем, идентичность и понимание мира (социокультурного пространства) формируются именно через язык.

Первый аспект в определённой мере можно назвать классическим с точки зрения философского знания: по крайней мере философия языка, лингвистическая философия в разные периоды своего существования обращали внимание и на язык науки, и на повседневную речь. Достаточно привести пример творчества Л. Витгенштейна – в частности, две его работы, фиксирующие оба момента: «Логико-философский трактат» и «Философские исследования» (Витгенштейн, 2017; Витгенштейн, 2010). Второй же аспект представляется особенно актуальным с учётом постепенной, а в определённых случаях достаточно резкой потери чёткой разницы между онлайн- и офлайн-пространством. В частности, речь идёт о верификации первоисточника информации: где именно зародилось то или иное выражение, как оценивается ситуация «говорящим субъектом», какова разница между разными медиапузырями (*bubbles*).

Несмотря на мощный прогностический потенциал сериала «Чёрное зеркало», согласно которому пересматриваются моральные основы современного общества (Gibson, Carden, 2021) и становится достаточно сложно отличить, в каком случае перед нами реальность, а в каком – виртуальность, представляется, что сфера Интернета (в частности, Рунета) во многом воспроизводит внутри себя закономерности развития «обычного» общества. Интернету также свойственно «слишком человеческое». Речь идёт о переносе в интернет-общение особенностей социального взаимодействия и порядка: социальной иерархии, стигматизации, депривации, идеологизации. Эти и иные признаки «обычного» общества

в определённой степени нивелируют разницу между онлайн- и офлайн-культурой, как минимум делая их похожими.

С точки зрения процесса коммуникации под понятием «онлайн» подразумевается распространение информации в интернет-пространстве: социальные медиа, комментарии, электронные версии СМИ. Термин «офлайн» включает в себя коммуникацию, которую можно зафиксировать вне Сети: визуальные и текстовые источники, которые можно увидеть за пределами компьютера; устная повседневная речь «говорящих субъектов». Схематично, онлайн – это Интернет, офлайн – это город. Такое условное разделение можно объяснить разными типами дискурсов и первичностью или аутентичностью физического носителя информации, характерного для обеих форм коммуникации. Если для онлайн-коммуникации в рамках интернет-пространства можно привести в пример социальные сети, социальные медиа, стриминговые каналы и т. д., то к офлайн-коммуникации, в частности, можно отнести разнообразные примеры визуальных источников (рекламные плакаты, наклейки на автомобили, нашивки на одежду, сумки), а также книги, учебники, то есть всё то, что подразумевает использование физического носителя. Например, прессу в этот блок можно не включать, так как потребление информации из СМИ во многом перешло в онлайн-пространство (однако стоит признать, что бумажная пресса сосуществует с электронными версиями этих же изданий). При этом в школах использование учебников подразумевает непосредственную работу с бумажным экземпляром. Также следует уточнить, что в современных условиях эти формы (онлайн и офлайн) тесно взаимодействуют друг с другом и затрудняют верификацию по критерию первичности использования или обязательности использования в том или ином виде.

Современный Интернет становится общественным местом как с правовой, так и социально-философской точки зрения. Рунет имеет противоречивые тенденции регламентации и развития, что можно выразить в метафорической оппозиции «цифровой Гулаг – digital рай, киберпанк», которая сама по себе тоже является новоязом (примеры употребления словосочетаний есть, в частности, в социальной сети *ВКонтакте*, на портале *Пикабу* (Пикабу, 2023), видеохостинге *YouTube*). То есть при усиливающейся тенденции правового регулирования сохраняются пространства хаоса и неподконтрольного поведения «говорящего субъекта». Для исследователя обе сферы могут быть предметом изучения: юридические границы использования языка вражды как составляющего элемента новояза; филологические, философские, политологические, социологические, культурологические основания процесса коммуникации. Самостоятельной темой является использование языка вражды в рамках набирающих популярность в разных возрастных группах социальных сетях и социальных медиа (Mondal, Silva, Benevenuto, 2017; Matamoros-Fernandez, Farkas, 2021). Таким обра-

зом, современный новояз попадает в междисциплинарное поле исследования.

Новояз: понятийная проблема

Понятие «новояз» в определённой степени напоминает понятие «дискурс» с точки зрения пластичности его применения и наличия разных институциональных взглядов: от повседневного, подразумевающего любые необычные проявления в речи и языке, до разных научных оценок, в зависимости от точки отсчёта, от той дисциплины, в рамках которой мы пытаемся осмыслить это важное для современного общества явление.

В рамках коммуникации в XXI в., с одной стороны, новояз является примером языка именно Интернета, также существует язык программирования с одноименным названием *Newspeak* (Bracha, 2022), с другой – в науке существует понятие «политический новояз» (Евластев, Бондаренко, 2021). В первом случае акцент сделан скорее на форму словоупотребления и сферу приложения. Во втором обозначена связь языка и власти. Как следствие, первая интерпретация сохраняет за новоязом субкультурный статус, тогда как вторая наделяет новояз идеологической нагрузкой. Последний подход ближе к тем оценкам, которые новояз получал на историческом материале. В частности, нужно упомянуть работу В. Клемперера (Клемперер, 1998), который обратился к языку Третьего рейха. Сегодня продолжается практика изучения коммунистического новояза (Земцов, 1985; Савина, 2023). Следует отметить исследования, фиксирующие политическую речь постсоветской и современной России (Гусейнов, 2004). Иностранные авторы также обращаются к политическому языку советского периода (Серио, 1999). Существуют педагогические проекты, которые учат критическому мышлению и актуализируют демократические ценности при помощи педагогических теорий и литературного анализа романа «1984» Дж. Оруэлла (Wahlqvist, 2013).

Существует целый ряд словарей и интернет-проектов, которые суммируют примеры политического языка советской, постсоветской и современной России. В частности, Викисловарь предлагает рубрики по личностям и по отдельным событиям (Политический жаргон, 2023). В проекте семантического онлайн-словаря собраны примеры русской политической речи XIX–XXI вв. Собранный материал анализируется с философской и лингвистической точки зрения (Вершило, 2017; Словарь политической (патологической) речи, 2023).

Отметим, что новояз как язык Интернета или как язык тоталитарных обществ или художественных антиутопий преимущественно исследуют филологи. Однако и применительно к современному обществу есть исследования, придерживающиеся второй трактовки, которая позволяет увидеть в языке связь с дискурсом власти, доминированием, стигматизацией и, как следствие, выйти

на социально-философский уровень рефлексии. Отмечается преемственность между советским и постсоветским новоязом (Нум, 2017). Помимо политического новояза и новояза, связанного с интернет-коммуникацией, используется понятие «топонимический новояз», посредством которого анализируются географические названия, в том числе современные переименования улиц, городов (Гробаневский, 2013).

Следует отличать понятия «политический дискурс» и «политический новояз». Общим местом является манипулятивный потенциал обеих языковых систем. Но политический дискурс связан прежде всего с политиками и политикой. М. Кронгауз определяет политический дискурс как «множество устных и письменных текстов, связанных с политикой» (Кронгауз, 2023, с. 462). Исследователи обращаются непосредственно к речам политических деятелей (Андрюхина, 2013). Тогда как новояз имеет квазиполитический характер и в качестве «говорящего субъекта» подразумевает фактически любого субъекта и любую тему, которая сводится к политическим вопросам и раскрывает ценностные ориентации «говорящего субъекта», его идеологическую позицию.

Новояз представлен в разных институциональных дискурсах, которые могли бы не пересекаться, но пересеклись: педагогический, научный, официально-политический, правовой, журналистский, публицистический и др. Новояз – симптом такого синкретизма. Ещё на материале 1990-х гг. мы можем проследить тенденцию смешения жанров, место приложения которых как будто бы не важно. Например, Г. Гусейнов, анализируя советские идеологемы в дискурсе 1990-х гг., отмечает пласт обценной лексики в идеологическом языке, приводя примеры из высказываний политиков и журналистов (Гусейнов, 2004, с. 146, 147). Если в 1980-е гг. журналисты использовали иностранные слова (преимущественно английского происхождения), то сегодня эту нишу занимает блатная лексика. Сегодня криминальное арго проникает в газетно-публицистический, художественный, политический дискурсы (например, «беспредел»), что также свидетельствует о кризисных явлениях в культуре и обществе (Грачёв, 2009). Конечно, это крайние формы, существуют менее показательные и менее заметные примеры. В упомянутом выше Викисловаре или «Словаре перемен» (Словарь перемен, 2015; Словарь перемен, 2018) представлены слова и выражения, которые могут употребляться и в официальной речи, и в интернет-комментариях.

В этой связи понятие «новояз» может претендовать на трактовки, в рамках которых, во-первых, акцентирован именно идеологический характер высказывания; во-вторых, обозначены разнообразные модификации языка, различные эмоционально окрашенные, необычные, как правило, ироничные и даже агрессивные выражения, являющиеся реакцией на современные события.

Понятийная проблема не настолько важна, хотя она, безусловно, присутствует. Например, существует целый ряд наименований,

с которыми сопоставлялся советский политический язык: «деревянный», «газетный жаргон», «канцелярит», «партийная феня», «новояз» (Гусейнов, 2004, с. 21). При определении особенностей новояза следует выделить универсальные черты, сближающие новояз XXI в. с классическим новоязом, а также специфические характеристики, связанные с особенностью современного процесса коммуникации. К универсальным признакам можно отнести следующие: наличие эвфемизмов, канцеляризов, аббревиатур. Язык тоталитарного общества сопровождался пропагандистскими и идеологическими элементами. Он включал особую терминологию, слова, выражения, символы, которые должны были поддерживать идеологию и контролировать общественное мнение. Вертикальность такой коммуникации обусловлена задачами манипулировать массами и поддерживать идеологию. Контроль над языком находился в руках элиты. Остальные члены общества должны были следовать транслируемым идеям и использовать этот язык.

Сейчас ситуация изменилась: порождать новояз и создавать новые слова может любой аноним. В этой связи отличие современного новояза в том, что дискурс власти порождается и реализуется на разных уровнях и не всегда имеет осознанный характер со стороны конкретного «говорящего субъекта». В том смысле, что в отличие от политика «говорящий субъект» не обязательно ставит себе задачу что-то внушить собеседнику. Новояз представляет собой систему, соединяющую официальный и неофициальный уровни коммуникации, проявляется в разных сферах бытования и существует в различных формах: текстовой и визуальной (для сравнения – советские плакаты и интернет-мемы).

Кроме того, скорее следует говорить о разных диалектах новояза. Всё-таки избрать в качестве употребления иронию или обценную лексику – это два разных способа донести свою мысль, и не каждый субъект и не в каждом институциональном дискурсе (педагогическом, религиозном, политическом и др.) будет совмещать обе стратегии. Сегодня новояз не стремится полностью вытеснить основной язык, хотя конкурирует с ним. Как следствие, происходит проникновение новояза в академический и официальный дискурс. При разных, в определённой степени параллельных реальностях, формируемых в том числе медиапузырями «говорящих субъектов», существуют общие места новояза. Новояз – это маркер своего или чужого. Если «говорящий субъект» не знает того или иного слова (изображения) – это тоже важная информация для понимания «рассеивания» (в терминологии М. Фуко) новояза и факт наличия разных групп субъектов, спор между которыми либо не состоится, либо не достигнет консенсуса.

Поскольку политическая или околополитические темы или сама потенциальная возможность свести любую тему к политике – это основные содержательные критерии современного новояза, то может показаться, что понятие «политический новояз» выглядит избыточным, плеоназмом, однако это не так. Отличительная черта

современного новояза – именно его квазиполитичность. Это означает два важных момента: во-первых, «говорящий субъект» применяет новояз не только при обсуждении собственно политических тем, и во-вторых, посредством новояза фактически любая тема может быть политизирована.

Классификация и примеры новояза

Попробуем ёмко представить примеры современного новояза, сгруппировав их по темам и по разным критериями. В этой связи новояз актуализирует похожую проблему, связанную с интернет-мемами. Их сложно классифицировать: как правило, перечень получается алогичным, по принципу – красное, зелёное, квадратное. Так, есть критерии, связанные со временем возникновения (например, золотой век мемов в Рунете), с формой (текст, картинка). Но когда речь идёт о преднамеренности, смешанности, отличиях постиронии и метаиронии – всё становится сложнее (Her, Zharova, 2017). Кажущееся юмористическим высказывание может быть примером продвижения насильственного сюжета (Crawford, Keen, Suarez de-Tangil, 2020). В этой связи новояз поддаётся классификации, но опять же с разными основаниями.

С точки зрения темы высказывания можно подобрать примеры ко всем сферам общества: политике, экономике, культуре, социуму. По хронологии выстраивают собранные примеры авторы «Словаря перемен» (Словарь перемен, 2015; Словарь перемен, 2018). Также авторы указывают источники определения, когда можно засвидетельствовать точное место употребления слова или фразы. Кроме того, можно выделить разные основания для классификации:

- Исторические термины: «пятая колонна», «холодная война».
- Переименованные исторические термины: «ночь длинных ковшей».
- Прецедентное событие в современности: «крымнаш», «турбопатриоты».
- Исторические события, важные для современности: «победобесие».
- Прецедентные названия из художественной реальности: «бандерлоги».
- Построенные на созвучии изначальной формулировки с другой, как правило, абсурдной; использование языковой игры, нередко с негативной коннотацией, высмеиванием: «дед Бидон», «банан Обама».
- Сочетания с интернет-сленгом: «западный тролль».

Если элементы олбанского языка подразумевают сознательное изменение слов, их нарочито неправильное написание (Кронгауз, 2013, с. 89), то некоторые формулировки современного новояза также подразумевают двойное написание, однако не факт, что при

использовании «говорящие субъекты» знают исторические тонкости: бандеровцы/бендеровцы (Экштут, 2022).

Эти и другие примеры применяются в онлайн- и офлайн-коммуникации. Два издания «Словаря перемен» (Словарь перемен, 2015; Словарь перемен, 2018) фиксируют появление слов в обеих сферах. Иногда первоисточник определён, иногда нет. Однако наличие офлайн-примеров говорит в пользу условного второго подхода к новоязу, согласного которому новояз и сегодня остаётся идеологическим языком, а его интернет-бытования скорее являются инструментальным, а не сущностным проявлением. При этом, конечно, нельзя недооценивать роль интернет-коммуникации, которая позволяет объединять общими взглядами субъектов в массовом порядке. Такой источник как интернет-комментарий в социальных сетях (например, *ВКонтакте*) указывает на значимость подобных платформ для самих субъектов высказывания. Длительность цепочек комментариев, их агрессивность, эмоциональность, иногда обстоятельность или, напротив, краткость – всё это признаки важного явления. Точнее, признаки, указывающие на сензитивность отдельных тем для «говорящего субъекта». Для исследователя этот момент не только порождает пространство для анализа, но и указывает на определённые сложности. Например, троллинг (Mojica, 2016) и боты (Ferrara, 2019) во многом будут проблемой для социологов и политологов; на уровне же философской рефлексии важно понять, какие есть аксиологические векторы, что именно обсуждается, даже если выдаётся за наличествующее, почему именно это. Но, конечно, важно понимать, что написание текста ботом означает отсутствие истинности в этой позиции применительно к «говорящему субъекту», который в данном случае лишён субъектности. Количественные методы, формальные лингвистические методы могли бы прояснить подобные ситуации и с социально-политической точки зрения.

Для того чтобы определить, что перед нами обычный неологизм или англицизм, или жаргонизм, следует понимать, что данное слово, словосочетание или выражение должно быть высказано на политическую тему, либо высказано на тему неполитическую, но со сведением её в диалоге (полилоге, если учитывать структуру интернет-комментариев) к политике. Также критерием является гипертрофированная, крайняя позиция по тому или иному вопросу современного миропорядка или истории. В исследованиях используется термин «токсичные высказывания», уровень «токсичности» может быть измерен (Kim, Guess, Nyhan, Reifler, 2021).

Исходя из примеров, можно сделать вывод, с одной стороны, о творческом и агрессивном характере слов и выражений, с другой – о невозможности игнорировать контекст, повод высказывания. С учётом обоих факторов очевидна ещё одна важная черта новояза: конструирование чёрно-белой картины мира. Примеры новояза можно свести к бинарным оппозициям.

Таким образом, не любой интернет-сленг является новоязом (например, слово «бот» может быть и примером сленга, и новоязом, тогда как «кремлеботы» однозначно указывает на политизацию темы и является именно новоязом. Но особенности языка Рунета являются частью новояза при обсуждении с оппонентом политической темы или при политизации неполитической темы, причём не только в Сети, но и за её пределами. Современная коммуникация на политические и околополитические темы происходит в основном в Сети, но в офлайне мы можем зафиксировать отдельные проявления новояза: например, наклейки на автомобили, баннеры социальной рекламы, плакаты, граффити, футболки (например, «вежливые люди»). Речь идёт о феномене перформативной коммеморации. С точки зрения М. Фуко, культура – это совокупность дискурсов. При этом дискурс – это не только собственный языковой дискурс (хотя он в первую очередь), но также поступки, которые имеют воздействие – например, новые практики празднования Дня Победы (Титков, 2019). В целом резонансные события современной внутренней и внешней политики становились источником для формирования их репрезентаций в онлайн- и офлайн-пространствах.

При многообразии языковых явлений, которые сопровождают общение в Сети и за её пределами, представляется, что многие из них являются составной частью понятия «новояз», которое сохранило связь с классическим языком тоталитарной эпохи и закономерностями, представленными в антиутопиях, а также приобрело новые формы в условиях преимущественно горизонтальной интернет-коммуникации. Такими составными элементами можно назвать следующие: языковая игра, англицизмы, язык вражды, обценная лексика, криминальное аргю, исторические понятия в новом временном контексте. Система современного новояза склонна к расширению и большему разнообразию в сравнении с эпохой XX в.

Помимо того, что новояз – это пример квазиполитической коммуникации, важным отличием современного новояза является наличие в нём важного пласта народной культуры. Если язык тоталитарного общества является примером коммуникации сверху вниз, то современный новояз – пример горизонтальной коммуникации. Однако, во-первых, словотворчество имеет свои закономерности и соответственно ограниченный характер: автоматизм рифмы, похожие созвучия или использование исторических терминов в современном контексте. Во-вторых, игра слов, что само по себе должно создавать лёгкую и непринуждённую форму выражения, фактически построена на иронии или оскорблении, что возвращает нас к вертикальной коммуникации, субъект-объектным формам взаимодействия.

Возможности применения теорий социальной и политической философии в исследовании новояза

Важной категорией, позволяющей сопоставить и противопоставить современный и классический новояз, являются понятия «идеология» и «власть». Для изучения системы новояза с точки зрения философии важными представляются методологии конструкционизма, постмодернизма, дискурсивно-когнитивный подход и критическая традиция в широком смысле слова, включающая в себя и взгляды франкфуртцев, и современный критический дискурс-анализ, а также социальная философия фрейдомарксистского толка. В таком перечне уже очевидна необходимость междисциплинарной кооперации и учёта эмпирических данных в построении теорий. Этот пласт теорий представляет собой попытку измерить внешнюю сторону проблемы: особенности контекста, условий культуры, предоставляющие возможность для реализации механизмов манипулятивности.

С учётом политизации разных сфер жизни следует учесть когнитивные теории, которые позволяют обратиться к теме с внутренней стороны: как в таких условиях «говорящий субъект» мыслит, почему он конструирует именно такие слова и словосочетания, с кем/чем он себя идентифицирует и почему. Согласно когнитивистике в широком смысле слова, сложные абстрактные феномены, в том числе идеология и её производные, репрезентируются в сознании. Язык отражает мышление и социокультурное пространство, но также формирует их. Как следствие, для понимания природы новояза следует обратиться к концепциям, осмысляющим дискурсивный и когнитивный уровень коммуникации.

Попытаемся адаптировать концепции социальной и когнитивной философии к изучаемой теме.

С методологической точки зрения традиция Франкфуртской школы привнесла в социально-философский анализ важный компонент, к сожалению, не ставший трендом в научной практике: учёт в философской теории эмпирического материала. Монография Адорно и коллектива авторов оказала влияние в большей степени на социологию (Адорно, 2001). Но и философский уровень обобщения материала указывает на то, что «говорящий субъект», использующий новояз, может быть охарактеризован через понятие «авторитарная личность». Безапелляционность позиций, крайние оценки, конспирологичность мнений, оскорбления – вот некоторый ряд признаков, характерных для современного новояза и его носителя. Современный новояз манифестируется через различных субъектов, это необязательно политик или журналист, который пишет на политическую тему. Таким субъектом может быть представитель любой социальной группы, возраста и пола. Франкфуртская школа позволяет составить представление о личности, которая склонна к авторитарности, предубеждениям, стереотипам. В современном новоязе сильны ксенофобские настроения. Если в ис-

следовании Адорно и Водак (Водак, 2018) акцентирована проблема антисемитизма, то сегодня стоит говорить о более расширенной трактовке неприязни ко всему Другому, чужому. В частности, актуальна проблема мигрантофобии, фиксируются достаточно лёгкие в использовании категории «славянской генетики», «расы».

В складывании такого типа личности, который также именуется у Адорно «потенциально фашистским индивидом» (Адорно, 2001, с. 15), важно учесть культурные и идеологические факторы, определяющие поведение людей. Такому обществу и культуре свойственны определённые термины и концепции, которые Адорно называет «жаргоном» (Адорно, 2020). Язык противопоставлен жаргону (Хоркхаймер, Адорно, 1997, 159). Складывается иллюзорная картина мира, которую формирует субъект и интерпретирует мир согласно ей.

Тезисы, которые обосновывали франкфуртцы, позволяют осмыслить социальные проблемы современного общества, в том числе через речь. Особое внимание уделяется вопросам идеологии, подлинности, разрушения, рациональности. Все эти факторы – контекст для бытования языка, при помощи которого эти проблемы становятся очевидны. Язык является способом формирования идеологии и манипуляции. В свою очередь, «языковые привычки» (Адорно, 2001, с. 288) выдают авторитарную личность. Демагогическая речь не только характеризуется агрессивным напором, но и может обладать «елейностью», иметь «личностный характер» для реципиента (Адорно, 2001, с. 312, 366). Апелляция к традиции, корням, почве – основа популистского дискурса, который исследуется на современном материале в контексте критического и исторического дискурс-анализа. Например, Водак пишет о правом популизме. С учётом того, что новояз бинарен и включает политический контекст (это не означает, что субъект его понимает и верно интерпретирует), возможные бинарные оппозиции новояза могут быть такие: правые – левые, консерваторы – либералы. В разных национальных политических культурах эти дихотомии могут иметь своё наполнение. В данном случае речь может не идти о чётком вписывании в идеологический спектр, ибо «говорящий субъект», используя новояз, выходит за пределы академизма. Однако определённые маркеры в примерах увидеть можно, особенно если учесть максимально показательные концепты. Например, в качестве маркера будет поддержка или критика следующих кейсов: либеральные реформы 1990-х гг.; появление новых слов в русском языке; проблема миграции и др.

Действительно, «язык конструирует... системы символических представлений» (Бергер, Лукман, 1995, с. 70). Бергер и Лукман далее уточняют, что прежде всего речь идёт о религии, философии, науке, искусстве. Также важно, что именно институты контролируют производство и передачу значений. Однако, в частности, и СМИ (в том числе их электронные версии), и в целом Интернет также вписываются в специфику современного общества как об-

щества плюралистичных социальных институтов. «Понимание языка существенно для понимания реальности...» (Бергер, Лукман, 1995, с. 65). В случае параллельных языковых реальностей в условиях многообразия потенциально возможных источников информации складывается противоречивая ситуация: с одной стороны, «говорящий субъект», казалось бы, может быть свободен в выборе позиции, с другой – такая потребность может отсутствовать. Результатом становится кризис значений и то, что в современном обществе сохраняется только минимум ценностей, которые разделяются безусловно. Новояз сопровождается безапелляционностью в споре, отсутствием стремления принять сторону оппонента, крайними оценками.

Через современный новояз можно скрыто манипулировать, но также можно быть в открытом клинче. При этом ссора, спор – тоже могут быть элементом манипуляции, стремлением навязать свой дискурс с помощью неопровергаемых конспирологических теорий, поисков «козлов отпущения» (Водак, 2018, с. 9). В конечном счёте новояз участвует в процессе создания симулякров. Имитация политической реальности, игнорирование законов науки, неспособность науки сохранять нейтральность – всё это ведёт к подмене оригинальных форм. Симулякры (Бодрийяр, 2015) создают реальность, которой «говорящему субъекту» может быть достаточно.

Как квазиполитический дискурс современный новояз отличается в своём генезисе от новояза тоталитарных обществ. Если в XX в. такой язык был порождением власти в прямом смысле слова, то в условиях горизонтальной интернет-коммуникации точки порождения власти дискурса могут быть повсюду. В этой связи плодотворными являются идеи Мишеля Фуко, посвящённые дискурсу и власти. Дискурс, который высказывается субъектом посредством новояза, как бы опосредует самому субъекту. «Мне давно уже предшествует голос без имени» (Фуко, 1996, с. 49). С точки зрения Фуко, дискурс определяется не только типом, но и эпохой (Фуко, 1996, с. 26). В этой связи новояз можно считать симптомом времени, культуры и политики в данный момент. В пользу такого тезиса говорит и то, что у Фуко понятие «эпистема» постепенно сменилось «дискурсом», сохранившим признаки эпистемы. Производство знания происходит через дискурсивные практики. Знание «говорящего субъекта», отстаивание той или иной позиции отражают стремление к обладанию дискурсом. Но сам дискурс, его направление, присущие ему акценты носят конкретно-исторический характер. Говоря другими словами, такой новояз не мог возникнуть в другое время.

Новояз свидетельствует о проблемах социального неравенства, позволяет выявить стигматизированные группы, неодобряемые ситуации. На уровне новояза, суммировавшего политический дискурс, повседневный разговор, визуальные образы, публикации в СМИ и комментарии к ним, воспроизводятся стереотипы

и предубеждения. Знание всегда связано с социальной и политической властью. М. Фуко, как и Т. ван Дейк, пишет о способах контроля и сущности власти. С одной стороны, существует власть элит, в том числе интеллектуалов. Построение знания и осуществление власти оказываются связанными (Дейк, 2013 с. 28, 56; Фуко, 2005, с. 268). В отличие от политиков, которые могут руководствоваться субъективными решениями, учёные должны производить объективные знания. Однако и в этом случае транслируемые знания не являются непреложной истиной, а представляют собой результат социокультурных и властных отношений, которые формируют дискурсивные практики. Но если критика политического деятеля для обывателя может казаться естественной, то воспринять с критических позиций текст учёного сложнее. В этой связи использование новояза в педагогическом или научном дискурсе может иметь особое влияние на реципиента. Этот момент усиливает критику языка науки, которая с точки зрения философии не нова. И в современных условиях С. Жижек отмечает, что существует иллюзия научного дискурса как «дискурса чистого описания фактичности» (Жижек, 2008, с. 139-140). Поэтому появление в речи или тексте, претендующих на научность, эмоционально окрашенных концептов показывает влияние современного новояза, его пластичность и способность заполнять все ниши. Новояз строится на ритуальных фразах и тезисах, не имеющих научных причинно-следственных связей, что указывает на манипулятивное и идеологическое содержание такого языка.

В современном обществе властвование не только включает в себя прямое принуждение, но и имеет опцию моделирования актуальной ситуации в обществе. У таких понятий, как объективность, непредвзятость, авторитетность, истинность, есть релятивные критерии, и они подвижны. Как следствие, «говорящий субъект» лишён субъектности и выбора. С другой стороны, на уровне локального решения субъект может использовать процедуры исключения, о которых писал Фуко: запрет, разделение и отбрасывание (Фуко, 1996, с. 52). Эти процедуры вполне применимы к поведению в Сети: современным эквивалентом будет являться понятие «бан». Субъекта исключают из общения, поместив в чёрный список за точку зрения или форму её представления, не соответствующие группе.

В этой связи метафора безумия продолжает быть актуальной. Сумасшедшие в своём статусе сменили прокажённых. «Роль, когда-то принадлежавшую прокажённому, возьмут на себя бедняки, бродяги, уголовные преступники и “повредившиеся в уме”»; мы увидим, какого рода спасения ждут от своего исключения и они сами, и те, кто их исключает. Все формы этого исключения сохранятся, хоть и наполнятся, в рамках совершенно иной культуры, совсем новым смыслом» (Фуко, 2010, с. 15). В сетевом поведении также могут быть группы, находящиеся на периферии общества и не соответствующие доминирующим нормам и правилам. В этой

связи они являются объектом контроля и власти. Как следствие, сама Сеть и особенности коммуникации в ней могут быть представлены как концепт «ризомы – паноптикон» (Делёз, Гваттари, 2010; Фуко, 2015).

Образ подземного горизонтального стебля, который распространяется под поверхностью земли и создаёт новые ростки, напоминает связь между онлайн- и офлайн-пространством. Социальные сети развиваются горизонтально и формируют новые связи и отношения между «говорящими субъектами». У ризомы нет центра или иерархии, она состоит из множества узлов, которые могут быть соединены друг с другом в разных комбинациях и конфигурациях. Сети состоят из множества людей, которые могут связываться друг с другом по своему желанию. Как и ризома, Сеть адаптивна, она учитывает изменения в обществе и новые технологии. Однако у видимой децентрализации есть обратная сторона. Ризома может быть источником неопределённости и непредсказуемости. Социальные сети могут создавать сложности в управлении и контроле, поскольку не подчиняются традиционным иерархическим структурам, а формируют свою структуру. Несмотря на отсутствие чёткой иерархии и центрального контроля, есть общее правовое пространство, о котором шла речь в начале статьи, а также отдельные правила групп и частные решения модераторов. Такая особенность позволяет сравнить Сеть с паноптиконом.

Архитектура паноптикона предполагает видимость всех элементов. Это создаёт ощущение постоянного наблюдения и контроля, что ведёт к самоконтролю и подчинению со стороны «говорящих субъектов». Речь идёт и о стремлении к репрезентации себя в определённом свете с целью получить одобрение, и о регламентации со стороны права. Как и в паноптиконе, в социальных сетях люди могут ощущать необходимость подчиняться определённым нормам и ограничениям, чтобы соответствовать ожиданиям других пользователей. Они могут ограничивать своё поведение и выражение мнения, опасаясь исключения, негативных реакций или потери популярности. Такое сочетание характеристик Сети обуславливает агрессивное поведение «говорящего субъекта», находящегося в борьбе за дискурс с Другим.

Биологические метафоры используются в новоязе при обвинении оппонента в определённой физической, интеллектуальной, сексуальной неполноценности. Например, такие иронично-оскорбительные выражения, как «демшиза», «гейропа», «либерасты», «православнутые», с позиции «говорящего субъекта» откровенно указывают на расстройства субъектов, которым приписываются эти наименования. Вместе с тем эти слова обличают радикальный характер, свойственный отдельным идеологиям, системам ценностей.

Использование тех или иных характеристик в ментальных репрезентациях субъектов связано с тем, что составные элементы включают в себя «нормальные» случаи: так Дж. Лакофф характе-

ризует стереотипы и значения по умолчанию, которые заполняют у индивида недостаток информации (Лакофф, 2004, с. 160, 161). В этой же канве стоит упомянуть Р. Водак. Описывая процедуру конструирования образа Другого (того, к кому обращается или о ком говорит «говорящий субъект», используя новояз), она вслед за Т. Адорно связывает понятия идентичности и идеологии, а также отмечает, что радикальная речь в правопопулистском дискурсе включает одобрительное отношение к нативистической политике тела (Водак, 2018, с. 147, 148).

Апелляция к традиции, обращение к истокам усиливают процессы включения и исключения своих и чужих. Деление на нас и их не только свойственно политическому дискурсу в его классической форме (по материалам речей политиков), но и находит проявление в речи обывателей, никак не связанных с профессиональной политической деятельностью. В этом случае современный новояз, в отличие от языка XX в., часто представлен спорадическими выражениями, не имеющими развёрнутых форм обоснования своей позиции. Хотя следует отметить, что некоторые субъекты пишут большие тексты с обоснованием своей позиции, но в ответ могут получить короткий агрессивный ответ, в котором будет новояз с обценными корнями.

С одной стороны, нативистическая политика тела связана с концепцией биополитики, используемой М. Фуко. Оба понятия относятся к управлению и контролю над телесностью и жизнью людей в рамках политической власти. Рассуждения в Сети о гендерных ролях мужчин и женщин, проблеме аборт и о других темах, связанных с приватной сферой человека, указывают на их чувствительность для «говорящих субъектов», на их маркерный характер для определения своих и чужих. С учётом децентрализации, рассредоточения власти не государство, а анонимный субъект берёт на себя миссию по управлению биополитикой и даже некрополитикой, даёт оценки истинности и ложности критериям «нормального» поведения. С другой стороны, концепт «тело» и биологические метафоры являются важным инструментом для понимания норм и табу с точки зрения самого «говорящего субъекта» — того, что в его представлении является «здоровым» или «больным» обществом, исходя из представлений о человеческом теле. Метафорические образы и ассоциации необходимы, чтобы понять и описать мир. Показательно, что в ряду особо чувствительных тем «говорящий субъект» использует обценную лексику, которая усиливается метафорами агрессии или сексуальности.

Таким образом, новояз может стать предметом изучения со стороны разных наук и подходов. Философский уровень осмысления темы позволяет погрузить новояз в контекст проблемы идеологии, идентичности «говорящего субъекта». Философская концепция новояза базируется на критической традиции и когнитивизме, позволяющих составить представление о роли языка на внешнем (культура) и внутреннем (мышление) модусах. Новояз является

примером комплексного разноуровневого квазиполитического дискурса. Носители новояза могут быть охарактеризованы в терминах авторитарной личности. Составные элементы и характеристики современного новояза можно представить следующим рядом: совокупность языка вражды, языковой игры, олбанского, англицизмов, неологизмов, криминального арго, обценной лексики. Уровни реализации новояза могут быть определены по разным критериям: сферам жизнедеятельности, хронологии, а также таким реперным точкам, как исторические термины, прецедентные феномены. Тот факт, что новояз вышел за пределы Сети, во-первых, говорит о том, что это не только интернет-сленг, а во-вторых, позволяет наблюдать в обществе серьёзные перемены, которые можно фиксировать через язык. Кроме того, онлайн-культура, представленная коммуникацией в Сети, адаптирует закономерности функционирования офлайн-пространства, сближая онлайн и офлайн посредством социальных закономерностей существования общества: выстраивания иерархий, формирования социальных групп и создания социальных норм.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

- Адорно, 2001 – *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности / Ред. В.П. Култыгин. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.
- Адорно, 2020 – *Адорно Т.* Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2020. 192 с.
- Андрюхина, 2013 – *Андрюхина Т.В.* Язык власти и власть языка: политический дискурс // *Право и управление. XXI век.* 2013. № 3 (28). С. 62-69.
- Бергер, Лукман, 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Бодрийяр, 2015 – *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
- Вершило, 2017 – *Вершило Р.* Политическая речь. Программа исследований. М.: Антимодернизм.Ру, 2017. 119 с.
- Витгенштейн, 2010 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2010. 347 с.
- Витгенштейн, 2017 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
- Водак, 2018 – *Водак Р.* Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Харьков: Издательство «Гуманитарный центр», 2018. 404 с.

Грачёв, 2009 – *Грачёв М.* Интервенция криминального языка // Наука и жизнь. 2009. № 4. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/15574> (дата обращения: 15.08.2023).

Гробаневский, 2013 – *Гробаневский М.В.* Заметки о топонимическом новоязе // Возвращая Россию. Восстановление исторических названий, памятников и других утраченных культурных ценностей. СПб.: Алетей, 2013. С. 259-270.

Гусейнов, 2004 – *Гусейнов Г.Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004. 272 с.

Дейк, 2013 – *Дейк, Т. ван.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

Делёз, Гватари, 2010 – *Делёз Ж.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Я.И. Свирский; ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

Евласьев, Бондаренко, 2021 – *Евласьев А.П., Бондаренко Е.В.* Особенности современного политического новояза (на материале английского языка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 148-150.

Жижек, 2008 – *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Издательство «Европа», 2008. 516 с.

Земцов, 1985 – *Земцов И.Г.* Советский политический язык = Soviet political language. L.: Overseas publ. interchange, 1985. 431 с.

Клемперер, 1998 – *Клемперер В.* ЛТ1. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / Пер. с нем. А.Б. Григорьев. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.

Кронгауз, 2013. *Кронгауз М.* Самоучитель Олбанского. М.: АСТ: Corpus, 2013. 416 с.

Кронгауз, 2023. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Издательство АСТ: Corpus, 2023. 512 с.

Лакофф, 2004 – *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении? / Пер. с англ. И.Б. Шатуновский. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Пикабу, 2023 – *Пикабу.* URL: <https://pikabu.ru> (дата обращения: 15.08.2023).

Политический жаргон, 2023 – Политический жаргон. URL: <https://ru.wiktionary.org/> (дата обращения: 15.08.2023).

Савина, 2023 – *Савина Т.В.* Русский язык советского типа: к определению понятия // Сибирский филологический журнал. 2023. №1. С. 297-310.

Серио, 1999 – *Серио П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 337-384.

Словарь перемен, 2015 – Словарь перемен – 2014 / Сост. М. Вишневецкая. М.: Три квадрата, 2015. 224 с.

Словарь перемен, 2018. – Словарь перемен – 2015-2016 / Сост. М. Вишневецкая. М.: Три квадрата, 2018. 248 с.

Словарь политической (патологической) речи, 2023 – Словарь политической (патологической) речи. URL: <https://dvagrada.ru/wiki> (дата обращения: 15.08.2023).

Титков, 2019 – *Титков А.С.* Новые практики дня Победы: макросоциологическое объяснение // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2. № 1-2. С. 206-229.

Фуко, 1996 – Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47-96.

Фуко, 2005 – Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / Пер. с франц. И. Окунева; ред. Б.М. Скуратов. М.: Праксис, 2005. 320 с.

Фуко, 2010 – Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. 698 с.

Фуко, 2015 – Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.

Хоркхаймер, Адорно, 1997 – Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения, философские фрагменты. М. – СПб.: «Медиум», «Ювента», 1997. 312 с.

Экштут, 2022 – Экштут С. Почему бендеровцы стали бендеровцы? URL: <https://rg.ru/2022/03/02/otklik-rodiny-pochemu-benderovcy-stali-banderovcami.html?ysclid=llc80pt9ie282363766> (дата обращения: 15.08.2023).

Hyun, 2017 – Hyun N.H. Язык и власть: «новый новояз» постсоветского периода // *Studia Slavica Hung.* 2017. № 62. С. 355-369.

Bracha, 2022 – Bracha G. Newspeak Programming Language Draft Specification Version 0.104. URL: <https://newspeaklanguage.org/spec/newspeak-spec.pdf> (дата обращения: 04.03.2022).

Crawford, Keen, Suarez de-Tangil, 2020 – Crawford B., Keen F., Suarez de-Tangil G. Memetic Irony and the Promotion of Violence within Chan Cultures. Full report. Centre for Research and Evidence on Security Threats. UK: Economic and Social Research Council (ESRC), 2020. 48 p.

Ferrara, 2019 – Ferrara E. Bots, elections, and social media: a brief overview. URL: <https://arxiv.org/pdf/1910.01720.pdf> (дата обращения: 1.09.2023).

Gibson, Carden, 2021 – Gibson M., Carden C. The Moral Uncanny in Black Mirror. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. 195 p.

Her, Zharova, 2017 – Her S.-Y., Zharova M. Post-irony against meta-irony // The Philosopher's Meme. URL: <https://thephilosophersmeme.com/2017/03/10/post-irony-against-meta-irony> (дата обращения: 10.01.2023).

Kim, Guess, Nyhan, Reifler, 2021 – Kim J. W., Guess A., Nyhan B., Reifler J. The distorting prism of social media. How self-selection and exposure to incivility fuel online comment toxicity // *Journal of Communication*. URL: <http://hdl.handle.net/10871/126976> (дата обращения: 10.01.2023).

Mao, Chen, Zhang, Guerin, Cambria, 2023 – Mao R., Chen G., Zhang X., Guerin F., Cambria E. GPTEval: A Survey on Assessments of ChatGPT and GPT-4. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.12488v1.pdf> (дата обращения: 1.09.2023).

Matamoros-Fernandez, Farkas, 2021 – Matamoros-Fernandez A., Farkas J. Racism, hate speech, and social media: a systematic review and critique // *Television & New Media*. Vol. 22 (2). Pp. 205-224.

Mojica, 2016 – Mojica L. G. Modeling Trolling in Social Media Conversations. URL: <https://arxiv.org/pdf/1612.05310.pdf> (дата обращения: 2.10.2023).

Mondal, Silva, Benevenuto, 2017 – Mondal M., Silva L. A., Benevenuto F. A measurement study of hate speech in social media. URL: <https://people.cs.uchicago.edu/~mainack/publications/hatespeech-ht-2017.pdf> (дата обращения 2.10.2023).

Ropoly, 2018 – Ropoly L. Toward a philosophy of the Internet // Philosophy and Computers. Vol. 17. No. 2. Pp. 40-49.

Wahlqvist, 2013 – Wahlqvist T. Speaking about newspeak teaching democracy, critical thinking and language through nineteen eighty-four // Gothenburg University Library. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/35175> (дата обращения: 10.01.2023).

References

Adorno, T. (2001). *The Study of the Authoritarian Personality*. Silver threads Publ. (In Russian)

Adorno, T. (2020). *Jargon of Authenticity. About German Ideology*. "Canon +" ROII "Rehabilitation" Publ. (In Russian)

Andriukhina, T. V. (2013). The language of power and the power of language: political discourse. *Law and Governance. XXI century*, 3 (28), 62-69. (In Russian)

Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and Simulations*. Publishing House "POSTUM". (In Russian)

Berger, P., Lukman, T. (1995). *Social Construction of Reality. A treatise on the sociology of knowledge*. Medium Publ. (In Russian).

Bracha, G. (2022). *Newspeak Programming Language Draft Specification Version 0.104*, from <https://newspeaklanguage.org/spec/newspeak-spec.pdf>.

Crawford, B., Keen, F., Suarez de-Tangil, G. (2020). *Memetic Irony and the Promotion of Violence within Chan Cultures. Full report*. Centre for Research and Evidence on Security Threats. UK: Economic and Social Research Council (ESRC).

Deleuze, J. A. (2010). *Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. U-Factoria Publ, Astrel Publ. (In Russian)

Dictionary of Political (pathological) speech, from <https://dvagrada.ru/wiki> (accessed: 08/15/2023). (In Russian)

Ekstut, S. (2022). *Why did the Banderites become Banderites?* From <https://rg.ru/2022/03/02/otklik-rodiny-pochemu-benderovcy-stali-banderovcami.html?ysclid=llc80pt9ie282363766>. (In Russian)

Evlasyev, A.P., Bondarenko E.V. (2021). Features of the modern political newspeak (based on the material of the English language). *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 1, 148-150. (In Russian)

Ferrara, E. (2019). *Bots, elections, and social media: a brief overview*, from <https://arxiv.org/pdf/1910.01720.pdf>.

Foucault, M. (1996). The order of discourse. *The Will to truth: beyond knowledge, power and sexuality*. 47-96. Kastal Publ. (In Russian)

Foucault, M. (2005). *Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews. Part 2*. Praxis Publ. (In Russian)

Foucault, M. (2010). *The History of madness in the classical era*. ACT MOSCOW Publ. (In Russian)

Foucault, M. (2015). *To supervise and punish. The Birth of prison*. Ad Marginem Press. (In Russian)

Gibson, M., Carden, C. (2021). *The Moral Uncanny in Black Mirror*. Palgrave Macmillan Publ.

Grachev, M. (2009). Intervention of criminal language. *Science and life*, 4, from <https://www.nkj.ru/archive/articles/15574/?ysclid=llers2dkzh938330243> (accessed: 08/15/2023). (In Russian)

Grobanevsky, M.V. (2013). Notes on toponymic Newspeak. *Returning Russia. Restoration of historical names, monuments and other lost cultural values.* 259-270. Aleteya Publ. (In Russian)

Her S.-Y., Zharova M. (2017). Post-Irony against Meta-Irony. *The Philosopher's Meme*, from <https://thephilosophersmeme.com/2017/03/10/post-irony-against-meta-irony>.

Horkheimer, M., Adorno, T. (1997). *Dialectics of enlightenment, philosophical fragments*. "Medium" "Juventus" Publ. (In Russian)

Huseynov, G. Ch. (2004). *Soviet ideologems in the Russian discourse of the 1990s*. Three Squares Publ. (In Russian)

Hyun, N.H. (2017). Language and power: "new newspeak" of the post-Soviet period. *Studia Slavica Hung*, 62, 355-369. (In Russian)

Kim, J. W., Guess, A., Nyhan, B., Reifler, J. (2021). The Distorting Prism of Social Media How Self-Selection and Exposure to Incivility Fuel Online Comment Toxicity. *Journal of Communication*, from <http://hdl.handle.net/10871/126976>.

Klemperer, V. (1998). *LTI. The language of the Third Reich*. Notebook of a philologist. Progress-Tradition Publ. (In Russian)

Krongauz, M. (2021). *Russian language on the verge of a nervous breakdown*. Corpus Publ. (In Russian)

Krongauz, M. (2013). *Self-study of Olbansky*. Corpus Publ. (In Russian)

Lakoff, J. (2004). *Women, Fire and Dangerous things: What the categories of language tell us about thinking*. Languages of Slavic culture Publ. (In Russian)

Mao, R., Chen, G., Zhang, X., Guerin, F., Cambria, E. (2023). *GPTEval: A Survey on Assessments of ChatGPT and GPT-4*, from <https://arxiv.org/pdf/2308.12488v1.pdf>.

Matamoros-Fernandez, A., Farkas, J. (2021). Racism, Hate Speech, and Social Media: A Systematic Review and Critique. *Television & New Media*, 22(2), 205–224.

Mojica, L.G. (2016). *Modeling Trolling in Social Media Conversations*, from <https://arxiv.org/pdf/1612.05310.pdf>.

Mondal, M., Silva, L.A., Benevenuto, F. (2017). *A Measurement Study of Hate Speech in Social Media*, from URL: <https://people.cs.uchicago.edu/~mainack/publications/hatespeech-ht-2017.pdf>.

Peekaboo, from <https://pikabu.ru>. (In Russian)

Political jargon, from <https://ru.wiktionary.org>. (In Russian)

Ropoly, L. (2018). Toward a Philosophy of the Internet. *Philosophy and Computers*, 17, 2, 40-49.

Savina T.V. Russian language of the Soviet type: to the definition of the concept. *Siberian Philological Journal*, 1, 297-310. (In Russian)

Serio, P. (1999). Russian language and analysis of Soviet political discourse: analysis of nominalizations. *Quadrature of meaning: The French school of discourse analysis*. 337-384. JSC IG "Progress" Publ. (In Russian).

Ten, v. Dake. (2013). *Discourse and power: Representation of dominance in language and communication*. Publishing house "LIBROCOM" Publ. (In Russian).

Titkov, A.S. (2019). New practices of Victory Day: a macrosociological explanation. *Folklore and anthropology of the city*, 2, 1-2, 206-229.

Vershillo, R. (2017). *Political speech. Research program*. Antimodernism.ru Publ. (In Russian)

Vishnevetskaya, M. (2015). *Dictionary of Changes – 2014*. Three squares Publ. (In Russian)

Vishnevetskaya, M. (2018). *Dictionary of Changes – 2015-2016 (2018)*. Three squares Publ. (In Russian)

Vodak, R. (2018). *The Politics of Fear. What does the discourse of right-wing populists mean?* Publishing house "Humanitarian Center" Publ. (In Russian)

Wahlqvist, T. (2013). Speaking about Newspeak Teaching Democracy, Critical Thinking and Language through Nineteen Eighty-Four. *Gothenburg University Library*, from <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/35175>.

Wittgenstein, L. (2010). *Philosophical studies*. Astrel Publ. (In Russian)

Wittgenstein, L. (2017). *Logical and philosophical treatise*. Canon + ROOI "Rehabilitation" Publ. (In Russian)

Zemtsov, I. G. (1985). *Soviet political language = Soviet political language*. Overseas publ. interchange Publ. (In Russian)

Zizek, S. (2008). *The rupture device. Parallax vision*. Publishing house "Europe" Publ. (In Russian)

УДК 14

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-105-117

НОМО URBANUS В МОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ БЫТИЯ: ПРОБЛЕМА ЧАСТИ И ЦЕЛОГО

Трубина Наталья Алексеевна – кандидат философских наук. Московский городской педагогический университет. Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4; e-mail: Trubina-481@mgpu.ru, ORCID: 0000-0002-2845-6929

Современная философская мысль о бытии человека плюралистична. Объяснение природы человеческого бытия представляет собой синтез понятий, заимствованных как из традиционных учений, направленных на поиски сущности человека и сформированных в рамках эссенциализма, так и из развивающихся направлений философской мысли (таких как экзистенциализм и постмодернизм), основывающихся на идеях динамики в бытии человека и отражающих в себе смену социальных ролей, поиски смыслов существования. Многообразие имеющихся методологических подходов к бытию человека нередко сводит область исследования к релятивизму, но при этом вопросы о природе бытия и сущности человека остаются открытыми.

Бытие современного человека разворачивается преимущественно по законам многообразной, разноректорной, сложной городской жизни. Для обоснования проблемы бытия homo urbanus требуется новое методологическое решение, которое содержится внутри самой онтологии. Это позволит целостно изучить бытие современного «городского» человека, объясняя при этом вариативность проявлений человеческого бытия. Обращение к модальному дискурсу позволяет увидеть в бытии современного городского человека актуальный, потенциальный, виртуальный уровни, которые свёрнуты друг в друга, и рассмотреть их в единстве. Модальный дискурс объясняет вариативность сущности городского человека, которая возможна при переходах от одного уровня к другому, что проявляется в актуализации возможностей, выборе социальных ролей, поисках личностного Я.

Ключевые слова: homo urbanus, бытие человека, вариативность, город, единство, методология, модальность, модус, целостность

Цитирование: Трубина Н.А. Номo urbanus в модальном дискурсе бытия: проблема части и целого // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 3. С. 105-117. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-105-117

Рукопись получена: 3 августа 2023

Пересмотрена: 22 сентября 2023

Принята: 25 сентября 2023

HOMO URBANUS IN THE MODAL DISCOURSE OF BEING: THE PROBLEM OF PART AND WHOLE

Natalya A. Trubina – PhD in Philosophy. Moscow City Pedagogical University. 2nd Selskoshyaystvenny proezd, 4, 129226 Moscow, Russian Federation;
e-mail: Trubina-481@mgpu.ru,
ORCID: 0000-0002-2845-6929

Modern philosophical thought about the existence of man is pluralistic. The explanation of the nature of human existence is a synthesis of the understandings borrowed from both traditional teachings, which have emerged within essentialism and focus on searching for the essence of man, and developing trends such as existentialism, postmodernism, based on the ideas of dynamics in human existence and reflecting the change of social roles and the search for the meanings of existence. The variety of available methodological approaches to human existence often reduces the field of research to relativism, but, at the same time, the questions about the nature of being and the essence of man remain open. The existence of modern man unfolds mainly according to the laws of diverse, multi-vector, complex urban life. To substantiate the problem of the existence of homo urbanus, a new methodological solution is required, which resides within the ontology itself. This will provide a holistic study of the existence of a modern “urban” person, explaining at the same time the variability of the manifestations of human existence. The appeal to the modal discourse allows us to see the actual, potential, virtual levels in the being of a modern urban person, which are folded into each other, and consider them in unity. Modal discourse explains the variability of the essence of an urban person that is possible during the transitions from one level to another, which manifests itself in the actualization of opportunities, the choice of social roles, and the search for a Self.

Keywords: homo urbanus, human being, variability, city, unity, methodology, modality, modus, integrity

How to cite: Trubina, N.A. (2023). Homo urbanus in the modal discourse of being: the problem of part and whole, *The Digital Scholar: Philosopher’s Lab*, 6 (3): 105-117. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-105-117 (In Russian)

Received: 3 August 2023

Revised: 22 September 2023

Accepted: 25 September 2023

Введение

Изучение природы человеческого бытия сопутствует всей истории философской мысли. В различные периоды развития философии складывались различные представления о бытии человека. Природа бытия понималась либо через неизменную характеристику человека – сущность – такой подход оформился впоследствии в эссенциализм. Либо она объяснялась как процесс существования, направленный на поиски сущности бытия – такие взгляды получили своё развитие в рамках экзистенциализма. Противоречия между

идеями экзистенциализма и эссенциализма стали основой фрагментарных представлений о человеческом бытии в философии постмодерна, где человек рассматривался в контексте быстро меняющегося мира, в котором нужно примерять различные модели существования, утрачивая своё Я. В целом актуальный методологический принцип деструкции сводит понимание бытия к чему-то раздробленному и неустойчивому, отрывает его от сущностных характеристик человека. Таким образом, в истории философии сформировался релятивистский подход к толкованию бытия человека, лишённый онтологического единства в понимании вариативности бытия.

Понимание бытия человека: эволюция и столкновение подходов

Со времён Античности и до конца XIX в. проблема бытия человека не существовала как отдельная, значимая сама по себе. Совокупность представлений о человеческом бытии сводилась к корреляции с всеобщим бытием, которое отождествлялось с сущностью. Сущность представляет собой основание бытия, ядро, единство, концентрат смыслов, имеет свойство проявлений в бытии. Человек понимался как неотъемлемая часть действительного мира, наряду с природой и вещами. Позиции мыслителей в отношении природы человека трансформировались со сменой эпох, неизменным оставалось лишь само бытие, познаваемое через сущность, которая определялась атрибутивными значениями, характерными для конкретной исторической эпохи. Так, понимания сущности человека сводились к атрибутивно-функциональным свойствам, которые принадлежали исключительно человеку и подчёркивали особенности его бытия как уникального вида: *homo sapiens* (человек разумный), *homo politicus* (человек политический), *homo liber* (человек свободный), *homo insipiens* (человек неумелый). Общей чертой эссенциального подхода к познанию бытия человека и его сущности является отождествление атрибутивных функций человека (части) с его сущностью (целым), что редуцирует понимание бытия, сводит его до одной частной характеристики. При этом методологические основания эссенциализма (понимание объектов в их сущности) являются традицией онтологического дискурса и базируются на языке философии, лишённом заимствований из других видов познания.

В XX в. проблема бытия человека становится центральной в экзистенциализме. Отказ от поиска универсальной сущности направляет взгляд философов на само существование человека. Проблема бытия приобретает смысл лишь как проблема человеческого бытия. Вектор такого понимания бытия человека был задан Ф. Ницше, который объяснял существование человека через идею его несовершенства как биологического вида: «Человечество, как и всякий другой животный вид, изобилует неудачными экземплярами, больными, вырождающимися, хилыми, страждущими по необхо-

димости; удачные случаи также и у человека являются всегда исключением, и, принимая во внимание, что человек есть ещё не установившийся животный тип» (Ницше, 2020, с. 615). Осознание отдельных фрагментов действительности, их неподлинности и стремления к совершенству становится самым значимым для человека, так как направляет его на поиски подлинной сущности бытия. Бытие, зафиксированное в «точке» актуального, задаёт условия для поиска смыслов. Такой взгляд у М. Хайдеггера объясняется категорией *Dasein*, которая переводится как «вот-бытие», «здесь-бытие». «Сущность *Dasein* лежит в его экзистенции» (Хайдеггер, 2002, с. 42), что подтверждает абсолютизацию фрагментарной природы бытия и доминирующую роль модальности актуального для экзистенциальной философии. Пограничные ситуации, описанные экзистенциалистами и представлявшие собой критические фрагменты бытия (такие как страх и одиночество у С. Кьеркегора, страх смерти у М. Хайдеггера, тошнота, одиночество и тревога у Ж.-П. Сартра, чувства скуки, абсурда и тоски у А. Камю, вины – у К. Ясперса), подталкивают человека на поиски сущности бытия, заставляют искать возможные варианты смыслов бытия, которые свёрнуты в потенции и в актуальном бытии не представлены. Важен не результат поиска сущности, а сам процесс, в котором обнаруживается неполнота бытия, так как актуализируется лишь один из вариантов сущности бытия (часть), который проявляется в наличном (актуальном) бытии. Современные философские и социологические коннотации, характеризующие бытие человека, представлены в следующих вариантах: *homo faber* (человек деятельный), *homo symbolicus* (человек символический), *homo viator* (человек странствующий), *homo ludens* (человек играющий), *homo consumens* (человек потребляющий), *homo universalis* (человек универсальный), *homo soveticus* (человек, зависящий от государства). Обнаруживаются общие черты современного подхода к пониманию человека – постижение атрибутивной функции, подчёркивающей процессуальность, что сводится к актуальному модусу бытия, то есть к тому, что есть в действительном: «Бытие представлено через онтологический предикат “быть”» (Трубина, 2012, с. 134). Отсюда следует, что в экзистенциальном подходе актуальные атрибутивно-функциональные проявления человека (части) находятся в непрерывном процессе и не сводятся к неизменной глубинной внутренней характеристике – сущности (целому).

В постмодернистском дискурсе методологической основой понимания бытия, объяснения сущности человека становится деструкция, любые признаки холистического подхода трактуются как не имеющие смысла. Бытие человека в представлении постмодернистов имеет фрагментарный характер, теряется единый вектор его развития. Сложность постижения сущности и бытия обусловлена тем, что человек размывается во множестве своих атрибутивных свойств, так как отсутствует основание, которое предопределяло бы его развитие. Современный человек распадается на множество

Я в социальных, ценностных, мировоззренческих, деятельностных установках. Человек пребывает в ситуации непредсказуемости и парадоксальности своего будущего, он лишён смыслов бытия (Garifullin, 2018). В постмодернистском дискурсе отсутствует задача сборки и сведения к целостному и единому всего атрибутивного множества (частей).

Методологической особенностью современной философии, обусловленной сложностью изучения проблемы бытия человека, является заимствование методов и элементов языка из разных видов познания. В философию привносятся понятия и категории, которые операционально описывают фундаментальные философские проблемы, в том числе бытие человека.

Тенденция к пониманию бытия человека в динамике, развитии и желании охватить весь мир, расщепиться в нём на множество частей своего Я для современных мыслителей неслучайна. Причиной такого фокуса становятся мегатренды, которые определяются глобальными процессами, сопровождающимися ускоренной динамикой изменений во всех сферах общественной жизни. Мегатренды затрагивают все аспекты социального бытия, они меняют бытие людей в экономическом, политическом, социальном, духовном, научном, техническом, военном, демографическом аспектах. Одним из таких мегатрендов является урбанизация.

Город – современный формат бытия человека

Длительное время город символизировал целый мир, а во второй половине XX в. мир превратился в большой город (Mumford, 1970). Бытие города и бытие человека взаимообусловлены. Город представляет собой искусственно созданное человеком бытие, опосредованное от природы – антропогенный ландшафт, имеющий культурное оформление. Особенности городской среды уникальны, они оказывают влияние на формирование и развитие сущностных особенностей человека и при этом образованы спецификой бытия человека в городском пространстве. К ним относятся высокая плотность населения, максимальная концентрация объектов в пространстве, ускорение динамики повседневных процессов. Данные процессы обусловлены тем, что человек в городе движим желанием занять более высокое положение в социальной иерархии, стремится обрести определённый социальный статус и повысить его. Высокий темп жизни объясняется трудовой перегрузкой, направленностью на карьерную успешность, сокращением времени, проводимого в кругу семьи, неизбежной интенсификацией досуга (Горнова, 2010, с. 17-18). Город образует собой процессуальный и экзистенциальный конструкт человека, определяет его бытие и раскрывает сущностные качества. Город является «пространственностью человеческой жизни», так как «мы суть пространственные существа, постоянно коллективно продуцирующие пространства и места, территории и регионы, среды обитания. Этот

процесс производства пространственности, или “сотворения географии”, начинается с тела, с конструирования и функционирования Я, с человеческого субъекта как пространственного существа, вовлечённого в сложное отношение со своей средой. Наши действия и мысли оформляют пространство вокруг нас, но в то же время коллективно и социально спродуцированные пространство и места, в которых мы живем, так же оформляют наши действия и мысли» (Soja, 2007, p. 6). Город не просто образует атрибутивно-функциональные свойства, проявляющиеся в бытии человека, но и задаёт их вариативность, предоставляя человеку безграничные возможности выбора. Бытие города системообразует бытие горожан, определяет их ценности, мировоззрение, отношения, модели поведения, задаёт вариативность существованию, предоставляет возможности выбора быть кем-либо: «Атрибутивно определённый как “*homo urbanus*” полисный, городской человек дистанцирован от природных и геополитических угроз и, главное, от рекурсивной неопределённости бытия тем концептом реальности, который создаёт и транслирует город» (Савченко, Козлова, 2022, с. 192-193). Неопределённость возникает по причине непрерывных изменений как самого города, так и людей, прибывающих и выбывающих из него. Город образует условие также и для личностной неопределённости: «Город – большое скопление людей, где все обезличены, потеряны коммуникативные связи, которые определяют образ личности. Человек не ориентируется на представление о нём у других, он формирует собственное представление о себе, причём это представление обретает свойство гибкости – необходимого качества при смене локаций» (Горчакова, 2021, с. 29). Тенденция переселения людей в города отражается в градостроительстве, потребностях и возможностях города, увеличивается нагрузка на городскую инфраструктуру и энергоресурсы, появляется спрос на строительство жилья и транспортных артерий, создание «умных» домов и офисов, медицинских, образовательных, развлекательных учреждений. Таким образом, бытие города и бытие человека взаимобусловлены: человек создаёт и развивает город, а город задаёт векторы развития для человека.

Обратимся к пониманию человека в условиях городского бытия. Впервые понятие *homo urbanus* было предложено Г.В. Горновой. Под ним она понимает «“животное городское”, естественной средой обитания которого является антропогенный ландшафт города, скученность, насыщенность вещной среды, спешка которого порождает у этого “животного” развитый интеллект как приспособительный навык, изобретательность, страх, тошноту, агрессию и торможение» (Горнова, 2010; Горнова, 2011). В городе человек пребывает в двух направленностях: групповом сотрудничестве и иерархическом соперничестве, «которые образуют диалектическое единство, переходят одно в другое и выступают в качестве источника саморазвития вида» (Горнова, 2010, с. 17-18).

Изучение *homo urbanus* является обоснованным, так как оно обладает свойством сведения к единству тех характеристик человека, которые были даны в дискурсах эссенциализма, экзистенциализма и постмодернизма. Коннотации, предложенные эссенциалистами для понимания бытия человека, потеряли свою актуальность ввиду того, что в них заключена идея о неизменной, предопределённой сущности. Такие характеристики понимания человека имели свою значимость в период развития традиционного типа общества, уклад которого определялся консервативными ценностями, примитивными технологиями производства и преобладанием ручного труда, сословной организацией, низкой мобильностью, стабильностью социальной структуры общества. Предсказуемость и принятие установленного порядка в таком обществе позволяли понимать бытие и его явления, в том числе человека, как неразрывно-целостное, холистическое, не подлежащее изменениям актуальное, исключаящее вариативность.

***Как изучать природу бытия *homo urbanus*
в контексте соотношения части и целого?***

Для современных философов обращение к сущностному пониманию перестаёт быть актуальным, так как в быстро меняющихся реалиях становится принципиальным изучение процессуальной составляющей через актуальные явления бытия, при котором обращение к сущности утрачивает свой смысл, а холистический способ познания, взаимообусловленность части и целого исключаются. Преодолевая методологические столкновения подходов к пониманию бытия человека в истории философской мысли, современный дискурс требует гибкого и нелинейного метода, который бы позволил решить проблему части и целого, взаимообусловленности сущности и атрибутивно-функциональной составляющей, принимая во внимание все модусы бытия в условиях меняющегося мира.

Изучение городского человека снимает противоречия, сложившиеся в исторических парадигмах, так как город образует собой быстро меняющееся бытие, предоставляет человеку множество возможностей для актуализации, формирует его сущностные основы, которые коррелируют с проявляющимися атрибутивно-функциональными свойствами.

Познание бытия современного человека, большую часть своей жизни вращающегося в рамках городского дискурса (*homo urbanus*), требует интегративного методологического подхода, позволяющего обеспечить целостный взгляд на проблему, который исходил бы из понимания как сущности, так и атрибутивно-функциональных явлений и на актуальном, и на потенциальном уровнях и восстанавливал бы связь с традицией философского языка. Для решения данной задачи в контексте соотношения части и целого подходит модальный дискурс. Его истоки мы обнаружи-

ваем ещё в античной онтологии, в которой наблюдались схватывание вариативностей в единстве и объяснение проблемы в целостности.

Категория модальности является изначально философской, она сформировала себя преимущественно в конфигурации логики и онтологии. Обращение к фундаментальным категориям и понятиям онтологии в модальном ключе позволяет восстановить связь с традицией философского мышления и языка, снизить уровень неопределённости в понимании проблемы.

Философское обоснование модальности восходит к учению Аристотеля (Аристотель, 2023, с. 242-243) и было продолжено Б. Спинозой (Спиноза, 1957, с. 361), Г. В. Ф. Гегелем (Гегель, 1998, с. 179). Но целенаправленного методологического обобщения в предшествующие периоды развития философской мысли понятия «модус» и «модальность» не получили. Значительный вклад в развитие модального дискурса внесли современные российские и зарубежные исследователи: М. Эпштейн (Эпштейн, 2001), В.И. Моисеев (Моисеев, 2004), А.А. Мёдова (Мёдова, 2010; Мёдова, 2014), А. Кэррат, С. Джибб и Дж. Хейл (Carruth, Gibb, Neil, 2018), А. Казелло (Casello, 2012), Ф. П. К. Виейра и С. Мотта (Vieira, Motta, 2012), К. Хилл (Hill, 2006).

«Модальность» сегодня можно понимать как «модус модуса, или измерение измерения, так как модусы внутри себя организованы также модально – в виде форм и измерений. Метафорой и пространственной моделью модальной сущности является кристалл, в котором все грани просматриваются сквозь одну, и одна грань отражается во всех» (Мёдова, 2014, с. 40). Такое понимание соответствует специфике пространственно-временной динамики современного человека в условиях города: реального, потенциального и виртуального.

В условиях стремительной урбанизации методологическое обоснование модальности является эффективным для интерпретации объекта не как структурного, а как целостного – через его различные способы реализации, проекции, уровни и измерения. Объект, требующий модального подхода к изучению, включает в себе качество целостности, но он лишён составных частей, а имеет лишь уровни, способы реализации, измерения, проекции. Изучение такого объекта возможно лишь изнутри, что позволяет сохранить одновременно все его качества, существующие в различных регистрах. «Модальность как философская установка есть способ разложения одного объекта в определённый смысловой и качественный “спектр”. Суть модальности – обнаружение самоотношения объекта. Методология модальности улавливает предмет в его самосоотнесённости» (Мёдова, 2010, с. 38). Через модальный дискурс объект обнаруживается в единстве всех его качеств, которые свёрнуты друг в друга и в самом объекте, представляя целостность, и раскрываются по фрактальному принципу. Модальные объекты обладают общим признаком – наличием предиката «мочь» в онто-

логическом основании. Этот предикат предполагает существование другого модуса как уровня, плоскости, регистра в потенции.

Бытие городского человека соответствует характеристикам модального объекта, поскольку в нём свёрнуты уровни потенциального, виртуального и актуального. В актуальном модусе (действительности) человеку дано бытие города, в котором он реализует своё бытие. Актуальность определяет специфику города в настоящем, которая представлена как результат человеческого творчества, направленного на сам город как в физическом, так и социальном планах. Актуальный модус города формирует идентичность личности, определяет её социокультурный статус, позволяет выполнять в условиях города множество действий: мигрировать, работать, обеспечивать себя самым необходимым, потреблять, отдыхать, реализовываться, выстраивать коммуникацию с собой и миром (Препотенская, 2017, с. 44). Физически город даётся человеку через наполненность пространства объектами, имеющими непосредственное влияние на слуховую, зрительную, кинестетическую, мыслительную системы восприятия, определяя тем самым психическое и физическое состояние человека. Потенциальное бытие *homo urbanus* безгранично, оно определяется возможностями города. Город определяет возможности для развития человека в сфере искусства, образования и науки, именно в городе обнаруживается «интеллектуальная динамика» (Савченко, Козлова, 2022). Потенциальное бытие города задаёт вариативность социальных ролей, условия для реализации самоидентичности, которые позволяют человеку осуществлять выбор. Благодаря наличию человеческого сознания обнаруживается и ментальный неосознаваемый уровень, который позволяет человеку совершать онтологическое конструирование. Создание нового на уровне идей, образов, гносеологических конструктов возможно также благодаря наличию сознания у человека. На мыслимом уровне создаётся бытие в модальности виртуального (от лат. *virtus* – «мнимый», «воображаемый»). Так, существует метафизическая возможность, которая представляет собой модальное знание, доступное в мыслимом (Casello, 2012). Город не только существует в актуальной модальности, но и представлен для человека на уровне мыслимого как «чистое» восприятие и самопрезентация. Виртуальная модальность города задаётся политическим и социальным конструированием городского имиджа – образ города формируется его жителями и туристами и отражается в коммуникации. В коммуникации отражена знаковая сторона, присущая городу, происходит символический обмен. В игровом, информационном, также медийном пространстве город представляет виртуальную модальность бытия. Виртуальность города создаёт условия для развития человека на мыслительном уровне, позволяет развивать гносеологические возможности, усиливает значение процесса игры: «Бытие становится симулякром, игрой в подражание настоящему, ценному, через стремление к бытованию по заданным стандартам» (Новикова, 2017, с. 9).

Бытие городского человека разворачивается различными способами, в разных проекциях. Каждый уровень вбирает в себя другие уровни, и в целостности они представляют *homo urbanus*. Сущностная специфика бытия городского человека заключена в наличии нескольких модальных уровней, которые проявляются в переходах от одного к другому, являясь по отношению друг к другу модусами. Таким образом, бытие человека реализуется и характеризуется в условиях города во всех модусах, образуя целостность, которая обнаруживается как ставшее на уровне актуального, стремящееся к становлению и обнаружению на уровне потенциального и как мыслительный проект (имеющееся в сознании) на уровне виртуального.

Заключение

Ограниченность изучения бытия человека модусом актуального, который на протяжении истории философской мысли был доминирующим, в условиях тотальной урбанизации даёт односторонние и неполные знания о сущности бытия *homo urbanus*. Модальный дискурс позволяет обнаружить потенциальный уровень бытия *homo urbanus*, проявляющийся в реальности города через множественный выбор социальных ролей, бесконечный поиск личностного Я, миграцию и другие вариативности, тем самым расширить понимание о сущности городского человека. Модальное понимание снимает противоречия между сущностью городского человека и атрибутивно-функциональной составляющей, проявляющейся в актуальной процессуальности его бытия. Модальный дискурс решает проблему соотношения части и целого в постижении бытия *homo urbanus*. Бытие городского человека рассматривается как модальное, сущность представляет целостность модусов, которые разворачиваются и проецируются в условиях меняющегося города. Модусы в бытии *homo urbanus* не являются частями по отношению к сущности, они являются её проекциями, которые свёрнуты в потенции, представляя собой целостность, проявляющуюся в соответствии с изменениями города в актуальном. Обращение к модальному дискурсу возвращает к традиции языка философии и позволяет анализировать и оперировать онтологическими категориями при изучении бытия *homo urbanus*.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Информация об источниках финансирования исследования

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики» (<https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

Funding

The reported study was funded by of the Russian Science Foundation according to the research project № 23-18-00288 « Discursive transformations of a modern city: coordinates of Russian urbanism» (<https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

Список литературы

- Аристотель, 2023 – *Аристотель*. Метафизика / Пер. с греч. А. Кубицкий. М.: Эксмо, 2023. 416 с.
- Гегель, 1998 – *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики: в 3 т. Т. 2 / Ред. М.М. Розенталь. М.: Мысль, 1998. 248 с.
- Горнова, 2010 – *Горнова Г.В.* НОМО URBANUS: Социобиологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 17-19.
- Горнова, 2011 – *Горнова Г.В.* Антиномии города. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011. 211 с.
- Горчакова, 2021 – *Горчакова А.В.* Номо urbanus как ситуативный тип личности // The Scientific Heritage. 2021. № 80-6(80). С. 26-30.
- Мёдова, 2010 – *Мёдова А.А.* Понимание сознания в модальном ключе // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 38-43.
- Мёдова, 2014 – *Мёдова А.А.* Сознание в модусе времени. М.: Nota Bene, 2014. 218 с.
- Моисеев, 2004 – *Моисеев В.И.* Проективно-модальная онтология и некоторые её приложения // Логические исследования. Вып. 11. М.: Наука, 2004. С. 215-227.
- Ницше, 2020 – *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла / Пер. с нем. Н.Н. Полилов. М.: Эксмо, 2020. 288 с.
- Новикова, 2017 – *Новикова О.Н.* Деконструкция бытия человека в контексте игроизации современной культуры. Екатеринбург: Уральский государственный лесотехнический университет, 2017. 90 с.
- Препотенская, 2017 – *Препотенская М.П.* Урбосинергетика. Социальные и экзистенциальные флуктуации // ScienceRise. 2017. Т. 1. № 1 (30). С. 44-50.
- Савченко, Козлова, 2022 – *Савченко И.А., Козлова Ю.В.* «Право на свой город»: проект эпистемологической урбанистики // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 185-201.
- Спиноза, 1957 – *Спиноза Б.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1957. 632 с.
- Трубина, 2012 – *Трубина Н.А.* Модальная сущность бытия // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 134-136.
- Хайдеггер, 2002 – *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихин. 2-е изд. СПб.: Наука, 2002. 451 с.

Эпштейн, 2001 – Эпштейн М. *Философия возможного*. СПб.: Алетея, 2001. 334 с.

Carruth, Gibb, Heil, 2018 – Carruth A., Gibb S., Heil J. *Ontology, Modality, and Mind emerges from the Metaphysics of E. J. Lowe*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 208 p.

Casello, 2012 – Casello A. *Thinkability and modal knowledge // An Essay on a priori Knowledge and Justification*. N. Y., 2012. Pp. 271-288. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199777860.001.0001>.

Garifullin, 2018 – Garifullin R. R. *Postmodern psychology of personality // Opcion*. 2018. Vol. 34. No. 14. Pp. 380-393.

Hill, 2006 – Hill C. S. *Modality, modal epistemology and metaphysics of consciousness // Architecture of Imagination*. Oxford: Oxford University Press, 2006. Pp. 205-236. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199275731.003.0011>.

Mumford, 1970 – Mumford L. *The Culture of Cities*. N. Y.: Harvest Books, 1970. 640 p.

Soja, 2000 – Soja E. W. *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions*. Wiley, 2000. 462 p.

Vieira, Motta, 2012 – Vieira C. F. D., Motta S. *Modal issues // Special Issue of Philosophia Scientia*. 2012. Vol. 16 (2). Pp. 3-37. <https://doi.org/10.4000/philosophiascientiae.732>.

References

Aristotle (2023). *Metaphysics*. Eksmo Publ. (In Russian)

Carruth, A., Gibb, S., Heil, J. (2018). *Ontology, Modality, and Mind emerges from the Metaphysics of E. J. Lowe*. Oxford University Press.

Casello, A. (2012). *Thinkability and modal knowledge*. In *An Essay on a priori Knowledge and Justification* (pp. 271-288). <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199777860.001.0001>.

Epshtejn, M. (2001). *Philosophy of the Possible*. Aleteya Publ. (In Russian)

Hegel, G. W. F. (1998). *The Science of Logic*. Vol. 2. Mysl' Publ. (In Russian)

Heidegger, M. (2002). *Being and Time* (2nd ed.). Nauka Publ. (In Russian)

Hill, C. S. (2006). *Modality, modal epistemology and metaphysics of consciousness*. In *Architecture of Imagination* (pp. 205–236). <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199275731.003.0011>.

Garifullin, R. R. (2018). *Postmodern psychology of personality*. *Opcion*, 34 (14), 380-393.

Gornova, G. V. (2010). *HOMO URBANUS: sociobiological aspect. Theory and practice of social development*, 3, 17-19. (In Russian)

Gornova, G. V. (2011). *Antinomies of the City*. Omsk State Pedagogical University Publ. (In Russian)

Gorchakova, A. V. (2021). *Homo urbanus as a situational personality type. The Scientific Heritage*, 80-6 (80), 26-30. (In Russian)

Mumford, L. (1970). *The Culture of Cities*. Harvest Books.

Myodova, A. A. (2010). *Understanding consciousness in a modal key. Bulletin of Tomsk State University*, 33, 38-43. (In Russian)

Myodova, A. A. (2014). *Consciousness in the Mode of Time*. Nota Bene Publ. (In Russian)

Moiseev, V. I. (2004). *Projective modal ontology and some of its applications. Logical Research*, 11, 215-227. (In Russian)

Niczsche, F. (2020). *Beyond Good and Evil*. Eksmo Publ. (In Russian)

Novikova, O. N. (2017). *Deconstruction of Human Existence in the Context of Gamification of Modern Culture*. Ural State Forestry University Publ. (In Russian)

Prepotenskaya, M. P. (2017). Urbosinergetics. Social and existential fluctuations. *ScienceRise*, 1, 30, 44-50. (In Russian)

Savchenko, I. A., Kozlova, Yu. V. (2022). "The right to your city": the project of epistemological urbanism. *Epistemology and Philosophy of Science*, 59, 3, 185-201. (In Russian)

Soja, E. W. (2000). *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions*. Wiley.

Spinoza, B. (1957). *Selected Works. Vol. 1*. House of Political Literature Publ. (In Russian)

Trubina, N. A. (2012). Modal essence of being. *Omsk Scientific Bulletin*, 5 (112), 134-136. (In Russian)

Vieira, C. F. D., Motta, S. (2012). Modal issues. *Special Issue of Philosophia Scientia*. 16 (2), 3-37. <https://doi.org/10.4000/philosophiascientiae.732>.

CASE STUDIES

УДК 172.15

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-118-127

ПРОСВЕЩЁННЫЙ ПАТРИОТИЗМ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Баталин Руслан Александрович – аспирант, Донецкий государственный педагогический университет. 284626, г. Горловка, ул. Рудакова, 25
Российская Федерация, ДНР;
e-mail: rusbat79@yandex.ru.

Статья посвящена проблеме просвещённого патриотизма как социофилософской проблемы, которая исследуется в региональном аспекте – в контексте воззрений ряда латиноамериканских исследователей.

Как показывает история, проблема патриотизма была актуальна всегда; она остаётся важной и сегодня, особенно в условиях стремительных глобализационных процессов. На чувствах патриотизма выстраивается отношение человека к своей стране, к проживающим в ней людям, к культуре, традициям и менталитету. Патриотизм является фундаментальной составляющей коллективного сознания общества. В современном, глобализирующемся мире потребность в патриотизме не исчезает, а наоборот актуализируется и приобретает особый смысл. Исследование показало, что подавляющая часть населения Латинской Америки и Карибского бассейна с осторожностью и недоверием относятся к глобализационным процессам. То, что часто называют «глобализацией» или растущей интеграцией региона в современную глобальную капиталистическую систему, не привело людей, живущих в этой части мира, к благополучию и процветанию, а лишь обострило социальные противоречия. Чувство патриотизма, призванное консолидировать общество, являющееся фундаментом государственности, стало подавляться и нивелироваться. Последствия современной глобализации не только усугубили существующие хронические общественные проблемы, но и добавили новые. Актуализировалась потребность в укреплении суверенитета стран данного региона, национального сознания, конструктивного патриотизма. Основная идея исследования заключается в том, чтобы на основе метода социально-философского анализа выделить общие закономерности развития патриотизма в Латинской Америке и Карибского бассейна в условиях глобализации. Автор приходит к выводу, что просвещённый патриотизм даже в услови-

ях негативной глобализации понимается интеллектуальным сообществом Латинской Америки и Карибского бассейна как патриотизм ответственный, конструктивный, осознанный, призывающий каждого чувствовать ответственность перед согражданами за то, как он влияет на их жизнь, что он сделал или не сделал. В просвещённом патриотизме связь с соотечественниками зарождается не только в национальной идентичности, основанной на таких понятиях, как: общая история, общая этническая идея, общая культура и т.д. Она зарождается и благодаря коллективной идентичности, основанной на понятии открытого политического сообщества как общего проекта.

Ключевые слова: латиноамериканский патриотизм, просвещённый патриотизм, конституционный патриотизм, глобализация

Цитирование: Баталин Р.А. Просвещённый патриотизм Латинской Америки и Карибского бассейна в условиях глобализации // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 3. С. 118-127. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-118-127

Рукопись получена: 11 сентября 2023

Пересмотрена: 29 октября 2023

Принята: 31 октября 2023

ENLIGHTENED PATRIOTISM OF LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Ruslan A. Batalin – postgraduate student, Donetsk State Pedagogical University. 284626, Gorlovka, Rudakova str., 25, Russian Federation, DPR; e-mail: rusbat79@yandex.ru

The article focuses on the problem of enlightened patriotism as a sociophilosophical problem, which is studied from a regional perspective – in the context of the views of a number of Latin American researchers. As history shows, the problem of patriotism has always been relevant, and it remains important today, especially in the conditions of rapid globalization processes. A person's attitude to his country, to the people living in it, to culture, traditions and mentality is built on feelings of patriotism. Patriotism is a fundamental component of the collective consciousness of society. In the modern, globalizing world, the need for patriotism does not disappear, but on the contrary is actualized and acquires a special meaning. The study showed that the vast majority of the population of Latin America and the Caribbean are cautious and distrustful of globalization processes. What is often called "globalization" or the growing integration of the region into the modern global capitalist system has not led people living in this part of the world to well-

being and prosperity, but has only exacerbated social contradictions. The sense of patriotism, designed to consolidate society, which is the foundation of statehood, began to be suppressed and leveled. The consequences of modern globalization have not only aggravated the existing chronic social problems, but also added new ones. The need to strengthen the sovereignty of the countries of this region, national consciousness, and constructive patriotism has been actualized. The main idea of the study is to identify the general patterns of the development of patriotism in Latin America and the Caribbean in the context of globalization on the basis of the method of socio-philosophical analysis. The author comes to the conclusion that enlightened patriotism by the intellectual community of Latin America and the Caribbean, even in the conditions of negative globalization, is understood as responsible, constructive, conscious patriotism, which calls on every citizen to feel responsible to his fellow citizens for what he did or did not do, for how it affects their lives. In enlightened patriotism, the connection with compatriots originates not only in national identity based on concepts such as: a common history, a common ethnic idea, a common culture, etc. It also originates through collective identity based on the concept of an open political community, understood as a common project.

Keywords: Latin American patriotism, enlightened patriotism, constitutional patriotism, globalization

How to cite: Batalin, R.A. (2023). Enlightened patriotism of Latin America and the Caribbean in the context of globalization, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (3): 118-127. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-118-127 (In Russian)

Received: 11 September 2023

Revised: 29 October 2023

Accepted: 31 October 2023

Введение

В отечественной философии проблему конструктивного, просвещённого патриотизма в условиях глобализации рассматривали В.И. Лутовинов, И.В. Наливайченко, Т.С. Гузенкова, Ю.Я. Киришин, А.Н. Выршиков, М.Б. Кусмарцев, В.К. Левашов, Ю.Н. Трифонова и другие. Основная мысль исследователей выражается в том, что в современном социокультурном пространстве проблему патриотизма всё сложнее рассматривать без учета проблем глобального характера. Глобализация как тенденция современности – это закономерный, объективно-исторический процесс, естественное развитие. Однако глобализация одновременно может проявляться и как

созидательный процесс и как разрушительный, что демонстрируется транснациональными компаниями. Объективные процессы глобализации отказа от патриотизма не требуют. Напротив, они его актуализируют, так как для устойчивой самоидентификации человек нуждается в ощущении себя частью культурного сообщества: он должен соотносить себя с местом своего проживания. И патриотизм в современном обществе, при конструктивном подходе, не изолирует человека от глобального мира, а, напротив, помогает оценить культурную плюральность, увидеть мир во всём его многообразии, способствует формированию убеждений, что другие люди, народы и страны вызывают наш интерес как раз потому, что от нас отличаются. Аналогичные процессы мы наблюдаем и в других странах, регионах.

С начала 1980-х годов неолиберализм обеспечивал идеологическое оправдание серии так называемых структурных реформ, проведённых большинством правительств в Латинской Америке и странах Карибского бассейна. Эта политика основывалась на «вашингтонском консенсусе» международных финансовых институтов. Пропагандировалась идеология «свободного рынка» и «свободной торговли», правительствам региона были навязаны так называемые программы «финансовой стабилизации» и «структурной перестройки». Эти меры были направлены на то, чтобы убедиться в погашении крупных внешних долгов, которые латиноамериканские государства взяли на себя в 1970-х и 1980-х годах, открыв свою экономику для транснационального капитала и увеличив интеграцию экономик в мировой рынок.

Продолжающаяся электоральная поддержка неолиберальных режимов в Латинской Америке и Карибском бассейне «побудила консерваторов утверждать, что неолиберализм стал господствующей идеологией..., стал общепринятым политическим дискурсом масс» (Harris, 2002, web, p. 136-151). Это повлияло на левые политические партии и интеллектуалов региона, заставив их принять как свершившийся факт многие из неолиберальных структурных реформ, которые были осуществлены в их странах за последнее десятилетие. Роль латиноамериканских государств в регулировании экономики стран региона значительно снизилась, произошла приватизация государственных активов, страны столкнулись с дерегулированием многих видов экономической деятельности и резким сокращением государственных расходов на государственные субсидии, государственные услуги и занятость в государственном секторе.

Осознание проблем глобализации, актуализация патриотизма

Однако в то время, когда центристские политические режимы и «левые прагматики» в оппозиционных партиях приняли эти неолиберальные реформы как часть текущей реальности, во всём регионе стало расти народное сопротивление. Риторика неолибера-

лов о необходимости ограничения государства в экономике была воспринята обществом как прикрытие для переориентации роли государства в экономике с удовлетворения потребностей народных классов на обслуживание особых интересов высших классов и транснациональных корпораций. Актуализировалась потребность в укреплении суверенитета стран данного региона, национального сознания, патриотизма.

Известный аргентинский политолог Атилио Борон (Atilio Boron) критикует неолиберализм, называя его идеологической маской антидемократической практики (Harris, 2002, web, p. 136-151).

В статье «Родина. Народ. Гражданство» Антонио Фернандо Пинеиру (Antonio Fernando Pinheiro) отмечает, что Бразилия переживает очень опасный процесс угасания патриотического чувства, становится страной, лишенной благородных чувств: «наше благородство чувств поддается когнитивной деформации ..., отсутствие ценностей наблюдается в иконоборческом действии общественных институтов; в коррупции, порожденной политикой; в отсутствии нравственно идентифицируемого образования; в отсутствии заслуг в частной деятельности и в культурном банкротстве общества» (Pinheiro Pedro, 2022, web). Одной из основных причин этого процесса он считает интернационалистскую, космополитическую позицию, выработанную неолибералами.

Автор обращает внимание на отсутствие личных ценностей и профессионализма руководящих кадров страны, будь то в научных кругах, органах юстиции, силах безопасности, гражданских организациях и особенно в педагогической среде: «В результате – поколения и поколения людей, прошедших обучение в базовых, средних и высших учебных заведениях, не имеют представления о ценностях, составляющих бразильскую родину» (Pinheiro Pedro, 2022, web). Выход из сложившейся ситуации он видит в направленном на патриотическое воспитание образовании.

Матиас Эмилиано Касас (Matías Emiliano Casas), член Национального исследовательского совета Национального университета Аргентины, отмечает важность национальной идентичности аргентинцев, которая находится под постоянной угрозой распада (Casas, 2016, web).

Франсиско Баутиста Лара (Francisco Bautista Lara) обращает внимание на два опроса, проведенных в Никарагуа 26 января и 9 февраля 2021 года и свидетельствующих о том, что большинство никарагуанцев (около 62%) не приемлют внешнего вмешательства во внутренние дела, агрессивной политики США, империалистического господства; вмешательство с помощью санкций и угроз отвергается и квалифицируется как незаконное 72% опрошенных, а 78% считают, что оно наносит ущерб демократии. По мнению 80% населения Никарагуа, страна ни при каких обстоятельствах не должна допускать, чтобы она находилась под внешним влиянием

других государств или международных организаций (Brockmann d'Escoto, 2021, web).

Баярдо Альтамирано (Bayardo Altamirano) отмечает, что большая часть населения Боливии и Никарагуа выступает за восстановление суверенитета страны, отождествляя глобализацию с империализмом, агрессией, стремлением к разграблению, разрушению культуры, экономики, политических институтов страны (Brockmann d'Escoto, 2021, web).

Аурелио Алонсо (Aurelio Alonso) даёт следующее образное сравнение чему?: «Политика Соединенных Штатов дошла до нас как вирус, направленный против суверенной реализации коренного национального проекта, начиная с постколониальной Республики и заканчивая Социалистической революцией» (Alonso, 2023, web). Но в то же время автор предполагает, что такое упорное сопротивление, как кубинское, рассматривается другой стороной как вирус против консолидации гегемонии. Вирус изоляции перед лицом социального проекта, рожденного революцией. Вирус сопротивления гегемонии.

Просвещённый патриотизм в глобализационных процессах

Сара Исальге (Sara Isalge) считает, что пробуждение национального самосознания на Кубе было признанным историческим процессом, в котором участвовали разные поколения кубинцев и в котором образование было движущей силой в противостоянии попыткам уничтожить национальные культуры, стремлениям оторвать народы от их историко-культурных традиций и навязать им свои формирующие каноны (Alonso, 2023, web).

Автор нашла ту преемственность, которая стала прогрессивной тенденцией среди кубинских педагогов, но ставит перед собой задачу формирования чувств принадлежности, привязанности к своему, отождествления с национальным, не принижая при этом всего хорошего и качественного, что может предложить мировая культура. Обращение к собственной идентичности, по её мнению, не означает, однако, отказа от культурного разнообразия и ценностей других стран: следует знать и уважать их.

Для Сары Исальге природа Родины – ещё одно великое достояние нации: связь с ней удовлетворяет духовность и способствует её сохранению. Она настаивала на защите окружающей среды начиная со школы. Школьная обстановка, местность и Родина – всё это представляло для неё интерес. Многие кубинские педагоги считают, что школа не должна отказываться от идей любить и защищать природное наследие страны (Alonso, 2023, web).

Елена Плаза (Elena Plaza) напоминает своим согражданам основную цель венесуэльских правительств в период с 1831 по 1847 года, которая была определена в тексте Конституции как идея «просвещенного патриотизма», то есть проявления любви к родине в усилиях создания нового государства. Автор приводит в пример

знаменитую речь генерала Хосе Антонио Паес Геррера (José Antonio Páez Herrera), первого президента Республики: «Венесуэла начала определять свою судьбу, объявляя мудростью своих законов; просвещённым патриотизмом своих граждан..., любовью к труду и производительным предприятиям..., что высшая и провиденциальная сила ведёт её по пути цивилизации ...» (Minot, 2006, p. 84-91).

Алессандро Пинзани (Alessandro Pinzani) задаётся вопросом о том, что значит быть гражданином и патриотом в условиях глобализации: «Неслучайно большинство теорий социальной справедливости, которые основываются на установлении справедливого глобального общества, говорят больше о международных институтах, чем об отдельных принципах поведения. В этом смысле практикуется много институциональной изобретательности, но мало говорят об этике людей в эпоху глобализации. В основном теории глобализации акцентируют внимание на экономической логике. Без сомнения, глобализация – это явление, которое не должно ограничиваться экономикой и расширением рынка» (Márquez, 2012, web).

Мыслитель остерегается, что, если одна из наиболее заметных особенностей глобализации состоит в пересмотре роли государства, то роль граждан может быть поставлена под угрозу, поскольку само понятие гражданина может быть определено только в отношении идеи государства. Без гражданства нет граждан, а есть простые люди. Ставится под сомнение статус гражданина, который изначально является юридическим статусом и не имеет отношения к природе человека или его культурной идентичности, что в конечном счете может негативно сказываться и на личной идентичности человека. В этом случае нам также приходится иметь дело с широким спектром теорий: от самых крайних, отождествляющих политическое сообщество с этнической группой, до более умеренных, указывающих на эмоциональный аспект отношений между гражданином и государством, – аспект, обычно обозначаемый концепцией патриотизма или любви к Родине. Данная позиция достаточно точно отражается в следующей цитате: «Мы находимся в точке, где пересекаются индивидуальная этика и вопрос социальной справедливости институтов или социальных правил» (Márquez, 2012, web).

При этом Алессандро Пинзани считает глобализацию естественным процессом, но не конструктивно осуществляемым. Говоря о патриотизме в условиях глобализации, он акцентирует внимание на важности осознанного, ответственного патриотизма, предлагая рассмотреть перспективы так называемого «конституционного патриотизма». Речь идёт о патриотизме, оправдывающем симпатию или отождествление благополучия граждан со справедливой Конституцией страны, гарантирующей гражданам равные свободы и позволяющей им принимать активное участие

в общественной жизни, обеспечивая им основные социальные права и т.д.

Он пишет: «Есть те, кто нападает на конституционный патриотизм именно потому, что он выступает за лояльность к универсалистским, культурным и историко-нейтральным политическим принципам, таким как сама справедливость институтов. Отвечая на эту критику, нужно прежде всего подчеркнуть, что конституционный патриотизм не слеп к рассматриваемым институтам, он не требует, чтобы граждане “любили” эти институты просто потому, что они принадлежат им, но требует критического отношения, которое в конечном итоге приведёт их к изменению этих институтов (и, следовательно, общества) в сторону большей справедливости» (Márquez, 2012, web). По его мнению, конституционный патриотизм – это чувство, хотя и сдерживаемое разумом, однако соединяющее любовь к Родине, верность институтам своей страны и любовь к справедливости. Также он обращает внимание на то, что конституционный патриотизм не следует путать с абстрактной склонностью к справедливости. Конституционный патриот – это не тот, кто среди всех существующих политических сообществ любит тех, чьи институты являются наиболее справедливыми. Напротив, это тот, кто любит институты своего собственного сообщества в той мере, в какой они соответствуют идеалу справедливости. Конституционный патриот стремится к созданию ещё более справедливых институтов своей страны, соответственно, большей индивидуальной свободе и более сильному общественному государству. Конституционный патриотизм характеризуется наличием партикуляризма, но связанного не с существенными и неоднозначными элементами, такими как общность языка, территории, истории, культуры и религии, а с институциональной реальностью, корни которой не в национальных критериях, а в простом существовании отдельных политических сообществ, каждое из которых имеет свой собственный проект общественной жизни, свою собственную концепцию справедливости.

Когда государство больше не определяется с точки зрения нации, этнического или культурного образования, а только как проект определённой группы лиц, его граждане могут по-новому взглянуть на вопрос отождествления со своим политическим сообществом.

Алессандро Пинзани выступает за открытое сообщество, способное интегрироваться в более широкую общину, союзы или международные организации, но конструктивные, справедливые – не ущемляющие национальные интересы, права и свободу граждан. Но для этого, как считает автор, патриотизм должен стать ответственным. Национальная идентичность не должна быть национальным эгоизмом. До тех пор, пока люди находятся в плену национального эгоизма, столь распространенного в богатых странах, в Соединенных Штатах и Европе, не может развиваться и осознание глобальной ответственности, необходимое для решения проблем, вызванных глобализацией. Как только происходит освобождение

от национального эгоизма, люди понимают, что они несут совместную ответственность за каждое действие, которое влияет на отдельных лиц, являющихся членами более широкого политического сообщества.

Выводы и заключение

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно заключить, что просвещённый патриотизм интеллектуальным сообществом Латинской Америки и Карибского бассейна – понимается как патриотизм ответственный, конструктивный, осознанный, который призывает каждого гражданина чувствовать ответственность перед согражданами за то, что он сделал или не сделал, за то, как влияет на их жизнь. В просвещённом патриотизме связь с соотечественниками зарождается не только в национальной идентичности, основанной на таких понятиях, как общая история, общая этническая идея, общая культура и т.д.: она зарождается и благодаря коллективной идентичности, основанной на понятии открытого политического сообщества, понимаемого как общий проект.

Быть гражданином и просвещённым патриотом в данном регионе – значит брать на себя ответственность за будущее своей страны и принимать участие в демократическом процессе принятия решений. Даже воздержание представляет собой форму политического участия, хотя и отрицательного: как отречение, как молчаливое одобрение или как протест. Следовательно, ответственность за решения, принятые в этом процессе, ложится на всех граждан, считающихся соавторами самих решений.

В современном социокультурном пространстве проблему патриотизма всё сложнее рассматривать без учета проблем глобального характера. Проблемы глобального масштаба, как мы видим, не решаются сами собой. Глобализация, как тенденция современности – это закономерный, объективно-исторический процесс, естественное развитие. Но нужно обратить внимание на то, что глобализация одновременно может проявляться и как созидательный процесс, и как – разрушительный.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы / References

Alonso, 2023, web – Alonso, A. (2023). Cuba; desafios, potencialidades, fragilidad en un escenario de globalizacion y hegemonia. Retrieved August 2,

2023, from <http://biblioteca.clacso.edu.ar/ar/libros/cuba/cips/caudales05/Caudales/ARTICULOS/ArticulosPDF/112326A083.pdf>

Casas, 2016, web – Casas, M.E. (2006). Maestros argentinos: patriotas y nacionalistas. La pedagogía de la patria en las escuelas primarias (1930-1940). Revista ABRA 36 (53), 1-14. Retrieved August 1, 2023, from https://ri.conicet.gov.ar/bitstream/handle/11336/114778/CONICET_Digital_Nro_b2a242f2-8f06-4489-81e6-d3bbc2f861ff_A.pdf?sequence=2&isAllowed=y.

Brockmann d'Escoto, 2021, web – Brockmann d'Escoto, M. (2021). Defensa de la soberanía nacional: perspectivas antiimperialistas. CEDMED 41. Retrieved August 2, 2023, from www.unan.edu.ni/wp-content/uploads/unan-managua-semanario-no-41-cedmed.pdf.

Márquez, 2012, web – Márquez, F.F. (2012). Patriotismo y cosmopolitismo en los procesos democráticos de Martha Nussbaum. *Analecta Política* 1 (2), 305-318. Retrieved August 2, 2023, from <https://revistas.upb.edu.co/index.php/analecta/article/view/3452/3151>.

Harris, 2002, web – Harris, R.L. (2002). Resistance and alternatives to globalization in Latin America and the Caribbean. *Latin American Perspectives* 29(6), 136-151. Retrieved August 3, 2023, from <https://library.fes.de/libalt/journals/swetsfulltext/16126225.pdf>.

MacEwan, Tabb, 1989 – MacEwan, A., Tabb, W. (1989). Instability and change in the world economy. New York: Monthly Review Press, 340-349.

Minot, 2006 – Minot, J.P. (2006). Mireya Reflexiones en torno al patriotismo en la obra científica de Sarah Ysalgué. *EduSol*, 6 (14), 84-91.

Petras, Morley, 1992 – Petras, J.F., Morley, M.H. (1992). Latin America in the time of cholera. New York: Routledge. Pinheiro Pedro, 2022, web – Pinheiro Pedro, A.F. (2022). Patria, nação e cidadania. *Ambiente Legal*, October 7, 2022. Retrieved August 1, 2023, from www.ambientelegal.com.br/o-valor-do-patriotismo/.

Plaza, 2002, web – Plaza, E. (2002). El “patriotismo ilustrado”, o la organización de los poderes públicos en Venezuela, 1830-1847. *Politeia* 25 (29). Retrieved August 1, 2023, from www.redalyc.org/articulo.oa?id=170033587002.

Robertson, 1992 – Robertson, R. (1992). Globalization: Social Theory and Global Culture. Newbury Park, CA: Sage.

Robertson, 1999 – Robertson, W. (1999). Latin America and global capitalism. *Race and Class* 40, 120-129.

Veltmeyer, Petras, Vieux, 1997 – Veltmeyer, H., Petras, J., Vieux, S. (1997). Neoliberalism and Class Conflict in Latin America. New York: St. Martin's Press.

УДК 130.02

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-128-144

МЕНТАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Ковалев Андрей Андреевич – кандидат политических наук, доцент. Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Российская Федерация, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект (Васильевский Остров), д. 57/43; e-mail: kovalev-aa@ranepa.ru, ORCID: 0000-0002-7760-5732

В XXI в. значимость обеспечения ментальной безопасности и защиты национальной идентичности в контексте решения вопросов национальной безопасности возрастает. Такая тенденция объясняется рядом факторов, среди которых преобладание гуманистической парадигмы, изменение принципов и методов ведения войны (в широком смысле этого слова) с преобладающей гибридизацией, глобализационные риски и др. Цель исследования – изучение особенностей взаимовлияния ментальной безопасности и национальной идентичности и способов преодоления проблем, связанных с их защитой от угроз. Первая часть статьи посвящена определению исследуемых категорий – «ментальной безопасности» и «национальной идентичности» – и анализу способов их взаимодействия и взаимовлияния. Рассматриваемые категории показаны как стороны единого процесса, цели которого – благополучие государства и общества, а также защита национальных интересов. Во второй части статьи исследуются проблемы, которые могут возникать в связи с обеспечением ментальной безопасности и защитой национальной идентичности, а также предлагаются некоторые пути их решения. В основе исследования лежит культурологический подход. Опираясь на него, автор проводит анализ базовых элементов исследуемых понятий (интересов, установок, идеалов и пр.). В работе отмечается, что кризисы неизбежны в любом обществе и государстве, их успешное прохождение зависит от оптимальных подходов к обеспечению безопасности. Говоря о ментальной безопасности, важно подчеркнуть, что она способна сохранить национальную идентичность, тогда как устойчивая национальная идентичность укрепляет ментальную безопасность как неотъемлемую часть национальной безопасности государства в целом.

Ключевые слова: общественное благополучие, идентичность, безопасность, меры противодействия, нация, традиционные ценности

Цитирование: Ковалев А.А. Ментальная безопасность и национальная идентичность: способы взаимодействия, проблемы и решения // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 3. С. 128-144. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-128-144

Рукопись получена: 31 июля 2023

Пересмотрена: 2 октября 2023

Принята: 6 октября 2023

MENTAL SECURITY AND NATIONAL IDENTITY: WAYS OF INTERACTION, PROBLEMS AND SOLUTIONS

Andrey A. Kovalev – PhD in Political Sciences, Associate Professor, North-Western Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 57/43 Sredniy Prospekt (Vasilyevsky Island), 199178, Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: kovalev-aa@ranepa.ru, ORCID: 0000-0002-7760-5732

In the 21st century, the importance of ensuring mental security and protecting national identity in the context of addressing national security issues is increasing. This trend is explained by a number of factors, including the predominance of the humanistic paradigm, changes in the principles and methods of warfare (in the broad sense of the word) with predominant hybridization, globalization risks, etc. The purpose of the study is to study the peculiarities of the mutual influence of mental security and national identity and ways to overcome the problems associated with their protection from threats. The first part of the article is devoted to the definition of the categories under study – “mental security” and “national identity” – and the analysis of ways of their interaction and mutual influence. The categories under consideration are shown as parties to a single process, the goals of which are the well-being of the state and society, as well as the protection of national interests. The second part of the article examines the problems that may arise in connection with ensuring mental security and protecting national identity, and also suggests some ways to solve them. The research is based on a culturological approach. Based on it, the author analyzes the basic elements of the concepts under study (interests, attitudes, ideals, etc.). The paper notes that crises are inevitable in any society and state, their successful passage depends on optimal approaches to ensuring security. Speaking about mental security, it is important to emphasize that it is able to preserve national identity, while a stable national identity strengthens mental security as an integral part of the national security of the state as a whole.

Keywords: public well-being, identity, security, counteraction measures, nation, traditional values

How to cite: Kovalev, A.A. (2023). Mental security and national identity: ways of interaction, problems and solutions, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (3): 128-144. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-128-144 (In Russian)

Received: 31 July 2023

Revised: 2 October 2023

Accepted: 6 October 2023

Введение

Вопросы, связанные с национальной безопасностью в целом и с отдельными её составными элементами, являются актуальными для каждого суверенного государства, защищающего собственные интересы. В данном исследовании автор обращается к такому элементу национальной безопасности, как ментальная безопасность. И если в период расцвета клаузевицевских принципов ведения войны ментальной безопасности не уделялось достаточно внимания, то в XXI в. она стала объектом защиты со стороны государства.

Каждое национальное государство стремится сохранить свою суверенность и уникальность среди прочих акторов международных отношений. Именно поэтому первостепенное значение в рамках системы национальной безопасности начинает приобретать сохранение национальной идентичности.

Тем самым в настоящей статье поднимается остроактуальная проблема взаимодействия ментальной безопасности и национальной идентичности. Их обеспечение и защита позволяют отстоять национальные интересы и повысить уровень национальной безопасности в целом.

Вызовы современного мира несут угрозы для ментальной безопасности и национальной идентичности, так как подрывают устои национальной самобытности, увеличивают риски возникновения межкультурных и политических конфликтов, насильственной ассимиляции и пр.

Так, необходимо проводить работу по обеспечению ментальной безопасности для того, чтобы предотвратить рост экстремизма и терроризма, а также сохранить национальную идентичность. Это может быть достигнуто через введение программ по развитию социальной стабильности и культурного разнообразия, по укреплению и развитию институтов гражданского общества, по проведению медиаобразования и целенаправленных информационных кампаний.

Цель исследования – изучение особенностей взаимовлияния ментальной безопасности и национальной идентичности и способов преодоления проблем, связанных с их защитой от угроз.

На основании поставленной цели могут быть сформулированы следующие задачи:

- 1) провести теоретический анализ категорий «ментальная безопасность» и «национальная идентичность», а также изучить их взаимообусловленность и влияние друг на друга;
- 2) выявить проблемы, препятствующие сохранению национальной идентичности и обеспечению ментальной безопасности;
- 3) рассмотреть способы решения выявленных проблем в изучаемом контексте.

Проблема соотношения национальной идентичности и ментальной безопасности является предметом многих междисципли-

нарных исследований. Так, идентичность изучают такие авторы, как Е.П. Белинская (Белинская, 2018), М. Берзонский (Berzonsky, 2008), А. де Фина (De Fina, 2006), С. Лахлу (Lahlou, 2008), Д.П. Макадамс (McAdams, 2011), Т.В. Разина (Разина, 2022), В.В. Титов (Титов, 2019), И.Ю. Фроленкова (Фроленкова, 2022) и др. О ментальной безопасности пишут А.М. Ильницкий (Ильницкий, 2022), Е.К. Обринская (Обринская, 2022), В.А. Ксенофонтов (Ксенофонтов, 2022) и пр. исследователи. Взаимосвязь безопасности и идентичности была рассмотрена в работах В.А. Авксентьева (Авксентьев, 2013), В.А. Ачкасова (Ачкасов, 2010), С.В. Ивановой (Иванова, 2012), И.П. Скворцова (Скворцов, 2014) и мн. др.

Настоящее исследование основано на применении следующих научных методов и подходов: анализ, культурологический подход, структуризация. Благодаря их использованию удалось выявить взаимосвязь рассматриваемых категорий, определить их значение для общественно-культурного благополучия, а также предложить последовательность мер, необходимых для решения изучаемой проблемы.

Теоретический анализ понятий «ментальная безопасность» и «национальная идентичность», их взаимовлияние и взаимообусловленность

Ментальная безопасность – это психологическая защищённость личности от внешних угроз и факторов, которые могут снижать уровень её здоровья и благополучия. Ментальная безопасность определяет человеческую способность сохранять свою индивидуальность и контроль над мышлением и поведением в условиях социально-психологической угрозы, которая может негативно влиять как на психику, так и на здоровье.

Наиболее частыми источниками неблагоприятного воздействия на ментальное здоровье являются: стресс, агрессия, насилие, наркотики и другие вещества, криминальная обстановка, страх перед будущим и пр.

Термин «ментальная безопасность» является достаточно новым, но при этом весьма значимым и востребованным в междисциплинарных исследованиях. Ментальная безопасность, если не рассматривать её в сугубо психологическом значении, является неотъемлемым элементом национальной безопасности современного государства. Разнородность информационного поля, глобальные вызовы человечеству, ментальные войны, ускоряющийся темп жизни и ряд других факторов поднимают значимость ментальной безопасности на принципиально иной уровень. При этом важно осознавать, что просто признать её наличие недостаточно, современному обществу и государству необходимо формировать основы ментальной безопасности и защищать их.

Итак, ментальная безопасность (как и ментальные угрозы) имеет нематериальную природу, которая базируется на информационно-психологических основах. Здесь речь идёт о сфере сознания человека, о его мировоззрении, установках, уровне образования и т. д. (Донская, Новикова, Москалёва, 2022).

Особую актуальность сфера ментальной безопасности приобретает в эпоху цифровизации. Содержательная сторона этого феномена также нематериальна, поэтому цифровые технологии оказывают непосредственное воздействие на ментальный уровень человеческого существования. Важно отметить, что современные технологии могут влиять на ментальную безопасность как отрицательно (информационная перегрузка, зависимость, эскапизм и т. д.), так и положительно (осведомлённость, оперативность, расширение социальных связей и пр.).

Если несколько десятилетий назад гаджеты и длительное пребывание в виртуальной реальности обсуждались только с точки зрения негативного влияния на физическое здоровье человека (провоцируют сколиоз, ухудшение зрения, гиподинамию и другие соматические заболевания), то в настоящее время всё острее встаёт вопрос о вероятном ухудшении его ментального благополучия.

И для России рассматриваемая проблема является весьма актуальной. В нашем государстве используются различные инструменты для обеспечения ментальной безопасности как неотъемлемой части национальной безопасности в целом – начиная с защиты от кибератак и заканчивая разработкой и внедрением образовательных стандартов, основанных на культурных, исторических традициях страны и нацеленных на воспитание патриотизма. Таким образом, если техническая сторона вопроса возлагается на квалифицированных IT-специалистов, то содержательная сторона становится зоной ответственности всего российского общества и государства.

Итак, обеспечение ментальной безопасности зависит от множества факторов, одним из которых является национальная идентичность.

Национальная идентичность – это отождествление себя (выражение желания сопричастности) с сообществом (группой) по национальному признаку на основе совокупности культурных, исторических, географических и других факторов, определяющих уникальность народа и его культуры. Это объединяющее понятие, которое позволяет отличить одну культуру от другой и определить самобытность каждой нации на основе языка, традиций и прочих аспектов культурного наследия нации.

При этом смысл национальной идентичности не сводится к подчёркиванию и демонстрации собственной исключительности, основанной на превосходстве. Напротив, современный мир располагает не только к конфликтам, но и к межкультурному диалогу, который базируется на уважении и терпимости.

Таким образом, национальная идентичность создаёт и поддерживает устойчивые связи человека с национальной общностью, к которой он принадлежит. Этот конструкт, по справедливому выражению известного исследователя национальной идентичности, политолога В.В. Титова, не статичен, он всегда в динамике, складывается и изменяется без отрыва от остальных макросоциальных идентичностей (Титов, 2017, с. 43). При этом любая национальная идентичность (в том числе и в многонациональных государствах) опирается на этническую идентичность и базируется на ней. И главной отличительной особенностью и идентификатором здесь выступает в первую очередь язык.

Национальная идентичность – это не только отождествление себя с объединяющим образом *Мы*, но и противопоставление себя Другому (или Другим). А если Другие репрезентируются как чужие/враги, то консолидация вокруг *Мы* становится более интенсивной. При контрастном сопоставлении особенности и отличительные характеристики собственной нации становятся наиболее заметными и явными, они придают конструкту *Мы* вполне очевидные и узнаваемые свойства.

Важным измерением национальной идентичности становится темпоральный подход к её пониманию. Иными словами, связка «прошлое – будущее» конкретной нации. Так, особое значение она имеет для России, которая обладает богатым прошлым и ориентируется на перспективное будущее. При этом для нашей страны, по нашему убеждению, фундаментальным решением для укрепления и поддержания национальной идентичности становится защита общего прошлого, его осторожная и грамотная интерпретация. Так формируется политика памяти (Титов, 2016). Она всегда была актуальна в российских реалиях, но в XXI в., особенно в последнее десятилетие, эта проблема резко обострилась.

Итак, чётко обозначившиеся потребности российского народа (и власти в том числе) в укреплении национальной идентичности обусловлены многими факторами. Среди них в качестве одного из важнейших следует выделить угрозу ментальной безопасности. Действительно, в настоящее время их взаимосвязь приобретает чёткие контуры и становится остроактуальной. Борьба России с противниками вышла за пределы физического противостояния и пересекла его ментальные границы, подразумевая при этом то, что противостояние не ограничивается только военными или политическими действиями на физическом уровне, а проникает в сферу мышления, восприятия, мнений и верований людей. Таким образом, ментальная безопасность становится вполне реалистичным и сформированным объектом национально-государственной охраны. Так, для обеспечения ментальной безопасности необходимы скоординированные усилия в политической, исторической, культурной, мировоззренческой, аксиологической и прочих сферах (Коровникова, 2023, с. 4). Важное место при этом занимает национальная идентичность и её укрепление.

Почему взаимосвязь ментальной безопасности и национальной идентичности выкристаллизовалась и стала очевидной именно в этот период российской истории? Эта связь существовала всегда, но была не столь очевидной. Дело в том, что в кризисные периоды происходит активизация защиты ментального благополучия (путём обеспечения ментальной безопасности) с помощью сплочения, единения, отстаивания целостности и уникальности (укрепления национальной идентичности) собственной нации и её ценностей. В такие периоды создаются не только физические угрозы существованию, но и условия для культурного и ментального подавления. Именно в это время происходит осознание и закрепление прочной связи с конструктом *Мы* и отторжение (неприязнь, страх и пр.) в отношении чужого, посягающего на целостность *Мы*.

При этом, как уже было отмечено, взаимосвязь ментальной безопасности и национальной идентичности не исчезает и в периоды стабильности. Напротив, сбалансированное сочетание этих феноменов способно гармонизировать социально-политическую жизнь нации и позволить избежать внутренних кризисов.

Действительно, угрозы ментальной безопасности могут иметь как экзогенную природу, так и эндогенную. Результатом этих угроз может стать кризис идентичности, который создаст риски для ментальной безопасности. Такая ситуация может быть спровоцирована как целенаправленными действиями ряда акторов (в рамках гибридной войны, например), так и вполне естественными причинами. Говоря о последних, стоит отметить, что к ним относятся мировые глобализационные тенденции и распространяемый на их основе космополитизм. Здесь в качестве угрозы выступает вестернизация тех наций и культур, которые к западной модели развития не относятся. В случае усиления подобных тенденций национальная идентичность начинает ослабевать и восприниматься не как достояние, а как препятствие для реализации стратегии «граждан мира». Также важно осознавать, что в процессе отстаивания национальной идентичности следует избегать другой крайности – агрессивного национализма, который способен ценности национальной идентичности подменять ценностями этнической идентичности. Такая подмена крайне опасна для полиэтнического государства, раскол (или даже распад) которого может быть спровоцирован утратой общегражданской идентичности.

Для российского общества сохранение национальной идентичности, которая непосредственно влияет на ментальную безопасность, становится приоритетной задачей общегосударственного и общенационального масштаба. В совместной работе политологов И.В. Юрченко и И.А. Герасимова небезосновательно отмечается, что основным способом укрепить общегражданскую идентичность является политический центризм. Исследователи называют его конструктивной силой, ориентирующейся на диалог, согласительные практики, способные защитить одновременно ценности наци-

ональной безопасности, государственный суверенитет и личные права граждан (Юрченко, Герасимов, 2009).

Таким образом, безопасность и идентичность в более общем контексте представляют собой сочетание двух взаимообусловленных состояний, гармония которых гарантирует процветание нации и государства, тогда как разбалансировка – приведёт сначала к кризису, а затем, при неблагоприятном исходе, к дезориентации и разрушению.

Глобализационные тенденции, набирающие обороты в настоящее время, и космополитизм создают такое явление, как двойная идентичность. С одной стороны, личность идентифицирует себя со своей нацией (государством); с другой – провозглашает себя гражданином мира, космополитом (Маргарян, Гевондян, 2013). На наш взгляд, такая стратегия является одной из самых привлекательных в настоящее время, так как именно осознание себя и частью своего микромира (нации/государства), и частью общего макромира (глобального) обеспечивает высокий уровень ментальной безопасности. Это важно, потому что глобализация – это естественный и закономерный этап развития человечества, избегание или отрицание которого, вероятно всего, спровоцирует изоляцию нации/государства и обострит националистические проявления.

При этом национальная идентичность играет первостепенную роль в вопросах обеспечения ментальной безопасности, так как очерчивает первичный круг жизненного пространства человека, которое определяет степень удовлетворённости жизнью в целом. Именно национальная идентичность способна «заземлять» человека, позволять ему ощущать почву под ногами. Национальная идентичность, наполняясь содержанием благодаря таким отличительным признакам, как язык, ментальность, картина мира, социокультурные ценности, нормо-типическое поведение (Гришина, 2018), обеспечивает тот основополагающий уровень безопасности, который именуется ментальным. Таким образом, «укоренившиеся нормы, существующие в обществе традиции служат основой социально-психологической безопасности и хорошей почвой для формирования гражданской идентичности» (Сытых, 2015, с. 93).

В том случае, когда идентифицирующие нацию признаки находятся под угрозой, страдают и национальная идентичность, и ментальная безопасность. Для современной России особо актуальным становится посягательство на духовные ценности, которое наносит ущерб социальному и ментальному здоровью и духовной безопасности (Верещагина, Гафиатулина, Самыгин, 2015). Если окружающая среда задаёт негативные разрушительные импульсы в условиях кризиса, то и национальная идентичность, поглощая эти импульсы, будет формироваться и корректироваться с деформациями, в условиях отсутствия безопасности, в том числе и ментальной.

Обеспечение ментальной безопасности и сохранение национальной идентичности: анализ проблем и пути их решения

Обеспечение ментальной безопасности и укрепление национальной идентичности – важнейшие вопросы для общества и государства. Они являются фундаментальными составляющими устойчивости и развития любой нации и культуры. Итак, в рамках данного исследования необходимо выделить следующие факторы, которые могут вызывать ряд проблем, требующих своего решения:

– Поликультурность. Она становится проблемой в том случае, если представители различных культур находятся в условиях единого пространства, но при этом не имеют общих связей (истории, языка, религии и т. д.). Усугубляет ситуацию стремление обесценить (отменить) достижения определённой культуры (или даже сам факт её существования) представителями других культур. В рамках гибридных войн современности, связанных со стремлением западного мира приобщить посредством технологических/технических возможностей все остальные нации к либеральным ценностям, данные методы применяются довольно часто.

– Качество образования. При этом важно учитывать, что оно всегда должно сохранять связь с воспитанием. С помощью образования происходит приобщение молодого поколения к традициям, истории, культурному наследию нации, происходит изучение родного языка, воспитание патриотических чувств и формирование мировоззрения, прививаются национально значимые ценности и т.д. Высокий образовательный уровень также помогает человеку ориентироваться в современном интернациональном пространстве без физических границ, повышает его устойчивость к жизненным вызовам и адаптационный потенциал.

– Средства массовой информации. Этот институт способен влиять на способы восприятия аудитории, задавать повестку, актуализировать те или иные события либо понижать их значимость, формировать настроения, мнения и даже мировоззрение. Влияние СМИ также распространяется на способы восприятия той или иной нации, её ценностей и смыслов, её истории и культуры. Иными словами, СМИ могут оказывать воздействие на национальную идентичность, усиливая её значимость или, напротив, принижая её.

– Социальная среда. Первичная социализация человека происходит в семье, именно там закладываются основы личности, её ценности, мировоззренческие установки, отношение к Родине, истории, культуре и традициям своей нации. Именно они становятся базовыми элементами национальной идентичности. Следующие этапы социализации человек проходит в обществе. Если оно открытое, ориентированное на межкультурный диалог, то его члены будут воспитываться в условиях терпимости, осведомлённости и уважения.

– Глобализация и межкультурный диалог. С одной стороны,

глобализация расширяет горизонты и делает мир единым целым, то есть способствует развитию межкультурного диалога. Она порождает любопытство, интерес узнать что-то новое о других культурах и народах, желание сблизиться с ними. Межкультурный диалог, в свою очередь, также может способствовать сохранению национальной идентичности разных общин и групп. Этот процесс способен стать своеобразным мостом между культурами и народами, которые могут находить общий язык в диалоге и взаимопонимании. Но здесь есть опасность, связанная с тем, что межкультурный диалог не будет осуществляться взаимно и с учётом уникальных культурных особенностей. С другой стороны, глобализация может также привести к потере культурной идентичности и разрушению традиционных общественных структур. В настоящее время подобные процессы можно наблюдать в странах, где уникальные культурные традиции и обычаи заменяются глобальными стандартами под влиянием процессов вестернизации. Всё это может привести к потере культурной идентичности, нивелировать её признаки.

Также в качестве одного из факторов обеспечения ментальной безопасности, взаимосвязанной с национальной идентичностью, можно выделить информационную безопасность (Мохова, 2013). Информационная безопасность – это понятие, которое включает в себя набор мер и процедур, направленных на защиту информации от несанкционированного доступа, использования и распространения. Она стала важной частью современного информационного общества и неразрывно связана с ментальной безопасностью людей, поскольку несанкционированный доступ к конфиденциальной информации может привести к крупным финансовым потерям, угрозам приватности и физической безопасности, а также к психологическим последствиям, таким как тревога, страх и утрата доверия.

Важно отметить, что угрозы информационной безопасности на современном этапе развития общества становятся всё более разнообразными и сложными, поэтому необходимость обеспечения ментальной безопасности с помощью защиты информации становится особенно актуальной.

Перед субъектами обеспечения информационной безопасности стоит непростая и крайне ответственная задача по разработке новых методов противодействия угрозам информационной безопасности, развитию новых технологий, улучшению методов обучения и повышению уровня осведомлённости людей о мерах защиты личной информации, важности безопасного поведения в сети и других вопросах, связанных с ментальной безопасностью в целом.

Дополнительную нагрузку на ментальное здоровье россиян оказывают активно применяемые методы ведения ментальной войны, именуемые мягкой силой. В результате длительного воздействия стрессовых факторов разной природы нарушается ментальная без-

опасность и развивается кризис идентичности, которые наблюдаются в России на современном этапе её развития. Итак, здесь можно выделить следующие проблемы: слабое критическое мышление в данном вопросе, повышение конфликтности на этнической почве, слабая государственная политика по возрождению национальной идентичности (или формированию новой, на традиционных началах), отсутствие веры в будущее (Нечаев, 2012, с. 14). Всё это в особенности характерно для российской молодёжи.

Именно поэтому стоит отметить, что «важнейшей составляющей обеспечения национальной безопасности является идентичность, которая объединяет население в нацию, обеспечивает поддержку населением государственных институтов, устойчивость ментальной сферы к внешним неблагоприятным воздействиям» (Обринская, 2016, с. 209).

Таким образом, угрозы ментальной безопасности исходят от нарушенной национальной идентичности, пребывающей в состоянии кризиса. Если человек, представитель нации (сообщества), теряет идентификационные критерии, тем самым лишаясь связи с группой более высокого порядка, то он начинает воспринимать внешние воздействия как враждебные, у него появляется острая психологическая реакция, которая в итоге ведёт к нарушению ментальной безопасности. Равно как и в случае появления угроз личной (в том числе и ментальной) безопасности, идентичность начинает разрушаться, а представления человека о себе и о своей принадлежности к сообществу деформируются (Иванов, 2019).

Итак, перечисленные факторы, влияющие на ментальную безопасность и национальную идентичность в их взаимосвязи, могут выступать причинами ряда проблем, варианты решения которых будут рассмотрены далее.

Государство играет важную роль в решении проблем ментальной безопасности и национальной идентичности. Чтобы эффективно выполнять поставленные в этой сфере задачи, государство должно обладать широким спектром инструментов и полномочий, которые могут быть использованы для создания условий, обеспечивающих ментальную безопасность, сохраняющих национальную идентичность и поддерживающих межкультурный диалог.

Государство может обеспечить ментальную безопасность граждан с помощью мер социальной защиты, реабилитации, психологической помощи, просвещения. При этом оно должно придерживаться принципиальной социально ориентированной позиции по тем вопросам, которые касаются ментального здоровья.

Также в совместной зоне ответственности общества и государства находятся вопросы по сохранению национальной идентичности. Государство реализует эту задачу путём создания благоприятных условий, среди которых работающие культурные и исследовательские центры, занятия национальными культурными промыслами, введение целевых социальных программ, обеспечивающих сохранение национальных традиций и культурных ценностей.

Дополнительно государство может поддерживать национальную идентичность через образование, которое играет важную роль в вопросах её защиты.

Ментальная безопасность и национальная идентичность связаны с различными аспектами жизни людей, в том числе с их самочувствием, социальными отношениями, культурой и историей. Достижение общественного благополучия в решении этих проблем реализуемо через ряд комплексных мер, включающих в себя государственные и гражданские инициативы.

Так, на государственном уровне необходимо создавать специализированные структуры и центры, которые занимаются вопросами ментальной безопасности и национальной идентичности. Эти организации должны осуществлять работу, направленную на предупреждение возможных кризисных ситуаций, а также на поддержание психологического благополучия людей. Гражданские инициативы, в свою очередь, также имеют большое значение. Консолидирующую роль здесь способны сыграть сообщества, которые созданы целенаправленно, на основе общих интересов их участников, заинтересованных в развитии своей нации и государства, сохранении культурного наследия, поддержании социально-политического благополучия (ментальной безопасности), защите общезначимых объединяющих целей и ценностей (национальной идентичности).

Для России, как для полиэтнической страны, актуальным является сохранение разнообразия культур и этнических идентичностей народов, населяющих её территорию, при одновременной активизации усилий по защите общенациональной идентичности. Подобный подход представляется самым эффективным и перспективным для обеспечения ментальной безопасности.

Обеспечение ментальной безопасности посредством укрепления национальной идентичности зависит в том числе и от образовательного и воспитательного процесса. С его помощью происходит закладка основ личности, её ценностей, мировоззрения, отношения к окружающей действительности, способов общения с представителями собственной нации и с Другими. Важной задачей современной системы образования становится воспитание терпимости, уважения, нацеленности на диалог и одновременно – стремления сохранять свою собственную идентичность.

Культурное развитие страны также может способствовать укреплению и сохранению национальной идентичности. Здесь значимое место отводится музеям, библиотекам, выставкам, театрам и т. д. В их задачу входит установление межпоколенных связей, ознакомление с собственными культурными достижениями и культурой иных народов. Важно отметить, что технологические возможности XXI в. способны сделать качественный прорыв в этом направлении: от создания специальных приложений, осуществляющих мониторинг показателей ментального здоровья пользователей, до организации работы виртуальных музеев и внедрения мето-

дов интерактивного образования. При рациональном подходе и учёте возможных рисков (эскапизма, национальной вражды или, напротив, отказа от своей национальной идентичности в пользу другой и пр.) привлечение информационно-коммуникационных технологий может способствовать укреплению национальной идентичности и тем самым обеспечить ментальную безопасность.

Заключение

В XXI в. естественные глобализационные процессы, изменившиеся принципы ведения войны (терроризм, гибридизация), информационная перегрузка, множество стрессов усилили своё влияние на государства и общества, которые столкнулись с рядом вызовов и угроз, препятствующих их гармоничному существованию. В результате острым стал вопрос об обеспечении ментальной безопасности. Для национальных государств одним из самых действенных способов в этом отношении становятся сохранение и защита собственной национальной идентичности.

Национальная безопасность опирается на национальную идентичность как на основу возникновения государства и нации. Именно поэтому государство и общество заинтересованы в том, чтобы совместно содействовать её укреплению с целью повышения уровня ментальной безопасности. При этом национальная идентичность не должна укрепляться за счёт возвышения собственной нации и пренебрежения другими, равно как и ментальная безопасность не может быть полноценной в условиях как антагонистического противостояния между идентичностями различных наций, так и чрезмерного взаимопроникновения и слепого копирования.

Таким образом, обеспечение ментальной безопасности и защита национальной идентичности представляют собой единый процесс, направленный на развитие человека как общественной единицы путём воспитания в нём таких качеств, как толерантность, уважение, открытость, патриотизм, верность принципам и Родине, любознательность. Крепкая и развитая национальная идентичность способна гарантировать безопасность государства от внутренних и внешних угроз, а также гармоничное развитие наций в процессе межкультурного и межнационального диалога.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

- Авксентьев, 2013 – *Авксентьев В.А.* Идентичность как фактор безопасности // Наука: комплексные проблемы. 2013. № 1 (1). С. 52-56.
- Ачкасов, 2010 – *Ачкасов В.А.* Кризис национальной идентичности и проблемы безопасности России // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 63-67.
- Белинская, 2018 – *Белинская Е.П.* Современные исследования идентичности: от структурной определённости к процессуальности и незавершённости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6-15.
- Верещагина, Гафиатулина, Самыгин, 2015 – *Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И.* Духовные аспекты формирования национальной идентичности: социологический анализ угроз социальному здоровью и духовной безопасности России // Инженерный вестник Дона. 2015. № 3 (37). С. 59.
- Гришина, 2018 – *Гришина Е.А.* Социологическая интерпретация понятия «гражданская идентичность» // Гражданская идентичность и символы России в Крыму. М.: ООО Издательство «Ключ-С», 2018. С. 119-125.
- Донская, Новикова, Москалёва, 2022 – *Донская О.Г., Новикова Т.Ю., Москалёва Е.Н.* Обеспечение ментальной безопасности личности в условиях цифровизации // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 81-86.
- Иванов, 2019 – *Иванов М.С.* Угрозы идентичности в системе отношения к личной безопасности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4 (80). С. 974-981.
- Иванова, 2012 – *Иванова С.В.* О гражданственности, национальной идентичности, безопасности // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21). С. 4-9.
- Ильницкий, 2022 – *Ильницкий А.М.* Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24-35.
- Коровникова, 2023 – *Коровникова Н.А.* Вопросы ментальной безопасности в контексте российско-украинского конфликта // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Материалы Пятой международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». Вып. 6. Ч. 1. / Ред. В.И. Герасимов. М., 2023. С. 1-5.
- Ксенофонтов, 2022 – *Ксенофонтов В.А.* Ментальная безопасность государства // Труды БГТУ. 2022. Сер. 6. № 2. С. 108-113.
- Маргарян, Гевондян, 2013 – *Маргарян М.М., Гевондян Р.В.* Безопасность личности в дихотомии космополитизм – этническая идентичность // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. № 7. С. 74-78.
- Мохова, 2013 – *Мохова С.Ю.* Идентичность и идентификация как составляющие информационно-психологической безопасности // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2013. № 5 (52). С. 86-90.
- Нечаев, 2012 – *Нечаев В.Д.* Круглый стол «Идентичность современной России: кризис ценностей, поиск смыслов и пути конструирования» // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21). С. 10-26.
- Обринская, 2022 – *Обринская Е.К.* Потенциал и перспективы развития и совершенствования государственного механизма обеспечения

ментальной безопасности Российской Федерации // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 347-352.

Обринская, 2016 – *Обринская Е.К.* Проблема идентичности в контексте обеспечения национальной безопасности // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 10-1 (22). С. 205-209.

Разина, 2022 – *Разина Т.В.* Национальная идентичность vs российская гражданская идентичность // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 2: Биология. Геология. Химия. Экология. 2022. № 2 (22). С. 7-12.

Скворцов, 2014 – *Скворцов И.П.* Потенциал идентичности в укреплении национальной безопасности России // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 281-284.

Сытых, 2015 – *Сытых О.Л.* Влияние социально-психологической безопасности на формирование гражданской идентичности // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2015. № 3-1. С. 89-93.

Титов, 2017 – *Титов В.В.* Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 42-54. <https://doi.org/10.7256/2305-560x.2014.1.10064>

Титов, 2016 – *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности в России: роль институтов культуры и массмедиа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 45-57.

Титов, 2019 – *Титов В.В.* Российская национально-государственная идентичность: социокультурные императивы трансформации // Вестник финансового университета. 2019. Т. 9. № 3 (39). С. 13-17. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-13-17>

Фроленкова, 2022 – *Фроленкова И.Ю.* Теоретические обоснования вопросов укрепления национально-культурной идентичности через наследие в работах широкого круга исследователей // Kant. 2022. № 1 (42). С. 177-181.

Юрченко, Герасимов, 2009 – *Юрченко И.В., Герасимов И.А.* Кризис идентичности как угроза ментальным основам общенациональной безопасности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1 (15). С. 110-116.

Berzonsky, 2008 – *Berzonsky M.* Identity formation: the role of identity processing style and cognitive processes // Personality and Individual Differences. 2008. Vol. 44. Pp. 645-655.

De Fina, 2006 – *De Fina A.* Group identity, narrative and self-representations // *De Fina A., Schiffrin D., Bamberg M.* Discourse and Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Pp. 351-375.

Lahlou, 2008 – *Lahlou S.* Identity, social status, privacy and face-keeping in digital society // Sciences Information. 2008. Vol. 47. No. 3. Pp. 299-330.

McAdams, 2011 – *McAdams D. P.* Narrative identity // *Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L.* Handbook of Identity Theory and Research. N. Y.: Springer, 2011. Pp. 99-115.

References

Avksentyev, V. A. (2013). Identity as a factor of security. *Science: Complex Problems*, 1 (1), 52-56. (In Russian)

Achkasov, V. A. (2010). Crisis of national identity and security problems of Russia. *Vestnik of Moscow University. Series 12: Political Sciences*, 4, 63-67. (In Russian)

Belinskaya, E. P. (2018). Modern identity research: from structural determinacy to processuality and incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Pedagogy*, 8 (1), 6-15. (In Russian)

Berzonsky, M. (2008). Identity formation: The role of identity processing style and cognitive processes. *Personality and Individual Differences*, 44, 645-655.

De Fina, A. (2006). Group identity, narrative and self-representations. In A. De Fina, D. Schiffrin, M. Bamberg (Eds.). *Discourse and Identity* (pp. 351-375). Cambridge University Press.

Donskaya, O. G., Novikova, T. Y., Moskalyova, E. N. (2022). Ensuring mental safety of a person in the conditions of digitalization. *Scholarly Notes of Vladimir Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*, 8 (4), 81-86. (In Russian)

Frolenkova, I. Yu. (2022). Theoretical justifications for strengthening the national-cultural identity through heritage in the works of a wide range of researchers. *Kant*, 1 (42), 177-181. (In Russian)

Grishina, E. A. (2018). Sociological interpretation of the concept "civil identity". In *Civil Identity and Symbols of Russia in Crimea* (pp. 119-125). Publishing House "Key-S". (In Russian)

Ivanov, M. S. (2019). Threats to identity in the system of personal security attitude. *Vestnik of Kemerovo State University*, 21 (4/80), 974-981. (In Russian)

Ivanova, S. V. (2012). On citizenship, national identity, security. *Values and Meanings*, 5 (21), 4-9. (In Russian)

Ilnitsky, A. M. (2022). Strategy of mental security of Russia. *Military Thought*, 4, 24-35. (In Russian)

Korovnikova, N. A. (2023). Questions of mental security in the context of the Russian-Ukrainian conflict. In V. I. Gerasimov (Ed.). *Big Eurasia: Development, Security, Cooperation. Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference "Big Eurasia: National and Civilizational Aspects of Development and Cooperation"* (pp. 1-5). Vol. 6. Part 1. (In Russian)

Lahlou, S. (2008). Identity, social status, privacy and face-keeping in digital society. *Sciences Information*, 47 (3), 299-330.

Margarayan, M. M., Gevondyan, R. V. (2013). Personal security in the dichotomy of cosmopolitanism – ethnic identity. *Fundamental and Applied Research: Problems and Results*, 7, 74-78. (In Russian)

McAdams, D. P. (2011). Narrative identity. In S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (Eds.). *Handbook of Identity Theory and Research* (pp. 99-115). Springer.

Mokhova, S. Y. (2013). Identity and identification as components of information-psychological security. *Scholarly Notes of Trans-Baikal State University*, 5 (52), 86-90. (In Russian)

Nechaev, V. D. (2012). Round table "Identity of modern Russia: crisis of values, search for meanings, and ways of construction". *Values and Meanings*, 5 (21), 10-26. (In Russian)

Obrinskaya, E. K. (2022). Potential and prospects for the development and improvement of the state mechanism for ensuring the mental security of the Russian Federation. *Scholarly Notes of Vladimir Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*, 8 (1), 347-352. (In Russian)

Obrinskaya, E. K. (2016). The problem of identity in the context of ensuring national security. *Symbol of Science: International Scientific Journal*, 10-1 (22), 205-209. (In Russian)

Razina, T. V. (2022). National identity vs Russian civic identity. *Bulletin of Syktyvkar University. Series 2: Biology. Geology. Chemistry. Ecology*, 2 (22), 7-12. (In Russian)

Skvortsov, I. P. (2014). Potential of identity in strengthening the national security of Russia. *Society and Law*, 4 (50), 281-284. (In Russian)

Sytykh, O. L. (2015). Influence of socio-psychological security on the formation of civic identity. *Social Integration and Development of Ethnocultures in the Eurasian Space*, 3-1, 89-93. (In Russian)

Titov, V. V. (2017). National-state identity as a space for political meanings and images. *News of Tula State University. Humanities*, 1, 42-54. <https://doi.org/10.7256/2305-560x.2014.1.10064> (In Russian)

Titov, V. V. (2016). Politics of memory and the formation of a national-state identity in Russia: the role of cultural institutions and mass media. *News of Tula State University. Humanities*, 3, 45-57. (In Russian)

Titov, V. V. (2019). Russian national-state identity: socio-cultural imperatives of transformation. *Bulletin of the Financial University*, 9 (3), 13-17. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-13-17> (In Russian)

Vereshchagina, A. V., Gafiatulina, N. K., Samygin, S. I. (2015). Spiritual aspects of forming national identity: sociological analysis of threats to social health and spiritual security of Russia. *Engineering Bulletin of Don*, 3 (37), 59. (In Russian)

Xenofontov, V. A. (2022). State's mental security. *Proceedings of BSTU, Series 6*, 2, 108-113. (In Russian)

Yurchenko, I. V., & Gerasimov, I. A. (2009). The crisis of identity as a threat to the mental foundations of national security. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*, 1 (15), 110-116. (In Russian)

ПАНОРАМА

УДК 004.896 + 17.037 + 51.77

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-145-161

АВТОМАТИЗИРОВАННОЕ ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ПРОБЛЕМА ВЫНУЖДЕННОГО ДОВЕРИЯ

Кеосиди Игорь Игоревич – аспирант. Институт подготовки кадров высшей квалификации, Пятигорский государственный университет. Российская Федерация, 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9;
e-mail: keosidi10@gmail.com;
ORCID 0009-0003-6702-4365

Кеосиди Юрий Игоревич – аспирант. Институт подготовки кадров высшей квалификации, Пятигорский государственный университет. Российская Федерация, 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9;
e-mail: keosidi@yahoo.com;
ORCID 0009-0009-0550-5431

В XXI в. общественная жизнь претерпевает значительные изменения. Ежедневно генерируется гигантское количество информации о каждом из жителей планеты, которая затем используется различными алгоритмами с целью управления социальными процессами. Современные способы управления социальными процессами в большинстве случаев опираются на алгоритмы. Развивается нейросетевой подход, основанный не на полном описании алгоритма с помощью кода, а на машинном обучении. Такой подход позволяет значительно ускорить рост качества управления социальными процессами, поскольку не требует эмпирического познания. Наряду с преимуществами, этот процесс несёт в себе и угрозы. Сама модель GPT-3 в ответ на прямой вопрос об опасностях, которые она несёт, называет четыре ключевых компонента: предрасположенность к уже принятым ранее решениям, поскольку обучается на основе исторических данных; замену человеческого труда; стирание границ между личной и общедоступной информацией; отсутствие эмпатии, лишь сухое выполнение поставленной задачи. Они и формируют цель данной статьи – получить ответ на вопрос: может ли человек на современном этапе развития технологий доверять решениям, принятым алгоритмами, не видя всех причинно-следственных связей, преобразующих входящие данные? Эмерджентность – наличие у системы свойств, не присущих её компонентам по отдельности, – с одной стороны, является той отличительной особенностью, которая позволяет современным системам алгоритмического принятия решений быть достаточно точными и надёжными, но с другой стороны, именно эмерджентность усложняет понимание механизма работы автоматизированной системы. Это приводит к противоречию: степень доверия к алгоритмически принятым решениям, как мы полагаем, снижается тогда, когда увеличиваются области их применения.

Ключевые слова: информационное общество, социальные процессы, алгоритм, алгоритмизация общества, искусственный интеллект, нейросеть

Цитирование: Кеосиди И.И., Кеосиди Ю.И. Автоматизированное принятие решений в социальной сфере: проблема вынужденного доверия // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 3. С. 145-161. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-145-161

Рукопись получена: 1 августа 2023

Пересмотрена: 10 октября 2023

Принята: 12 октября 2023

ALGORITHMIC DECISION-MAKING IN THE SOCIAL SPHERE: THE PROBLEM OF FORCED TRUST

Igor I. Keosidi – PhD student.
Institute for Training of Higher
Qualifications, Pyatigorsk State
University, 9, Kalinina ave.,
357532 Pyatigorsk, Russian
Federation;
e-mail: keosidi10@gmail.com;
ORCID 0009-0003-6702-4365

Yuri I. Keosidi – PhD student.
Institute for Training of Higher
Qualifications, Pyatigorsk State
University, 9, Kalinina ave.,
357532 Pyatigorsk, Russian
Federation;
e-mail: keosidi@yahoo.com;
ORCID 0009-0009-0550-5431

In the 21st century, social life is undergoing significant changes. A huge amount of information is generated daily about each inhabitant of the planet, which is then used by various algorithms to manage social processes. Modern methods of managing social processes mostly rely on algorithms. The neural network approach is developing, based not on a complete description of the algorithm, but on machine learning. This approach allows to significantly accelerate the growth of the quality of management of social processes, since it does not require empirical knowledge. Along with advantages, this process also carries threats. The GPT-3 model itself, in response to a direct question about the dangers it poses, names four key components, each of which forms the goal of the article - to get an answer to the question: can a person trust decisions made by algorithms at the current stage of technological development without seeing all the cause-and-effect relationships that transform incoming data? Emergence behavior – the ability of a system to demonstrate properties that are not inherent in its components separately, is a distinctive feature that allows modern systems of algorithmic decision-making to be quite accurate and reliable. However, on the other hand, it is emergent nature that complicates the understanding of the mechanism of automated system operation. This leads to a contradiction: the extent of confidence in algorithmic decisions, as we believe, decreases inversely proportional to the growth of their application area.

Keywords: information society, social processes, algorithm, algorithmization of society, artificial intelligence, neural network

How to cite: Keosidi, I.I., Keosidi, Yu.I. (2023). Algorithmic decision-making in the social sphere: the problem of forced trust, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (3): 145-161. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-145-161 (In Russian)

Received: 1 August 2023

Revised: 10 October 2023

Accepted: 12 October 2023

Введение

С развитием технологий появилась система алгоритмического принятия решений, которая принесла не только повышение эффективности управления, но и проблему доверия к принятым решениям. В случае, когда решение принимается живым человеком, группа лиц, на которых оно направлено, очевидно, считает его ответственным за принятое решение. А что делать, если решение принято машиной? Существует три возможных способа распределения ответственности при передаче подготовки решения алгоритму:

- всю ответственность несёт человек;
- ответственность делится пополам;
- всю ответственность несёт машина.

Под ответственностью машины в данном случае понимаются полное отстранение человека и восхождение ответственности к самой сути алгоритма, описывающей правила его работы. Принятые решения не всегда удовлетворяют тех, на кого они направлены. И если ответственным за решение (хотя бы частично) назначен алгоритм (то есть нечто обезличенное в глазах пользователя), то может возникать чувство незащищённости и (или) неуверенности в таком способе взаимодействия

Цель статьи – получить ответ на вопрос: может ли человек на современном этапе развития технологий доверять решениям, принятым алгоритмами, не видя всех причинно-следственных связей, преобразующих входящие данные. В процессе написания статьи вопрос будет исследоваться в разных аспектах, например:

- есть ли способ или по крайней мере предпосылки существования способа гарантировать безошибочную работу алгоритма?
- какой доверительный интервал считать удовлетворительным?
- имеет ли смысл сравнивать результат, полученный с помощью алгоритма, с неким абстрактным идеальным показателем? Или нужно сравнивать с тем результатом, который будет достигнут путём решения той же задачи человеком или группой людей?

На основе трудов Ю. Хаяши, Й. Масуды (Masuda, 1981), Д. Белла (Bell, 1999) Ф. Уэбстера (Webster, 2001) мы сформировали определение информационного общества, от которого будем отталкиваться в данной статье. Информационное общество – это тип общества, характеризующийся высокой степенью зависимости качества управленческих решений от объёма и качества информации, описывающей отдельно взятые субъекты общества. Цифровое общество, являющееся подвидом информационного, можно охарактеризовать как общество, в котором оцифровка данных сильно влияет на каждый аспект жизни: как мы общаемся и взаимодействуем, как мы работаем, учимся, остаёмся здоровыми и участвуем в политике и экономике (Digital Society, web). Современное обще-

ство является одновременно информационным и цифровым, поскольку характеризуется высокой степенью зависимости управленческих решений от качества и количества доступной информации, а также высокой степенью цифровизации социальных процессов.

Предметом исследования является проблема вынужденного доверия общества к тем решениям, которые принимаются или непосредственно вычислительными технологиями, или людьми на основе результатов, полученных с помощью этих технологий – компьютеров, роботов, вычислительных машин.

Системы автоматизированного принятия решений: от инженерного к гуманитарному измерению

Системы алгоритмического принятия решений (АПР) основаны на сборе и анализе больших объёмов информации (Newell, Marabelli, 2015). Информация может быть получена из различных источников. Если для принятия решения в относительно изолированном пространстве (например, внутри одной семьи или небольшой группы лиц) достаточно информации, которую пользователи соберут и внесут самостоятельно, то для решений, затрагивающих большее количество лиц, используется *big data*. Этот термин включает множество значений, которые имеют общие начала. На основе положений книги (Mayer-Schönberger, Cukier, 2014) будем использовать термин *big data* для описания той информации, которая удовлетворяет следующим условиям:

- её объём настолько велик, что для сбора и анализа требуется автоматизированная система;
- она постоянно обновляется, а объём – увеличивается;
- количество респондентов достаточно велико, а их выборка разнообразна для того, чтобы делать выводы о больших группах населения, таких как страна, регион, континент, вся планета;
- она добывается без осознанного согласия людей (это условие не всегда является обязательным, но, как правило, применимо).

В статье Д. Лэйни (Laneу, 2001, web) описаны три V, сочетание которых необходимо для качественной *big data*: объём (*volume*), разнообразие (*variety*) и скорость получения (*velocity*). Впоследствии автор добавил ещё несколько V, однако для целей нашей статьи достаточно этих ключевых характеристик.

Решения, принятые с помощью АПР, обладают двумя характеристиками (Mayer-Schönberger, Cukier, 2014):

- основаны на *big data* или другом наборе информации, который по своим характеристикам схож с описанием *big data*;
- доступ лиц, принимающих решение, к правилам, по которым алгоритмы формируют свои «предложения», зачастую закрыт или игнорируется.

На наш взгляд, эти характеристики верны именно для систем АПР, основанных на анализе *big data*. Локальные АПР могут быть

основаны на ручном вводе входной информации. Все дальнейшие рассуждения будем проводить именно для *big data*, так как социальные процессы не могут быть локализованы и требуют её использования.

Как видно из определения и второй характеристики, правила работы современных систем АПР не могут быть полностью описаны человеком, что означает, что системы АПР являют собой так называемые чёрные ящики. Пользователи видят входящую информацию и результат, а сам процесс отдан алгоритму. АПР основано на истории. Чем больше информации доступно, тем больше статистики использует система для выведения общего правила. Это нейросетевой подход, который и дал новый толчок развитию алгоритмизации после двух десятилетий зимы искусственного интеллекта.

Мы будем придерживаться определения Оксфордского словаря относительно искусственного интеллекта (Oxford University Press, 2008, web). Искусственный интеллект – это теория и разработка компьютерных систем, способных выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта, такие как визуальное восприятие, распознавание речи, принятие решений и перевод с одного языка на другой.

Понятие алгоритма мы разработали самостоятельно на основе исследованной литературы (Алексеев, 2021; Брагилевский, 2019, web, с. 7). Алгоритм – это набор точных шагов для решения поставленной задачи, чёткое следование которым приведёт к желаемому результату.

На основе определений алгоритма и АПР можно заключить, что проблема доверия – это проблема, вызванная именно АПР, поскольку алгоритм в классическом понимании является скорее белым ящиком – системой правил, формализованных и описанных человеком. Однако системы АПР для достижения целей могут создавать собственные алгоритмы, которые уже являются чёрными ящиками. В дальнейшей работе под термином алгоритм будем понимать именно такие алгоритмы, которые не являются полностью формализованными человеком.

Мы будем опираться на понятие «алгоритмическое управление», данное Р. Питерсом (Schuilenburg, Peeters (eds.), 2021), которое обозначает замену человека в принятии решений, рациональные и расчётливые выводы с помощью алгоритмов так называемого чёрного ящика. По аналогии с понятием «информационное общество» мы определим «алгоритмическое общество» как тип общества, характеризующийся высокой степенью зависимости от решений, принятых вычислительными компонентами информационных технологий или на их основе.

Все абстрактные вычислительные компоненты информационных технологий обладают двумя общими характеристиками – упрощение и закрытие. Упрощение – это разделение процесса на множество более мелких подпроцессов, выполняемых последова-

тельно. Закрытие – это изоляция этих подпроцессов, в частности и всего процесса в целом, гарантирующая их выполнение без вмешательства извне (Kallinikos, 2005).

В инженерном ракурсе алгоритм является закрытой системой правил, которая принимает на вход заданные параметры, проводит их через все описанные действия и выдаёт результат. Для пользователя это выглядит как отображение одного множества в другое. Оно может быть инъективным или сюръективным, однако всегда является конечным процессом. Каждому набору входных параметров соответствует ровно один результат. Если алгоритм создан для прогнозирования, то результатом также является однозначный набор данных, однако применяется доверительный интервал, поскольку заданная ситуация была смоделирована, и ответ – это прогноз. В основе алгоритмического прогнозирования, как и любого прогнозирования, лежит теория вероятности и комбинаторика. Насчёт применения этих принципов в социальных процессах более корректно будет утверждать, что чаще используется наука, родственная теории вероятности – математическая статистика. Один из основных методов математической статистики – это метод максимального правдоподобия, который заключается в том, чтобы количество исследуемых элементов множества, попавшее в выборку, было достаточно для корректного вывода обо всём множестве. Очевидно, чем больший процент составляет количество элементов, попавших в выборку, тем точнее будет результат. Есть ограничение «снизу» – число, меньше которого выборка не будет иметь смысла. Однако всегда существуют и ограничения «сверху» в виде:

- доступности информации;
- стоимости получения информации;
- скорости обработки информации.

Как следствие, возникает задача достижения баланса, при котором, с одной стороны, прогнозирование достаточно точно для заданной цели, а с другой – затраты на весь процесс окупаются эффектом от достижения цели. При решении сугубо формальных математических задач, как нам кажется, указанный баланс всегда достижим, поскольку можно оцифровать важность задачи, цену ошибки и стоимость уточнения результата. В случае с социальными процессами таких однозначных ответов дать невозможно. Рассмотрим процесс управления и алгоритмизации в гуманитарном ракурсе.

М. Фуко в начале 1980-х гг. ввёл неологизм «правительственность» (governmentality) (Foucault, 1982; 2016), который он определил как совокупность методов реализации власти, включающую в себя, с одной стороны, развитие правительственных аппаратов, а с другой – определённый набор знаний об управлении обществом. Концепция «правительственности», по мнению М. Фуко, совершенно отличается от привычного концепта власти, представляющего собой совокупность политических идеологий и философий. Фуко в большей степени фокусировался на взаимосвязях

между правительством и «управляемыми», то есть на самих способах управления повседневной жизнью, включающих практики, техники, механизмы и аппараты управления, а также знания о субъектах управления. Он положил начало новой области исследований под названием «исследования правительственности», объектом которой стало, по обозначению Фуко, «поведение поведения» (Foucault, Sheridan, 2012). Фуко утверждал, что «правительство» – это особая форма власти, возникшая в Средние века. Центральное место в подходе Фуко занимает использование более древнего значения слова «правительство», которое возникло в отношении не государственных организаций, а практик управления. Под «правительством» он понимал «структурирование возможного поля действий других» или «рассчитанное направление поведения» (Foucault, 1982, С. 18). В таком контексте правлением можно называть деятельность не только глав государств, но и работодателей, учителей, родителей и прочих людей, своими действиями или правилами направляющих поведение других. Исследования правительственности Фуко – это возникновение рационализированных знаний о способах управления обществом. Предметом исследования становится сам процесс управления, отличный от политической философии, которая была темой большинства исследований общественного устройства, а технологии управления в них рассматривались как нейтральные инструменты.

Социологи П. Миллер и Н. Роуз (Miller, Rose, 2013) разделили правительственность на две составляющие: политическую рациональность и технологию управления. Объединяя эмпирические работы по управлению экономической, социальной и личной жизнью, они рассмотрели всю социальную сферу как совокупность взаимосвязанных процессов, изменение одного из которых влечёт за собой неизбежные изменения в других. Воздействуя на экономику, можно достичь желаемого результата, например, в показателях здоровья населения.

Мы рассмотрели работы о правительственности, чтобы продемонстрировать, с одной стороны, важность проблемы исследования способов управления обществом, а с другой стороны, невысокую степень разработки проблемы в современных реалиях, в период экспоненциального роста технологического прогресса.

Управление данными и проблема перехода количества в качество

Информация присутствовала в жизни людей всегда. Но если до XX в. информация являлась средством обмена данными или их накопления, то начиная с XX в. количество накопленной и регулярно создаваемой информации стало настолько большим, что сам процесс управления информацией стал отдельной функцией работы, например, предприятий. Информация стала активом, который может быть использован более или менее эффективно в зависимо-

сти от организации управления данными. О. Гиацинтов (Гиацинтов, 2019) выделяет корпоративную функцию управления данными как одну из ключевых в работе современных предприятий. В масштабах организаций, государств или органов управления социальными процессами задача эффективного управления имеющейся информацией нередко становится, на наш взгляд, важнее самого наличия информации.

Как и все автоматизированные процессы, алгоритм управления чем-либо должен быть полностью описан на математическом языке. Например, наиболее простой вид алгоритма – это последовательность действий, включающая несколько шагов с разветвлением на возможные варианты ответа. В языках программирования эти операции обычно носят характер «если..., то...» (*if... then*). Одно из важнейших свойств автоматизированного принятия решений – это возможность быстро перебрать большое количество вариантов, что значительно ускоряет получение результата.

Предпосылки возникновения искусственного интеллекта с точки зрения философии были заложены родоначальниками рационализма Б. Спинозой (Спиноза, 2018) и Р. Декартом (Декарт, 1989). Несмотря на разные взгляды относительно связи разума и тела, оба философа предполагали возможным создание такой системы символов, которая станет фундаментом того, что сегодня называется искусственным интеллектом. Технологические предпосылки возникли также в XVII в. с созданием арифмометра Г. Лейбница и машины Б. Паскаля. Позднее, в XVIII в., математики искали способ описания всех законов динамики исключительно аналитическим путём без использования ручного опыта или иллюстрирующих рисунков (Euler, 1984; Truesdell, Euler, 1960; Даламбер, 1950). Затем А. Тьюринг, определивший понятие «алгоритм» как всё, что умеет делать машина Тьюринга (Turing, 1937), предложил тест, призванный ответить на вопрос «может ли машина мыслить?» (Turing, 1950). Суть теста сводится к тому, сумеет ли машина в процессе коммуникации с живым человеком обмануть его и заставить поверить в то, что с ним взаимодействует человек, а не машина. Ни одна машина, работающая на классическом алгоритме белого ящика, не прошла тест.

В середине XX в. появилось новое направление развития искусственного интеллекта. Параллельно традиционным математическим методам описания действий алгоритмов учёные стали использовать нейронные сети, которые способны относительно самостоятельно обучаться на основе существующей информации. В частности, в 1962 г. было предложено обучение на примерах (Malsburg, 1986), а в 1965 г. сформулировано правило резолюций (Robinson, 1965), описывающее метод доказательства через противоречия, которое легло в основу создания языков программирования, решающих задачи методом перебора бесчисленного количества вариантов. Таким образом, стало возможным перейти от ко-

личества к качеству не путём математического описания, а с помощью погружения машины в реальный мир и её адаптации.

В конце XX в. наступили так называемые две «зимы» искусственного интеллекта, отделённые друг от друга пятилетним периодом в начале 80-х гг., во время которого вера в потенциал искусственного интеллекта возобновилась благодаря появлению возможности его использования в коммерческих целях. Сами «зимы» заключались в том, что учёные приостанавливали работу над изучением искусственного интеллекта, считая её бесперспективной. Причинами «зим» явились:

- исследования, которые показали экспоненциальный рост количества вариантов при незначительном увеличении входных параметров;

- несколько неудачных примеров запуска широко анонсированных государственных проектов различных стран (Марголин, Дубровская, 2018).

Начиная с середины 1990-х гг., подход к обучению и, как следствие, методам работы систем АПР изменился. Учёные отошли от идеи создать искусственный интеллект, который бы функционировал как человек. Вместо этого для удовлетворения точечных потребностей, таких как, например, распознавание лиц, поддержка пользователя в форме чат-бота, стали использоваться нейросети. Ключевое отличие нового подхода заключается в том, что авторы систем АПР больше не пытаются описать все возможные сценарии с помощью формального языка. Вместо этого они используют *big data* для обучения машины. Нейросеть обучается на основе входной информации, а не на основе правил. Чем больше информации доступно для обучения, тем выше точность работы системы. В основе работы лежит не закрытая, а вероятностная модель. Маchine больше не пытаются придать свойства человека. Она остаётся машиной, но при этом количество данных для обучения настолько велико, что точность результата достаточна для использования. *BERT* от *Google* и *GPT-2* от *OpenAI*, выпущенные в 2018 г., уже умели улавливать контекст разговора. Это означало, что ответ на один и тот же вопрос, заданный разными пользователями, отличался в зависимости от содержания диалога, предшествовавшего запросу. Эти модели в своё время казались прорывом, но всё же была очевидна их «машинность». В частности, она проявлялась в конечном количестве возможных вариантов ответа. Однако в 2023 г. с появлением *GPT-3* ситуация изменилась. Вторая версия была основна на 1,5 млрд параметров, а третья – на 175 млрд (“*GPT-2 vs. GPT-3, web*”), что и объясняет колоссальный прирост точности ответов, разнообразия действий и, как следствие, повышения производительности и «интеллектуальности». Именно увеличение количества входных параметров привело к росту эмерджентности. Таким образом, можно заключить, что количество перешло в качество.

Проблема, вызванная развитием эмерджентных свойств нейросетей, заключается в том, что этическая составляющая, недоступная для машины, теряется, поскольку чем больше действий машина выполняет самостоятельно, тем меньшее вовлечение возможно для человека. Классический алгоритм, представляющий собой белый ящик, остался символьным, что не позволяет ему достичь уровня нейросети. Нейросеть, являющаяся чёрным ящиком, даёт лучший результат с точки зрения выполнения поставленной перед ним задачи, но порождает этическую проблему, которую можно разложить на две ключевые составляющие.

Первая часть проблемы заключается в том, что с развитием машинного обучения алгоритмически произведённые оцифрованные знания всё больше отделяются от человеческого опыта. Категории и действия алгоритмически генерируются в соответствии с логикой, которая определяется алгоритмом самостоятельно, а не задаётся человеком. Машинное обучение включает в себя установку многочисленных внутренних переменных и связей между ними, а также предоставление алгоритму обучающего входного материала в виде набора данных (например, имя, пол, возраст, уровень дохода, семейное положение, аккаунты в социальных сетях, фотографии) и выходной набор данных для обучения (например, кто из перечисленных людей получал Нобелевскую премию). Алгоритм неоднократно изменяет свои внутренние переменные и весовые коэффициенты между ними, чтобы наилучшим образом преобразовать входные данные в выходные. При этом алгоритм создаёт свои собственные правила, категории и оцифрованные знания для достижения наилучших ассоциаций между входными и выходными данными. Как результат, алгоритм выводит закономерности. Например, люди в возрасте от 35 до 50 лет с уровнем дохода от 10 до 15 тыс. долларов в месяц, замужем или женатые становятся лауреатами Нобелевской премии значительно чаще, чем все остальные. С одной стороны, это корректный вывод, а с другой – он может повредить качественному прогнозированию и исключить подходящих кандидатов из выборки. Это потенциальное заблуждение аналогично следующему. Большинство изобретений, открытий, научных достижений принадлежит мужчинам, из чего, на первый взгляд, можно сделать вывод о том, что мужчины сильнее в науке, чем женщины. Однако стоит принять во внимание следующие факты:

- долгое время женщинам либо запрещалось заниматься наукой, либо это не было принято;
- исторически женщины выполняли больше домашних обязанностей, чем мужчины (в силу обычаев, религии и др.), что оставляло им меньше свободного времени;
- летописи/архивы/исторические записи могли быть не беспристрастными.

Учитывая это, вывод перестаёт быть настолько очевидным. Для этого эффекта – как в жизни, так и в теории алгоритмов – есть тер-

мин «заблуждение/предубеждение, основанное на фактах», в английском – *bias*. Машинное обучение основано на исторических и (или) статистических данных. Эти данные могут быть интерпретированы алгоритмом как причинно-следственные связи, но на самом деле они таковыми не являются. Как следствие, все будущие суждения, основанные на неверном толковании прошлого, будут некорректны. Таким образом, первая часть этической проблемы заключается в том, что машинное обучение может быть предвзятым.

Вторая часть этической проблемы лежит в плоскости социотехнических систем и заключается в том, что любой результат – это, пусть и очень точная, но всё-таки аппроксимация. Если в случае с математическими моделями, это допустимо, то в случае с социальными процессами – нет. К примеру, если бы речь шла о математическом безэмоциональном процессе, то точность 95 %, которая приводит к сокращению необходимого количества работников в 20 раз, но зато допускает 5 % ошибок, могла бы считаться приемлемой. Однако когда ценой ошибки может стать жизнь человека, можем ли мы доверять «доверительному интервалу»? Примерами программ, работающих на базе нейросетей, могут являться:

- приложение «Родинка», определяющее злокачественные образования с помощью фото в домашних условиях;

- беспилотные такси.

Теперь перейдём к исследованию потенциальных рисков, вызванных использованием систем АПР в социальных процессах.

Автоматизированное принятие решений в социальной сфере (примеры, проблемы, методы решения, угрозы и риски)

Компьютеры в чистом виде исчезают, уступая место умным вещам (Чеклецов, 2015). Стационарная работа за компьютером, предполагающая чёткое разделение обычной и виртуальной жизни, уступает место непрерывному взаимодействию с продуктами информационных технологий, что и формирует проблему, которую частично решить может данная статья.

Предвосхищающее алгоритмическое управление выходит за рамки традиционного применения процедур и правил, а вместо этого вычисляет будущие реалии на основе вероятностной логики. Например, на основе введённых вами первых букв в поисковую строку, учитывая историю ваших прошлых поисков, геолокацию и т. д., алгоритмы *Google* выдают результаты, которые отличаются от результатов других людей, напечатавших такие же символы в строке поиска.

Приведём примеры внедрения алгоритмов на государственном уровне. Часто они используются в принудительном управлении наиболее маргинализированными слоями населения. Службы защиты детей и их социального обеспечения сравнительно рано начали использовать алгоритмы предвидения для классификации риска для детей в плане жестокого обращения или безнадзорности.

Ф. Гиллингем (Gillingham, 2019; 2006) изучал внедрение и эволюцию оценок на основе риска в Австралии, Новой Зеландии и Великобритании, начиная с форм компьютерных экранных потоков и заканчивая более автоматизированными системами. Гиллингем наблюдал, как такие системы поддержки принятия решений создают оцифрованные знания о будущей жизни ребенка на основе количественных обезличенных данных о нём. С одной стороны, результаты анализа были достаточно точны, но с другой – они одновременно бросали вызов более тонким и глубоким профессиональным знаниям работников системы социального обеспечения детей. Система автоматизированного принятия решений фактически становится основой для принятия решения об изъятии ребенка у родителей, что чревато серьёзными последствиями для детей в случаях как ложноотрицательных, так и ложноположительных результатов (Kedell, 2016).

Аналогичные модели используются и в уголовном правосудии для того, чтобы дополнить или заменить профессиональные человеческие суждения, например, работников полиции или судей. Развивается предиктивная полицейская деятельность (Smith et al., 2017). Алгоритмы используют аналитику данных, моделирование и машинное обучение для прогнозирования и предотвращения преступлений, а также для вынесения вердиктов о виновности или невиновности подсудимого на основе данных о нём и машинном обучении, использующем данные о людях, совершавших преступления в прошлом. Здесь также существует вероятность ошибочного суждения на основе *bias*, поскольку, очевидно, в таком случае, человек с одним набором антропологических данных (схожих с прошлыми преступниками) будет с большей вероятностью признан виновным, чем другой.

В некоторых городах применяется алгоритмический расчёт количества полицейских, необходимых для патрулирования улиц в зависимости от времени суток, района, месяца и других параметров. В таком случае каждый гражданин не ощущает на себе прямую никакого воздействия со стороны государства, но участвует в общественной жизни, некоторые параметры которой определены алгоритмом. Человек, проживающий в статистически более благополучном районе, платит такие же налоги, как и проживающие в районах, острее нуждающихся в полиции, но получает это общественное благо в меньшей степени.

Обобщим рассмотренные в статье особенности использования систем алгоритмического принятия решений.

Механизм работы подобных алгоритмов являет собой чёрный ящик, что порождает следующие риски. Невозможно быть уверенным в правильности работы системы, поскольку машинное обучение основано на исторических данных, которые могут быть неверно интерпретированы. Однако с каждым днём алгоритмическим системам принятия решений делегируется всё больше ответственности, на основе их предложений могут быть сделаны очень серьёз-

ные, необратимые выводы. Таким образом, проблема вынужденного доверия действительно актуальна.

Заключение

Как мы видим, системы АПР прочно вошли в жизнь современного человека. С каждым шагом своего развития системы АПР становятся, с одной стороны, всё точнее, а с другой – всё автономнее и неподвластнее для понимания человеком их причинно-следственных связей. Рост вычислительной мощности даёт рост релевантности ответов, однако не решает проблему чёрного ящика, а, напротив, лишь усугубляет её, поскольку точность, удобство и эффективность вынуждают расширять использование АПР.

Приведённые примеры показывают, что качества алгоритмов (беспристрастность, последовательность, объективность), которые являются преимуществами относительно человека, в некоторых ситуациях могут оказаться недостатками. Это приводит к следующему вопросу, который, как нам кажется, задают себе исследователи во всех областях: как из многогранного процесса научиться извлекать лишь положительные стороны, отделяя их от побочных негативных эффектов?

На наш взгляд, при современном уровне развития технологий ответ на поставленный в начале статьи вопрос – нет, человек всё еще не может полностью доверять решениям, принятым алгоритмами, не видя всех причинно-следственных связей, преобразующих входящие данные. Мы придерживаемся мнения, что даже если на бесконечном количестве выборок (примеров, проб) машина будет выдавать верный ответ, люди не станут полностью доверять ей. Путь к доверию лежит в возможности на любом этапе посмотреть, как именно принято то или иное решение. Под конечным решением мы понимаем возможность вмешаться в работу алгоритма на любом этапе, иметь доступ ко всем входным данным и к самим логическим связям, заложенным в алгоритм. Иначе говоря, мы придерживаемся мнения, что на данный момент человек не может доверять чёрному ящику.

Данный вывод нами сделан на основе изучения теоретических основ алгоритмического управления и примеров его реализации в социальной сфере. Мы предполагаем, что на сегодняшний день в социальных процессах, требующих индивидуального подхода, алгоритмы могут и должны использоваться с целью повышения скорости, точности и, как следствие, эффективности, однако конечное решение должен принимать человек.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Алексеев, 2021 – *Алексеев В.В.* Теория алгоритмов. Учебно-методическое пособие. СарФТИ НИЯУ МИФИ, Саров, 2021. 98 с.

Брагилевский, 2019, web – *Брагилевский В.Н.* Лекции по теории алгоритмов. Конспект лекций. СПб, 2019. 113 с. URL: https://gsom.spbu.ru/images/cms/data/teoriya_algoritmov.pdf (дата обращения: 31.05.2023)

Гиацинтов, 2019 – *Гиацинтов О.* Управление данными для эффективной цифровой трансформации. М.: DIS Group, 2019. 51 с.

Даламбер, 1950 – *Даламбер Ж.Л.* Динамика / Пер. с франц. В.П. Егоршина. М.: Гостехиздат, 1950. 315 с.

Декарт, 1989 – *Декарт Р.* Сочинения в двух томах, Т.1, Философское наследие / Пер. с лат. и франц. В.В. Соколова. М: Мысль, 1989. 654 с.

Марголин, Дубровская, 2018 – *Марголин И., Дубровская Н.* Основные этапы развития искусственного интеллекта // Молодой ученый. 2018. Вып. 206. С. 23-26.

Спиноза, 2018 – *Спиноза Б.* Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделённая на пять частей / Пер. с лат. Н. А. Иванцов. 2-е изд. М.: Академический проект, 2018. 334 с.

Чеклецов, 2015 – *Чеклецов В.* Динамические эмерджентные интерфейсы сложных социотехнических систем // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2015. № 9. С. 70-85. <https://doi.org/10.17726/philIT.2015.9.1.1.18>

Bell, 1999 – *Bell D.* The Coming of Post-industrial Society: a Venture in Social Forecasting. N.Y.: Basic Books, 1999. 507 p.

Dean, 2010 – *Dean M.* Governmentality: Power and Rule in Modern Society. L.: SAGE; Calif: Thousand Oaks, 2010. 294 p.

Euler, 1984 – *Euler L.* Elements of Algebra. N. Y.: Springer New York, 1984. 593 p., doi:10.1007/978-1-4613-8511-0

Foucault, 2016 – *Foucault M.* On The Government of the Living: Lectures at the Collège de France, 1979-1980. N.Y.: Picador, 2016. 260 p.

Foucault, 1982 – *Foucault M.* The subject and power // Critical Inquiry. 1982. Vol. 8. No. 4. Pp. 777-795.

Foucault, Sheridan, 2012 – *Foucault M., Sheridan A.* Discipline and Punish: the Birth of the Prison. N.Y.: Vintage, 2012. 333 p.

Gillingham, 2019 – *Gillingham P.* Decision support systems, social justice and algorithmic accountability in social work: a new challenge // Practice. 2019. No. 31. Pp. 277-290, doi:10.1080/09503153.2019.1575954

Gillingham, 2006 – *Gillingham P.* Risk assessment in child protection: problem rather than solution? // Australian Social Work. 2006. No. 59. Pp. 86-98, doi:10.1080/03124070500449804

GPT-2 vs. GPT-3, web – GPT-2 vs. GPT-3: Which is Better for Language Modeling? URL: <https://ts2.space/en/gpt-2-vs-gpt-3-which-is-better-for-language-modeling/> (дата обращения: 31.05.2023)

Kallinikos, 2005 – *Kallinikos J.* The order of technology: complexity and control in a connected world // Information and Organization 2005. No. 15. Pp. 185-202, doi:10.1016/j.infoandorg.2005.02.001

Keddell, 2016 – *Keddell E.* Substantiation decision-making and risk prediction in child protection systems // *Policy Quarterly*. 2016. Vol. 12. No. 2. Pp. 46-56, doi:10.26686/pq.v12i2.4587

Laney, 2001, web – *Laney D.* 3-D data management: controlling data volume, velocity and variety // *Application Delivery Strategies META Group Inc.* 6 February 2001. URL: <https://studylib.net/doc/8647594/3d-data-management--controlling-data-volume--velocity--an...> (дата обращения: 05.05.2023).

Masuda, Y., 1981 – *Masuda Y.* The Information Society as Post-industrial Society. Tokyo: Institute for the Information Society, 1981. 35 p.

Mayer-Schönberger, Cukier, 2014 – *Mayer-Schönberger V., Cukier K.* Big Data: a Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think. Boston: Mariner Books, Houghton Mifflin Harcourt, 2014. 252 p.

Miller, Rose, 2013 – *Miller P., Rose N.S.* Governing the Present: Administering Economic, Social and Personal Life. Cambridge Malden: Polity Press, 2013. 246 p.

Newell, Marabelli, 2015 – *Newell S., Marabelli M.* Strategic opportunities (and challenges) of algorithmic decision-making: a call for action on the long-term societal effects of “datification” // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2015. No. 24. Pp. 3-14, doi:10.1016/j.jsis.2015.02.001

Oxford University Press. 2008. URL <https://global.oup.com/academic/?lang=en&cc=us> (дата обращения: 05.05.2023).

Robinson, 1965 – *Robinson J.A.* A Machine-oriented logic based on the resolution principle // *Journal of the ACM*. 1965. No. 12. Pp. 23-41, doi:10.1145/321250.321253

Schuilenburg, Peeters (eds.), 2021 – *Schuilenburg M., Peeters R.* (eds.). The Algorithmic Society: Technology, Power, and Knowledge. L.; N.Y.: Routledge/Taylor & Francis Group, 2021. 203 p.

Smith, Bennett Moses, Chan, 2017 – *Smith G.J.D., Bennett Moses L., Chan J.* The challenges of doing criminology in the big data era: towards a digital and data-driven approach // *The British Journal of Criminology*. 2017. Vol. 57. No. 2. Pp. 259-274, doi:10.1093/bjc/azw096

The innovative research programme of the Dutch universities // *Digital Society*. URL: <https://www.thedigitalsociety.info/> (дата обращения: 31.05.2023)

Truesdell, Euler, 1960 – *Truesdell C., Euler L.* The Rational Mechanics of Flexible or Elastic Bodies: 1638-1788. Turici: Auctoritate et impensis Societatis Scientiarum Naturalium Helveticae: Venditioni exponunt O. Füssli, 1960. 435 p.

Turing, 1950 – *Turing A.* Computing machinery and intelligence // *Mind, New Series*. 1950. No. 59. Pp. 443-460.

Turing, 1937 – *Turing A.M.* On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem // *Proceedings of the London Mathematical Society*. 1937. Vol. s2-42. No. 1. Pp. 230-265, doi:10.1112/plms/s2-42.1.230

Malsburg, 1986 – *Malsburg C., van der.* Frank Rosenblatt: principles of neurodynamics: perceptrons and the theory of brain mechanisms // *G. Palm, A. Aertsen* (eds.), *Brain Theory. Proceedings of the First Trieste Meeting on Brain Theory*. Berlin; Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 1986. Pp. 245-248, doi:10.1007/978-3-642-70911-1_20

Webster, 2001 – *Webster F.* Information society // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Elsevier, 2001. Pp. 7464–7468, doi:10.1016/B0-08-043076-7/04334-5

References

- Alexeev, V.V. (2021). *Theory of Algorithms*. Textbook. Sarov Institute of Physics and Technology of National Research Nuclear University MEPhI Publ. (In Russian)
- Bell, D. (1999). *The Coming of Post-industrial Society: a Venture in Social Forecasting*, special anniversary ed. ed. Basic Books.
- Bragilevsky, V.N. (2019). *Lectures on the Theory of Algorithms*: Lecture Notes. Retrieved May 31, 2023, from https://gsom.spbu.ru/images/cms/data/teoriya_algoritmov.pdf (In Russian)
- Giatsintov, O. (2019). *Data Management for Effective Digital Transformation*. DIS Group Publ. (In Russian)
- D'Alembert, J.L.R. (1950). *Dynamics* / transl. from French by V.P. Egorshin. State Publishing House of Technical and Theoretical Literature "GosTekhizdat" Publ. (In Russian)
- Dean, M. (2010). *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*, 2nd ed. SAGE; Thousand Oaks.
- Descartes, R. (1989). *Essays in Two Volumes*, vol.1, Philosophical heritage / transl. from Latin and French by V.V. Sokolov. Mysl Publ. (In Russian)
- Euler, L. (1984). *Elements of Algebra*. Springer New York, doi:10.1007/978-1-4613-8511-0
- Foucault, M. (2016). *On The Government of the Living: Lectures at the Collège de France, 1979-1980 and Oedipal Knowledge*. Picador.
- Foucault, M. (1982). The Subject and Power. *Critical Inquiry* 8 (4), 777-795.
- Foucault, M., Sheridan, A. (2012). *Discipline and Punish: the Birth of the Prison*. Vintage.
- Gillingham, P. (2019). Decision Support Systems, Social Justice and Algorithmic Accountability in Social Work: A New Challenge. *Practice* 31, 277-290, doi.org:10.1080/09503153.2019.1575954
- Gillingham, P. (2006). Risk Assessment in Child Protection: Problem Rather than Solution? *Australian Social Work* 59, 86-98, doi:10.1080/03124070500449804
- GPT-2 vs. GPT-3: Which Is Better for Language Modeling? Retrieved May 31, 2023, from <https://ts2.space/en/gpt-2-vs-gpt-3-which-is-better-for-language-modeling/>
- Chekletsov, V. (2015). Dynamic emergent interfaces of complex sociotechnical systems. *Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace* 9, 70-85, doi:10.17726/phillIT.2015.9.1.1.18 (In Russian)
- Kallinikos, J. (2005). The order of technology: Complexity and control in a connected world. *Information and Organization* 15, 185-202, doi:10.1016/j.infoandorg.2005.02.001
- Keddel, E. (2016). Substantiation decision-making and risk prediction in child protection systems. *Policy Quarterly* 12 (2), 46-56, doi: 10.26686/pq.v12i2.4587
- Laney, D. (2001). 3-D Data Management: Controlling Data Volume, Velocity and Variety. *Application Delivery Strategies META Group Inc.* File 949. 6 February. Retrived May 5, 2023, from <https://studylib.net/doc/8647594/3d-data-management--controlling-data-volume--velocity--an...>
- Malsburg, C., van der. (1986). Frank Rosenblatt: principles of neurodynamics: perceptrons and the theory of brain mechanisms, in: Palm, Aertsen, A. (Eds.), *Brain Theory* (245-248). Springer Berlin Heidelberg, doi: 10.1007/978-3-642-70911-1_20
- Margolin, I., Dubrovskaya, N. (2018). The main stages in the development of artificial intelligence. *Young Scientist* 206, 23-26. (In Russian)
- Masuda, Y. (1981). *The Information Society as Post-industrial Society*. Institute for the Information Society.

Mayer-Schönberger, V., Cukier, K. (2014). *Big Data: a Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think*, 1st Mariner Books ed. Mariner Books, Houghton Mifflin Harcourt.

Miller, P., Rose, N.S. (2013). *Governing the Present: Administering Economic, Social and Personal Life*. Polity Press.

Newell, S., Marabelli, M. (2015). Strategic opportunities (and challenges) of algorithmic decision-making: A call for action on the long-term societal effects of 'datification.' *The Journal of Strategic Information Systems* 24, 3-14, doi:10.1016/j.jsis.2015.02.001

Oxford University Press (2008). Retrived May 5, 2023, from <https://global.oup.com/academic/?lang=en&cc=us>

Robinson, J.A. (1965). A Machine-Oriented Logic Based on the Resolution Principle. *Journal of the ACM* 12, 23-41. <https://doi.org/10.1145/321250.321253>

Schuilenburg, M., Peeters, R. (Eds.) (2021). *The Algorithmic Society: Technology, Power, and Knowledge*. Routledge/Taylor & Francis Group.

Smith, G.J.D., Bennett Moses, L., Chan, J. (2017). The Challenges of Doing Criminology in the Big Data Era: Towards a Digital and Data-driven Approach. *The British Journal of Criminology* 57 (2), 259-274, doi:10.1093/bjc/azw096

Spinoza, B. (2018). *Ethics Proved in Geometrical Order and Divided into Five Parts* / transl. from Latin by N.A. Ivantsov. Academic Project Publ. (In Russian)

The innovative research programme of the Dutch universities Digit. Society. Retrieved May 31, 2023, from <https://www.thedigitalsociety.info/>

Truesdell, C., Euler, L. (1960). *The Rational Mechanics of Flexible or Elastic Bodies: 1638-1788*: Introduction to Leonhardi Euleri opera omnia vol. X et XI, seriei secundae. Auctoritate et impensis Societatis scientiarum naturalium Helveticae, Turici.

Turing, A. (1950). Computing machinery and intelligence. *Mind, New Series* 59, 443-460.

Turing, A.M. (1937). On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem. *Proceedings of the London Mathematical Society* s2-42 (1), 230-265, doi:10.1112/plms/s2-42.1.230

Webster, F. (2001). Information Society, in: *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* (7464-7468). Elsevier, doi:10.1016/B0-08-043076-7/04334-5

The Digital Scholar: Philosopher's lab

Цифровой ученый: лаборатория философа

2023. Т. 6. №3.

Учредители: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории
и философии науки».

Главный редактор: И.Т. Касавин
Зам. главного редактора: А.Н. Ткачев
Ответственный секретарь: С.В. Шибаршина

Дизайн обложки: Н.Д. Асташова
Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Формат 60x100 1/16.
Гарнитура «Times», «Calibri»
Уч.-изд. л. 10,6. Усл. печ. л. 10,4. Тираж 500 экз. Заказ № .
Подписано в печать с оригинал-макета: 01.11.2023 г.

Отпечатано в типографии Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС 77 — 72454 от 05.03.2018

Официальный сайт журнала «The Digital Scholar: Philosopher's Lab /
Цифровой ученый: лаборатория философа»
<http://www.digital-scholar.unn.ru>